
THE LIBRARY OF CONGRESS
1800

ТОРЖЕСТВО

КАЗАНСКАГО ОБЩЕСТВА

ЛЮБИТЕЛЕЙ

ОТЕЧЕСТВЕННОЙ СЛОВЕСНОСТИ

Декабря 12 дня, 1814 года.

КАЗАНЬ

Въ Университетской Типографіи

1815.

Печатать дозволяется

съ тѣмъ, что бы по напечатаніи, до выпуска въ продажу, представлены были въ Цензурной Комитетъ: одинъ экземпляръ сей книги для Цензурнаго Комитета, другой для Департамента Министерства просвѣщенія, два экземпляра для Императорской публичной Библіотеки и одинъ для Императорской Академіи наукъ. Казань. 26 Апрѣля, 1815 года.

Цензоръ и Деканъ Германъ.

I. ОПЫТЪ

О СРЕДСТВАХЪ

ПЛѢНЯТЬ ВООБРАЖЕНІЕ.

Quand mes idées seroient mauvaises, si j'en fait naître de bonnes à d'autres, je n'aurai pas tout-à-fait perdu mon tems. Un homme qui, de sa retraite, jette ses feuilles dans le public, sans prôneurs, sans parti qui les defende, sans savoir même ce qu'on en pense ou ce qu'on en dit, ne doit pas craindre que, s'il se trompe, on admette ses erreurs sans examen.

J. J. Rousseau.

Не нужно доказывать, что воображеніе, подобно прочимъ способностямъ человѣка, имѣетъ свои собственныя удовольствія: оно плѣняется изящными изображеніями физической и нравственной природы; оно приходитъ въ сладостное изумленіе отъ картинъ высокихъ; оно погружается въ океанъ мечтаній, увлекается къ вѣрѣ въ чудесное отъ представленій неопредѣленныхъ и безконечныхъ.

Еслибъ наши познанія ограничивались чувствами, онѣ были бы бѣдны, едвалибъ превышающи познанія животныхъ безсловесныхъ; предѣлы нашихъ чувствъ были бы ума предѣлами. Но человѣкъ знаетъ, что за нѣсколько тысячъ лѣтъ до

него случилось, что находится во всѣхъ краяхъ земныхъ, что съ нимъ раздѣлено безмѣрнымъ пространствомъ, что отъ всѣхъ его чувствъ сокрыто. Умъ видитъ все сіе въ воображеніи какъ въ нѣкоемъ волшебномъ, но вѣрномъ зеркалѣ. Умъ безъ воображенія не можетъ даже проникать въ отвлеченныя понятія: необходимо нужно представить воображенію многія частныя истины, что бы изъ нихъ извлекъ умъ общую. Не отъ сего ли большая часть Философическихъ Нѣмецкихъ книгъ бываютъ непонятны?

Воображеніе служитъ не токмо къ пріобрѣтенію познаній, но и къ возбужденію страстей: чего не знаемъ, того желать не можемъ. Руссо, Рейналь и сотоварищи ихъ мечтательными изображеніями равенства, свободы, золотаго вѣка разпалили воображеніе Французовъ, и Французы произвели безполезную, гибильную революцію.

Воображеніе дѣйствуетъ даже на тѣло наше. Цельсъ упоминаетъ объ одномъ священникѣ, который впадалъ въ такое изступленіе, что казался, въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ, совершенно мертвымъ. Одинъ славный Физикъ поразивъ сильно воображеніе преступника на казнь осужденнаго, уморилъ его.

Краснорѣчіе и Стихотворство дѣйствуютъ на умъ и сердце всегда *посредственно*, т. е. плѣняя воображеніе, преклоняютъ умъ и трога-

ютъ сердце. Всѣ Греческіе и Латинскіе писатели наблюдали сіе въ рѣчахъ, исторіяхъ, въ самыхъ философическихъ сочиненіяхъ; не говорю уже о ихъ Поэзіи. Знаменитые новѣйшіе авторы подражаютъ древнимъ. Напротивъ сего, посредственные и дурные сочинители, которыхъ вездѣ великое множество, хотятъ, даже въ стихахъ быть Метафизиками. Никто не читаетъ ихъ.

Но прежде нежели приступлю къ изложенію и разсмотрѣнію средствъ плѣнять воображеніе, да будетъ мнѣ позволено сказать нѣчто объ Изящныхъ Искуствахъ вообще. Сіе необходимо нужно для яснѣйшаго уразумѣнія сущности моего опыта.

Объ Изящныхъ искуствахъ вообще, и особливо о Словесности.

Существенное различіе между Науками и Искуствами состоитъ въ томъ, что первыя занимаются разсматриваніемъ свойствъ предмѣтовъ, а послѣднія обработываніемъ ихъ. Химикъ вникаетъ въ сущность красокъ; живописецъ ими рисуетъ картину; Маѳематикъ измѣряетъ тѣла, силы взаимнаго ихъ дѣйствія; зодчій воздвигаетъ храмъ великолѣпный.

Искуства, которыя имѣютъ главнымъ предмѣ-

томъ удовлетвореніе необходимыхъ потребностей нашихъ, возбуждаютъ пріятные, однакожъ неизъяснимо почему, ощущенія въ нашихъ чувствахъ, осязаніи, вкусѣ и обоняніи, и требуютъ, для произведенія своихъ издѣлій, болѣе тѣлесныхъ, нежели душевныхъ силъ, называются *ремеслами.* Искуства, производящія впечатлѣнія на чувства, слухъ и зрѣніе, дѣйствующія на воображеніе, сердце и разумъ, требующія для произведенія своихъ твореній болѣе умственныхъ, нежели физическихъ силъ, называются *Изящными Искуствами.*

Нѣкоторыя врожденныя человѣку способности, нужда, случай, преимущественно страсти и стремленіе къ совершенству, примѣчаемое при разсматриваніи всего человѣческаго рода отъ самой глубокой древности до нашихъ временъ, породили всѣ искуства. Онѣ существовали, и въ цвѣтущемъ состояніи, прежде нежели изобрѣтены были для нихъ правила. Мысль о Ѳеоріи словесности представилась, сколько извѣстно, во первыхъ Кораксу (1); но Аристотель положилъ вѣчныя основанія и Риторикѣ и Піитикѣ (2). Жившіе послѣ него писатели, въ теченіи многихъ столѣтій, шли по стопамъ его: прибавили нѣкоторыя частныя правила, не открывъ новыхъ общихъ законовъ (3). Токмо въ первой половинѣ прошедшаго столѣтія Баумгартенъ старался составить Об-

щую Θеорію изящныхъ искуствъ, которую онъ назвалъ Эстетикою (4). Съ сего времени, почти во всѣхъ просвѣщенныхъ странахъ Европы, глубокомысленнѣйшіе мужи занимались усовершенствованіемъ оной (5). Знаменитый Сульцеръ думалъ справедливо, что вся Эстетика должна содержать отвѣтъ на вопросъ : *Какимъ образомъ способность ощущать пріятность и непріятность можетъ быть употреблена къ возвышенію разума и улучшенію воли* (6)?

Многіе авторы, писавшіе объ Эстетикѣ, полагали первымъ и главнымъ предмѣтомъ оной опредѣленіе и изъясненіе Изящнаго вообще. Но наши ощущенія красоты въ произведеніяхъ природы основываются по большой части на многосложныхъ и темныхъ чувствованіяхъ *пріятнаго*, а иногда и на понятіи *полезнаго* ; наши представленія о красотѣ искуственныхъ произведеній необходимо должны соединяться съ понятіемъ о *совершенствѣ*. По сему понятіе объ изящномъ, не говоря уже о каждомъ человѣкѣ особенно, по свойству климатовъ, степени просвѣщенія и гражданскихъ постановленій, не токмо неодинаково, но не рѣдко противоположно. Изящные предмѣты, естественные и искуственные, базконечно многоразличны и безчисленны: Кантъ неоспоримо доказалъ, что мы никакъ не въ состояніи съ логическою строгостію опредѣлять и недѣли-

ныхъ предмѣтовъ: тѣмъ болѣе погрѣшностей вкрадывается въ опредѣленія отвлеченныхъ понятій. Наконецъ самыя событія все сіе подтверждаютъ: не спорятъ ли и нынѣ Философы объ опредѣленіи Философіи, права вообще, даже объ опредѣленіи линей, точки, единицы? И такъ спрашивается: можно ли опредѣлить Изящное вообще (7)?

Бартецъ говоритъ (8): „Заблужденіе, находящееся во всѣхъ умозрѣніяхъ древнихъ и новыхъ Философовъ объ Изящномъ, произтекаетъ изъ того, что они не наблюдали и не наблюдаютъ какъ различные предмѣты возбуждаютъ въ насъ чувство изящнаго, а хотятъ токмо дать общее красотѣ опредѣленіе, которое всегда будетъ имѣть выключенія. Но что бы обнять Ѳеорію Изящнаго во всемъ ея пространствѣ, должно, съ помощію наблюденій, узнать и различить всѣ причины, производящія чувство изящнаго; раздѣлить ихъ по главнымъ родамъ изящныхъ предмѣтовъ, и объяснить, сколько возможно, изъ свойства душевныхъ силъ, дѣйствія большей части оныхъ причинъ.“ Гогартъ, съ помощію внимательнаго наблюденія, замѣтивъ какія линеи и фигуры нравятся зрѣнію, несравненно болѣе содѣйствовалъ успѣхамъ Ѳеоріи Зодчества, а наипаче Живописи и Пластикѣ, нежели всѣ умозрѣнія объ изящномъ вообще.

Изящныя Искуства различаются между собою средствами, которыя онѣ употребляютъ для

произведенія своихъ твореній; предметами, которые они могутъ изображать наилучшимъ образомъ, и наконецъ способомъ дѣйствія на людей. По сему ихъ раздѣляютъ на *Практическія*: музыка, Танцованіе и Мимика; *образующія*: Зодчество, Пластика, живопись и садоводство; и на *словесныя*: Стихотворство и Краснорѣчіе. Практическія употребляютъ: *звуки и тѣлодвиженія*; образующія: *линеи и краски*. Практическія могутъ всего лучше изображать: *страсти*; образующія: *виды* (Bilder, images) *предметовъ*. Практическія, поражая *слухъ и зрѣніе*; образующія —одно *зрѣніе*, дѣйствуютъ на душу...

Но мы, по предположенному нами плану, не будемъ здѣсь говорить болѣе объ Изящныхъ искусствахъ вообще, а поспѣшимъ приступить къ Θеоріи Словесности.

Древніе Риторы, по великому Краснорѣчія вліянію въ политику, занимались преимущественно и единственно правилами рѣчей. Риторы среднихъ вѣковъ, не размышляя о причинахъ, которыми руководствовались предшественники ихъ, не замѣчая, что съ перемѣною главныхъ основаній Государствъ и Права Политическаго, перемѣнились и направленіе и цѣль Краснорѣчія, рабски переписывали сочиненія Аристотелевы, Цицероновы и Квинтеліановы, или — что еще хуже — находившіяся въ нихъ сухія правила ораторска-

го искусства обнажили отъ красотъ, которыми сіи великіе мужи оживляли ихъ и дѣлали привлекательными. Имъ подражали всѣ почти новѣйшіе сочинители Риторикъ. Извѣстно, что наши Риторики обыкновенно раздѣляются на три части: *Изобрѣтеніе*, въ которомъ предлагаются общія мѣста: какъ будто бы сіи общія мѣста научаютъ познанію предмѣтовъ; какъ будто бы безъ глубокихъ свѣденій о физической и моральной природѣ можно имѣть обильныя, основательныя и новыя мысли. *Разположеніе*, въ которомъ показывается какъ должно разполагать мысли по силлогизму и хріи, сообразно коимъ нигдѣ, никогда и ни одного сочиненія не было написано. Да и что сочинители Риторикъ могли говорить о разположеніи? не каждый ли родъ Словесности требуетъ особеннаго разположенія? Наконецъ *Словобыраженіе*, гдѣ главное мѣсто занимаетъ пространное вычисленіе различныхъ фигуръ: какъ будто бы сіе вычисленіе научало употреблять оныя по приличію; какъ будто бы писатели во время сочиненія могутъ думать: здѣсь должно употребить сію, а тамъ другую фигуру; какъ будто бы не предмѣтъ сочиненія и не восторгъ писателя раждаютъ фигуры.

Словесныя Искуства не могутъ съ такою же быстротою и силою какъ Практическія, изображать страстей. Звуки и тѣлодвиженія, будучи

непосредственными слѣдствіями душевныхъ движеній, понятны всякому; слова, какъ условные знаки — токмо разумѣющему ихъ. Звуки, такъ сказать, въ самихъ себѣ содержутъ страсти, и механическимъ образомъ возбуждаютъ ихъ въ насъ; тѣлодвиженія представляютъ страсти глазамъ нашимъ: слова суть токмо отвлеченныя знаки общихъ понятій о страстяхъ; онѣ говорятъ одному воображенію, и воображеніе уже возбуждаетъ страсть, и чѣмъ болѣе словъ употребляется для выраженія страсти, тѣмъ она выражается слабѣе.

Однакожъ да не подумаетъ кто либо, что Словесныя Искуства совсѣмъ не могутъ изображать страстей: нѣтъ! Повторяю: онѣ не могутъ *токмо съ такою же быстротою и силою какъ Практическія* выражать ихъ; но онѣ представляютъ ихъ воображенію нашему какъ понятіями о чувствованіяхъ, такъ особенно по производимымъ ими перемѣнамъ въ наружномъ видѣ и дѣйствіяхъ людей. Посмотримъ какъ Виргилій изображаетъ страданіе Дидоны:

Illa graves oculos conata attolere, rursus
Deficit: infixum stridet sub pectore vulnus.
Ter sese attolens, cubitoque innixa, levavit:
Ter revoluta toro est, oculisque errantibus alto
Quaesivit coelo lucem, ingemuitque repertà.

Словесныя Искуства такъ же не могутъ, съ

красотою, свойственною Образующимъ, представлять ни вида одного, ни многихъ въ совокупности неподвижныхъ предмѣтовъ. Линеи и краски представляютъ глазамъ нашимъ вдругъ и въ совокупности всѣ части предмѣтовъ; слова токмо по частямъ: какъ стихотворецъ опишетъ дѣйствіе перспективы, воздуха, взаимнаго отношенія частей одного или многихъ предмѣтовъ? Какъ опишетъ, на примѣръ, Медицейскую Венеру? Не утомляетъ ли насъ въ *Душенькѣ* подробное вычисленіе частей дворца Амурова?

Увидитъ ли (Поэтъ) дворецъ, срисуетъ вмигъ фасаду,
Ворота красные и мраморну ограду;
Поставитъ крыльцы здѣсь, а тамъ подъѣздъ большой,
Поверхъ его балконъ съ рѣшеткой золотой;
Взглянувъ на потолокъ, онъ перечтетъ цвѣточки,
Корзинки, ленточки и розовы вѣночки.
Впередъ страничекъ сто я пропуская, радъ,
Что способъ есть уйти въ калитку черезъ садъ.

Но Краснорѣчіе и Стихотворство берутъ верхъ надъ Практическими Искуствами изображеніемъ физическихъ тѣлъ, отвлеченныхъ понятій и возбужденіемъ посредствомъ сихъ послѣднихъ страстей. Ни звуки, ни тѣлодвиженія не выразятъ ни Философическихъ мыслей, ни представятъ кар-

тинъ природы; ни музыка, ни мимика не могутъ выразить, на примѣръ, рѣчи Пакувія къ Пероллѣ.

Краснорѣчіе и Стихотворство берутъ верхъ надъ Образующими Искуствами такъ же изображеніемъ отвлеченныхъ понятій и предмѣтовъ въ дѣйствіи. Аллегорическія картины, содержащія общія понятія, невразумительны; черты и краски не движутся. Какой живописецъ представитъ намъ въ картинахъ *Духъ Законовъ*, или въ одной картинѣ слѣдующіе стихи:

Ты видѣлъ Каспій протягаясь,
Какъ въ камышахъ, пескахъ лежитъ;
Лицемъ веселымъ осклабляясь,
Пловцовъ ко плаванью манитъ.
И вдругъ, какъ бурей разсердяся,
Встаетъ въ упоръ ея крыламъ;
То скачетъ въ твердь, то въ адъ стремяся,
Трезубцемъ бьетъ по кораблямъ;
Столпомъ власы сѣдые вьются
И гласъ его гремитъ въ горахъ.

Словесныя Искуства дѣйствуютъ такъ же и на слухъ сладкозвучіемъ и подражаніемъ звукамъ и дѣйствію описываемыхъ предмѣтовъ: первое свойство обще и прозѣ и стихотворству; второе изключительно принадлежитъ послѣднему. Не будемъ приводить примѣровъ какъ проза и стихи сладкозвучіемъ плѣняютъ слухъ: сіе всякому извѣстно. Но покажемъ, какимъ образомъ стихо-

творство подражаетъ звукамъ и дѣйствію описываемыхъ предмѣтовъ. Дмитріевъ, въ размышленіи по случаю грома, говоритъ.

Ты дхнешъ и двигнешъ океаны!
Речешъ, и вспять они текутъ!
А мы!... одной волной подъяты,
одной волной поглощены!

Не слышемъ ли, въ послѣднихъ двухъ стихахъ, клокотанія волнъ! Буквы *А* и *О*, повторенныя нѣсколько разъ, производятъ сіе дѣйствіе.

Виргилій изображаетъ паденіе на полетѣ пораженной стрѣлою птицы:

Fixamque refert delapsa sagittam.

Расинъ извивающагося змія:

Sa croupe se recourbe en replis tortueux.

Не живо ли изображаетъ Латинской стихъ быстро вращающуюся птицу при ея паденіи; а Французской не извивается ли подобно змію?

Краснорѣчіе и Стихотворство, будучи не въ состояніи представлять чувствамъ нашимъ самыхъ предмѣтовъ, изображаютъ токмо отсутствующіе: сіи же предмѣты понимаемы быть могутъ однимъ воображеніемъ. По сему желаемъ ли мы прозою и стихами возбуждать страсти или просвѣщать разумъ, должны всегда дѣйствовать на воображеніе.

Многіе писатели объ Эстетикѣ, особливо Нѣмецкіе, отдѣляя *изящное* отъ *полезнаго*, гово-

рить, что Краснорѣчіе, а еще болѣе Поэзія должны токмо пріятно забавлять насъ. Недавно Университетъ въ Ландсгутѣ предлагалъ для разрѣшенія задачу: имѣетъ ли Поэзія связь съ Философіею? Докторъ Билеръ, написавшій удовлетворительный и удостоенный награды отвѣтъ на сей вопросъ, ясно показалъ, что изъ однихъ и тѣхъ же источниковъ произтекаютъ и Поэзія и Философія. Скажемъ вообще: всѣ Изящные Искуства могутъ, и сильно, дѣиствовать на разумъ и нравы: кто въ семъ сомнѣвается? Для чего же почитать ихъ дѣтскими игрушками? Для чего отнимать у нихъ похвальную и великую цѣль? Тѣмъ болѣе можноли унижать Краснорѣчіе и Поэзію, могущественнѣйшія орудія для образованія людей? И если онѣ не станутъ дѣиствовать на разумъ и волю, то въ чемъ будутъ состоять? Форма безъ тѣла быть не можетъ: мысли суть тѣло; слова—форма: что же слова безъ мыслей?

Все вышепредложенное заключимъ въ краткихъ словахъ: Краснорѣчіе и Поэзія должны изображать физическіе предмѣты въ движеніи; страсти – въ перемѣнахъ ими производимыхъ въ наружномъ видѣ и дѣиствіяхъ людеи, и понятіями объ нихъ; общія истины — въ частныхъ представленіяхъ. Краснорѣчіе и Поэзія должны, плѣняя слухъ, дѣиствовать на воображеніе, возбуждать

страсти, просвѣщать разумъ; и

Quid mirum? ubi illis carminibus stupens,
Demittit atras bellua anticeps
Aures, et intorti capillis
Eumenidum recreantur angues.
Quin et Prometeus, et Pelopis parens
Dulci laborum decipitur sono;
Nec curat Orion leones,
Aut timidas agitare lyncas.

И такъ сообразно свойствамъ и цѣли Словесности, ея Ѳеорію, по моему мнѣнію, должно предлагать въ слѣдующемъ порядкѣ:

А. *Общая Ѳеорія Словесности*, содержащая главныя и общія правила всѣхъ родовъ какъ прозаическихъ, такъ и стихотворныхъ сочиненій. Ее составятъ двѣ части:

I. О средствахъ

1) Плѣнять воображеніе.
2) Возбуждать страсти.
3) Убѣждать разумъ.

II. О слововыраженіи, какъ средствѣ сообщать другимъ наши представленія, чувствованія и сужденія:

1) О словахъ разсматриваемыхъ отдѣльно другъ отъ друга (9).
2) О словахъ въ періодахъ (10).
3) О словахъ въ цѣлыхъ сочиненіяхъ.

B. *Частная Өеорія Словесности*, содержащая особенныя правила, касающіяся формы каждаго рода сочиненій. Ее составятъ такъ же двѣ части:

I. О правилахъ прозаическихъ сочиненій:

1) Повѣствовательныхъ: исторіи, жизнеописаній, записокъ и пр.

2) Доказательныхъ: рѣчей, Философическихъ разсужденій, писемъ и пр.

II. О правилахъ стихотворныхъ сочиненій:

1) Повѣствовательныхъ: басни, романа, поэмы и пр.

2) Драматическихъ: трагедіи, комедіи, и пр.

3) Лирическихъ: оды, пѣсни, элегіи, и пр.

4) Дидактическихъ: посланій, сатиръ и пр.

5) Смѣшенныхъ: идиллій, балладъ и пр.

По сей системѣ, думаю, если не ошибаюсь, Өеорія словесности получитъ настоящій и истинный свой видъ; писатели будутъ имѣть и вѣрныя средства и опредѣленную, никода неизмѣнную цѣль для своихъ сочиненій; критика постоянныя, основанныя на естествѣ человѣческомъ правила.

Послѣ сего краткаго введенія въ Изящныя искуства и Словесность вообще, приступаю къ моему разсужденію о воображеніи.

Систематическое раздѣленіе средствъ плѣнять воображеніе.

Сказано въ самомъ началѣ сего сочиненія, что воображеніе имѣетъ собственныя свои удовольствія, служитъ къ приобрѣтенію познаній и возбужденію страстей. Будетъ говорено о двухъ послѣднихъ его дѣйствіяхъ въ своемъ мѣстѣ; а здѣсь токмо разсмотримъ, что ему нравится или не нравится въ произведеніяхъ Словесности.

Воображенію нравиться или не нравиться въ произведеніяхъ Словесности могутъ отдѣльныя представленія, количество ихъ, изъ нихъ составленныя цѣлыя изображенія, и наконецъ многія разнообразныя, слѣдующія одно за другимъ изображенія. Такъ глазъ живописца разсматриваетъ въ картинѣ то каждую черту, каждую краску; то надлежащее ихъ количество, то всю картину, то разположеніе многихъ картинъ, помѣщенныхъ въ одной галлереѣ.

По сему всѣ средства плѣнять воображеніе заключаются въ изъясненіи и разсмотрѣніи слѣдующихъ четырехъ положеній.

I. Какія представленія нравятся или не нравятся воображенію.

II. Сколь много надлежитъ совокуплять оныхъ для составленія полной картины.

III. Какъ соединять ихъ въ одну картину, что

бы она яснѣйшимъ и живѣйшимъ образомъ впечатлѣвалась въ воображеніи.

IV. Въ какомъ порядкѣ разнообразныя картины должны слѣдовать одна за другою, что бы могли занимать и привлекать воображеніе.

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Какія представленія нравятся или не нравятся воображенію.

ЧЛЕНЪ I.

Объ Изящныхъ представленіяхъ.

Подъ словомъ представленіе я разумѣю изображеніе какого либо свойства отсутствующаго предмѣта въ воображеніи. Тацитъ описываетъ Сеяна: „Тѣломъ былъ сложенія крѣпкаго и къ понесенію трудовъ способнаго, духа предпріимчиваго, виды свои скрывающаго, а на другихъ клевету устремляющаго; сколько былъ льстивъ, столько и высокомѣренъ; наружно оказывалъ умѣренность, а въ сердцѣ питалъ неограниченное властолюбіе; отсюда расточительность и роскошь, а наипаче въ дѣлахъ проворство и бдѣніе, не меньше вредныя, когда обращаются на снисканіе верховной власти.” Каждое изъ сихъ предложеній, содержащее полный смыслъ и начертывающееся въ воображеніи я называю представленіемъ.

Какія же представленія нравятся или не нравятся воображенію?

Всѣ согласны, что Исіодово изображеніе печали, упоминаемое Лонгиномъ, отвратительно:

И возгри изъ ноздрей ея текли.

Ни кому, думаю, не понравятся и слѣдующіе стихи:

Главы (Музъ) къ колѣнамъ ихъ склонились,
Власы упали до земли.

Такъ же и сіи:

De montagnes de morts privés d'honneurs suprêmes,
Que la nature force à se venger eux — mêmes,
Et dont les troncs pourris exhalent dans les vents
De quoi faire la guerre au reste des vivans.

Я могъ бы предложить многія подобныя представленія, если бы не опасался оскорбить разборчиваго вкуса просвѣщенныхъ читателей: они сами знаютъ и найдутъ ихъ, на примѣръ, въ Орлеанской Дѣвственницѣ Вольтеровой, въ Энеидѣ вывороченной на изнанку, въ Елисеѣ. Пусть они выберутъ представленія и картины, производящія непріятныя ощущенія въ ихъ чувствахъ, и потомъ размыслятъ: увидятъ, что всѣ сіи представленія и картины не нравятся и воображенію.

Напротивъ сего, кому не понравится слѣдующая строфа:

Спѣши, супругъ, къ супругѣ вѣрной,

Обрадуй ты, утѣшь ее;
Она задумчива, печальна,
Въ простой одеждѣ, и власы
Разсыпавъ по челу нестройно,
Сидитъ за столикомъ въ софѣ;
И свѣтлоголубые взоры
Ея всечасно слезы льютъ.

Она нравится воображенію, и нравится потому что въ ней нѣтъ ни одного представленія, которое бы возбуждало чувственное отвращеніе.

Изъ всего вышесказаннаго заключаю: *Въ Красноречіи и Стихотворствѣ воображенію нравятся токмо тѣ картины, которыя непротивны нашимъ чувствамъ.*

Чувства ощущаютъ пріятное или непріятное по строенію органовъ, по нѣкоторымъ особеннымъ случаямъ, по привычкѣ, принятымъ мнѣніямъ, по образованію ума. Почти всякой человѣкъ чувствуетъ ему свойственнымъ особеннымъ образомъ; народы такъ же.

Цвѣты, тоны, всѣ произведенія природы, отдѣльно другъ отъ друга разсматриваемые, однѣ и тѣ же производятъ то пріятныя, то непріятныя впечатлѣнія въ различныхъ людяхъ.

Когда Ж. Ж. Руссо случалось находить траву *гробъ*, онъ приходилъ въ восхищеніе: она напоминала ему пріятнѣйшее время его жизни.

Послушаемъ Караиба и просвѣщеннаго Европей-

ца, спорющихся о красотѣ женщинъ: какое великое различіе въ образѣ ихъ представленій!

Омеръ изображаетъ Ѳетиду, просящую Юпитера объ отмщеніи за Ахилла:

И святость шуйцею колѣнъ его объемля,
Десной подбрадіе держа, и пр.

Сіе изображеніе кажется намъ смѣшнымъ, Грекамъ казалось самымъ почтительнымъ.

Развѣ токмо невѣжествующая наша чернь съ удовольствіемъ можетъ читать низкія и подлыя картины, которыми наполнены Энеида вывороченная на изнанку и Елисей; Налой, Разхищенныя шубы будутъ забавлять и съ образованнымъ вкусомъ людей.

Воображеніе, въ своихъ удовольствіяхъ, руководствуется чувствами.

И такъ: *Писатели должны стараться узнавать образъ мыслей своихъ читателей; избирать представленія, могущія нравиться.*

Изъ сего правила извлечь могутъ и переводчики важные для себя уроки.

Отвратительныя представленія должно превращать, смотря по цѣли сочиненія, въ ужасныя или смѣшныя. Понятіе *отвратительный* само собою показываетъ причину, по которой невозможно его употреблять: ужасное и смѣшное, занимая наше воображеніе, нравятся ему. Такъ Виргилій изображаетъ смерть Лаокоона:

Illi (angues) agmine certo
Laocoonta petunt: et primum parva duorum
Corpora natorum serpens amplexus uterque
Implicat, et miseros morsu depascitur artus.
Post ipsum, auxilio subeuntem ac tela ferentem,
Corripiunt, spirisque ligant ingentibus: et jam
Bis medium amplexi, bis collo squamea circum
Terga dati, superant capite et cervicibus altis.
Ille simul manibus tendit devellere nodos,
Perfusus sanie vittas atroque veneno;
Clamores simul horrendos ad sidera tollit.

Два послѣдніе стиха представляютъ отвратительныя изображенія; но въ соединеніи съ предыдущими, всѣ вмѣстѣ составляютъ ужасную картину.

Омеръ изображаетъ Ѳирсита:

Онъ въ безобразіи подобныхъ не имѣлъ,
Былъ хромъ, остроголовъ, единымъ окомъ зрѣлъ;
Согбенны рамена и въ грудь глубоко впалы,
Сѣдыхъ власовъ едва остатки зрѣлись малы.

Портретъ отвратительный; но будучи соединенъ со слѣдующими изображеніями, возбуждаетъ смѣхъ: Когда Улиссъ ударилъ скипетромъ Ѳерсита

Подъ тяжестью руки приникъ Ѳерситъ къ земли
И слезы изъ очей неволей истекли;
Явилась на хребтѣ вдругъ опухоль багрова,

Ѳерситъ возсѣлъ, страшась прещенія сурова;
Онъ слезы утиралъ угрюмо зря на всѣхъ,
И рать унылую склонилъ собой на смѣхъ.

Однакожъ должно позволить употребленіе и отвратительныхъ представленій: *во первыхъ* когда сочинитель хочетъ возбудить отвращеніе къ чему либо. Овидій изображаетъ зависть:

Pallor in ore sedet; macies in corpore toto:
Nusquam recta acies: livent rubigine dentes:
Pectora felle virent: lingua est suffusa veneno.

Во вторыхъ въ историческихъ повѣствованіяхъ. Читайте Тацита и Светонія: вы увидите какъ они изображаютъ необузданныя скотскія страсти Цесарей. Но не уже ли за сіе будемъ порицать сихъ авторовъ? Они описывая пороки, поучаютъ потомство: не сія ли есть главная цѣль Изящныхъ Искуствъ?

Мармонтель замѣчаетъ, что всѣ чувства доставляютъ представленія. Но предмѣты зрѣнія начертываются гораздо живѣе въ воображеніи: они отражаются въ немъ какъ въ зеркалѣ. За зрѣніемъ слѣдуетъ осязаніе, за осязаніемъ слухъ, за слухомъ вкусъ, за вкусомъ обоняніе, производящее самое малое количество и при томъ слабѣйшихъ представленій. Изъ предмѣтовъ подлежащимъ одному и тому же чувству, одни темнѣе, другіе яснѣе дѣйствуютъ на воображеніе; но

выборъ ихъ нельзя подвести подъ правила: одно чувство можетъ рѣшить его.

ЧЛЕНЪ II.

О прелести.

Сульцеръ сказавъ: все, что въ людяхъ, въ ихъ дѣлахъ, рѣчахъ и обращеніи привлекаетъ наше сердце, есть дѣйствіе прелести, не говоритъ однакожъ что есть прелесть. Другіе писатели, какъ напримѣръ Винкельманъ, разсуждая о прелести, предаются восторгу и не даютъ точнаго понятія объ оной; иные, желая съ логическою строгостію опредѣлить ее, теряются въ метафизическихъ отвлеченіяхъ.

У древнихъ были три граціи: Аглая — красота, Ѳалія — молодость или свѣжесть, Евросина — веселость. Онѣ изображались нагими: чрезъ сіе не хотѣли ли древніе выразить простоту и естественность? Онѣ держали другъ друга за руки: чрезъ сіе не хотѣли ли древніе выразить, что соединеніе ихъ необходимо? Ихъ представляли танцующими: чрезъ сіе не хотѣли ли древніе выразить, что движеніе есть свойство, входящее въ составъ прелести? Красота, молодость или свѣжесть, веселость, простота, движеніе, всѣ вмѣстѣ не составляютъ ли прелести? Хотите ли въ томъ увѣриться? Прочитайте одиннад-

тое письмо изъ Вертера, или слѣдующіе стихи:

Какое зрѣлище для нѣжныя души!
О Грезъ! дай кисть свою, иль самъ ты напиши:
Въ румяный, Майской день, при солнечномъ восходѣ,
Тогда, какъ все цвѣтетъ и нѣжится въ природѣ,
Все нектаръ пьетъ любви, весной своей гордясь;
Климена скромная на люльку опустясь,
Ни молвить, ни дышать не смѣя,
Любуется плодомъ безцѣннымъ гиминея,
Любуется его улыбкою сквозь сонъ,
И чуть не говоритъ: „какъ милъ, . . . и точно онъ!" —

Прелесть можетъ быть и въ цѣлыхъ сочиненіяхъ и токмо въ нѣкоторыхъ частяхъ оныхъ. Уже давно замѣчено, что творенія Анакреона и Ксенофонта прелестны, главное достоинство сочиненій Дмитріева и Карамзина не есть ли прелесть? Державинъ, по большой части, исполненъ величествомъ; но многія изъ анакреонтическихъ его стихотвореній прелестны.

ЧЛЕНЪ III.

О неопредѣленныхъ, высокихъ и безконечныхъ представленіяхъ.

Представленія сообразныя съ законами, пред-

ложенными въ предыдущихъ двухъ членахъ, нравятся воображенію, и ихъ вообще можно назвать изящными. Но находятся еще другаго рода представленія, которыя сильно возбуждая дѣятельность воображенія, производятъ въ немъ чувство удовольствія, смѣшанное съ нѣкимъ мечтательнымъ исступленіемъ, страхомъ и изумленіемъ. Таковыя представленія называются *неопредѣленными, высокими и безконечными.*

Неопредѣленныя представленія содержутъ токмо важнѣйшія, но и тѣ не всѣ, свойства предметовъ, раждаютъ въ воображеніи множество другихъ представленій, увлекаютъ его къ мечтательности. Луканъ изобразивъ Фарсальскую битву, прибавляетъ, что тамъ

Erravit sine voce dolor.

Однажды спросили монаха, которой сорокъ лѣтъ провелъ въ монастырѣ: чѣмъ онъ тамъ занимался? Cogitavi dies antiquos, et annos aeternos in mente habui, отвѣчалъ онъ. Подобныя же представленія находятся и въ слѣдующихъ стихахъ:

Что человѣкъ! паритъ ли къ солнцу,
Смиренноль идетъ по земли;
Увы! тамъ умъ его блуждаетъ,
А здѣсь стопы его скользятъ.
Подъ мракомъ въ океанѣ жизни
Пловецъ на утлой ладіѣ,
Отдавши руль слѣпому року,

Онъ спитъ — и мчится на скалу!

Всѣ сіи представленія сколь сильно возбуждаютъ дѣятельность воображенія! какое множество онѣ раждаютъ другихъ представленій!

Всякъ ясно видитъ изъ сущности неопредѣленныхъ представленій, что онѣ должны быть употребляемы когда нужно заставить размышлять о какомъ либо предметѣ, или возбудить страсти. Таковы Тацитъ и Монтескю; таковъ Руссо въ нѣкоторыхъ письмахъ новой Элоизы.

Почти всѣ авторы, мнѣ извѣстные, писавшіе о высокомъ, не опредѣляютъ въ чемъ оно состоитъ; но имъ производимое чувствованіе отъ всѣхъ прочихъ отличить можно. О семъ Лонгинъ говоритъ. „Высокое не просто убѣждаетъ слушателя, но приводитъ его въ восторгъ и наполняетъ душу удивленіемъ, превосходящимъ всякое убѣжденіе и пріятность. Убѣжденіе большею частію зависитъ отъ произволенія слушателей; высокое же даетъ слову такую власть и силу, которыя всѣхъ слушателей, противъ ихъ воли, внѣ себя приводятъ. Искуство изобрѣтенія, порядокъ и разположеніе предметовъ не изъ одной или изъ двухъ частей сочиненія, — едва изъ цѣлаго состава онаго примѣтить можно, высокое же, произнесенное у мѣста, подобно громовому удару все разсыпаетъ, и силу оратора въ мигъ обнаруживаетъ.“

Если не льзя определить высокаго вообще, то различные роды онаго, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторой степени, описать, кажется, возможно. Мы раздѣляемъ высокое на три рода: высокое въ представленіяхъ, высокое въ чувствованіяхъ и высокое въ мысляхъ. Здѣсь предложимъ токмо о первомъ родѣ.

Высокое въ представленіяхъ есть всякая величественная картина, возбуждающая страхъ или изумленіе. Такъ Державинъ изображаетъ приступъ къ Измаилу:

Какъ воды съ горъ весной въ долину
Низвержась, пѣнятся, ревутъ,
Волнами, льдомъ трясутъ плотину:
Къ твердынямъ Россы такъ текутъ. —
Ничто имъ путь не воспящаетъ:
Смертей ли блѣдныхъ полкъ встрѣчаетъ,
Иль адъ скрежещетъ зѣвомъ къ нимъ;
Идутъ, — какъ въ тучахъ скрыты громы,
Какъ двигнуты безмолвны холмы;
Предъ ними стонъ, — за ними дымъ.

Безконечныя представленія раждаются въ насъ отъ предмѣтовъ, которыхъ воображеніе обнять не можетъ: на примѣръ видъ безпредѣльнаго моря, въ ясную ночь тверди небесной, представленіе цѣлыя вселенныя.

Блеръ смѣшавъ безконечное съ высокимъ, считаетъ высокаго въ представленіяхъ слѣдующіе

пять источковъ: 1) Обширные и безпредѣльные виды природы, 2) дѣйствіе какой нибудь великой силы, 3) всѣ мрачныя, ужасныя представленія, 4) темнота въ представленіяхъ, и 5) безпорядокъ. Первые три источника не требуютъ объясненій; для двухъ послѣднихъ вотъ примѣры: Державинъ говоритъ въ одѣ Богъ:

Измѣрить океанъ глубокій,
Сочесть пески, лучи планетъ,
Хотя и могъ бы умъ высокій,
Тебѣ числа и мѣры нѣтъ!
Не могутъ духи просвѣщенны,
Отъ свѣта Твоего рожденны,
Изслѣдовать судебъ твоихъ:
Лишь мысль къ Тебѣ взнестись дерзаетъ,
Въ Твоемъ величьи изчезаетъ,
Какъ въ вѣчности прошедшій мигъ.

Онъ же изображаетъ хаосъ:

На пустыхъ высотахъ, на зыбяхъ Божій духъ
Искони до вѣковъ въ тихой мглѣ возносился,
Какъ орелъ надъ яйцомъ надъ зародышемъ вкругъ
Тварей всѣхъ теплотой, такъ крылами гнѣздился.
Огнь, земля и вода и весь воздухъ въ борьбѣ
Межь собой внутрь и внѣ безпрестанно сражались,
И лишь жизнь тѣмъ они ощущали въ себѣ,
Что тамъ стукъ, а тамъ трескъ, а тамъ блескъ прорывались;
Громъ на громъ въ вышинѣ, гулъ на гулъ въ глубинѣ.

Какъ катясь, какъ вратясь даль и близь оглушали,
Бездны берднъ, хляби хлябь колебавъ въ тишинѣ
Безъ устройствъ естество, ужасъ, мракъ представляли.

ЧЛЕНЪ IV.

О чудесномъ.

Человѣкъ есть конечное существо въ безконечномъ мірѣ; онъ видитъ однѣ токмо, подобныя ему, преходящія явленія; знаетъ токмо то, что ему представляютъ чувства. При семъ невольно раждается въ немъ сомнѣніе: таковъ ли въ самомъ дѣлѣ міръ, каковымъ его чувства показываютъ? Сіе сомнѣніе остается для человѣка сомнѣніемъ: онъ не можетъ познавать сущности предметовъ, связи конечнаго съ безконечнымъ, временнаго съ вѣчнымъ. Отсюда раждается вѣра въ чудесное.

Чудесное въ произведеніяхъ Словесности бываетъ произвольное, принятое всѣми упражняющимися въ оной, или вымышленное однимъ кѣмъ либо изъ писателей. Баснописцы заставляютъ говорить животныхъ, растѣнія, самые камни; Свифтъ, въ романахъ своихъ, выдумалъ и происшествія и лица самыя странныя и несбыточныя.

Другой родъ чудеснаго въ произведеніяхъ Словесности основывается на неизъяснимыхъ явленіяхъ физической и нравственной природы, на

принятыхъ цѣлыми народами мнѣніяхъ, на предразсудкахъ и заблужденіи. Таково чудесное во всѣхъ эпическихъ поэмахъ, въ Россіядѣ, Бахаріанѣ, Балладахъ Жуковскаго.

Нѣтъ нужды, что бы читатель вѣрилъ чудесному; довольно, если онъ можетъ на время допустить его. Надобно токмо, что бы чудесное согласовалось со мнѣніемъ того времени и тѣхъ мѣстъ, въ которыя произходитъ дѣйствіе. Тогда мы, за удовольствіе доставляемое чудеснымъ нашему воображенію, соглашаемся поставить себя на мѣстѣ тѣхъ народовъ и вмѣстѣ съ ними себя обманывать. Никто не порицаетъ Тасса за магію въ его поэмѣ, ни Фенелона за чудесное древней Миѳологіи.

Что касается до лицъ аллегорическихъ, то ихъ не должно никогда употреблять какъ главныя дѣйствующія лица. Онѣ имѣютъ два недостатка: слишкомъ однообразны, и никто имъ не вѣрилъ и не вѣритъ.

Сульцеръ говоритъ: склонность къ чудесному столь сильна въ человѣкѣ, что онъ принимаетъ оное не токмо съ удовольствіемъ, но еще, будучи приведенъ въ удивленіе, непрекословно идетъ всюду, куда его хотятъ вести.

ЧЛЕНЪ V.

Объ Эпитетахъ.

Эпитеты (Epitheta) суть представленія, украшающія или усиливающія другія представленія. Они обыкновенно выражаются прилагательными именами, но различествуютъ отъ прочихъ грамматическихъ прилагательныхъ: сіи послѣднія показываютъ токмо существенныя логическія свойства предмѣтовъ; эпитеты всякой предмѣтъ превращаютъ въ картину для воображенія.

Эпитеты должны быть прилагаемы къ такимъ представленіямъ, которыя безъ нихъ не имѣли бы надлежащей, сообразной цѣли сочиненія, силы.

Если предмѣтъ самъ по себѣ живъ и занимателенъ; если эпитетъ не придаетъ красоты ему; если содержащееся въ эпитетѣ изображеніе выше или ниже онаго, если неприлично предмѣту — всѣ таковые эпитеты безобразятъ сочиненіе. Цицеронъ говоритъ: obstat quidquid non adjuvat.

Все сіе объяснимъ примѣромъ.

Мудрецъ возшелъ на вышній холмъ,
И тамъ, сѣдымъ склонясь челомъ,
Возсѣлъ на мшистый пень подъ дубомъ многолѣтнымъ,
И въ низъ изъ подвѣтвей пустилъ свой взоръ
На море, на лѣса, на сини цѣпи горъ,
И зрѣлъ съ восторгомъ благолѣпнымъ
Отъ сна на возстающій міръ.

Въ сихъ стихахъ прилагательное *вышній* есть простое грамматическое прилагательное имя, ибо оно показываетъ токмо свойство *холма*; напротивъ сего прилагательныя: *сѣдымъ*, *мшистый*, *многолѣтнымъ*, *сини благолѣпнымъ* суть эпитеты: они представляютъ картины воображенію.

Впрочемъ эпитеты: *сѣдымъ*, *благолѣпнымъ*, намъ кажутся, неумѣстными: *сѣдое чело* быть не можетъ или содержитъ непріятное изображеніе: *благолѣпный* употребленъ токмо для риѳмы *многолѣтнему*: что такое *благолѣпный восторгъ*?

Въ сочиненіяхъ Драматическихъ гораздо рѣже и менѣе позволяется употреблять эпитеты, нежели въ повѣствовательныхъ и другихъ стихотвореніяхъ. Разсказъ Ѳерамена, въ Расиновой Федрѣ, о смерти Ипполита почитается превосходнѣйшимъ отрывкомъ во Французской Словесности; но всѣ эстетики согласны, что онъ неприличенъ Ѳерамену: человѣкъ страстный выражается сильно, но кратко.

Сочинители, бѣдные мыслями или молодые, всегда употребляютъ слишкомъ много эпитетовъ. Сульцеръ говоритъ, что излишество ихъ въ сочиненіяхъ какого бы то ни было народа есть знакъ упадка его Словесности.

ЧЛЕНЪ VI.

Объ изображеніяхъ.

Изображеніе есть одно или многія представленія, имѣющія сходство съ другимъ предмѣтомъ; онѣ поясняютъ или украшаютъ его. Такъ Дмитріевъ, въ баснѣ *Чижъ*, содержащееся въ ней нравоученіе выражаетъ слѣдующимъ образомъ:

Впредь утро похвалю, какъ вечеръ ужъ наступитъ.

Изображенія, по отношенію своему къ предмѣту, для котораго онѣ употребляются, получаютъ названіе то метафоры, то аллегоріи, то подобія, то примѣра. Мы не будемъ здѣсь объяснять значенія словъ сихъ: можно найти во всякой Риторикѣ и опредѣленія и примѣры для оныхъ.

Изъ-самаго понятія изображенія слѣдуетъ, что оно должно сходствовать съ означаемымъ имъ предмѣтомъ. Знаменитѣйшіе писатели нерѣдко погрѣшали противу сего правила; въ самомъ Омерѣ встрѣчаются изображенія неточныя.

Предмѣты важные требуютъ изображеній высокихъ; предмѣты обыкновенные — изображеній простыхъ.

Когда изображенія употребляются для поясненія какого нибудь предмѣта, тогда надлежитъ брать ихъ отъ вещей гораздо извѣстнѣйшихъ,

нежели предмѣтъ поясняемый. Омеръ, въ VIII пѣсни Илліады, описывая паденіе Горгиѳіона, пораженнаго въ грудь стрѣлою, говоритъ:

Какъ полный макъ въ саду къ странѣ главу
склоняетъ,
Коль плодъ его и дождь весенній отягчаетъ;
Онъ шлемомъ такъ главу-согбенную склонилъ.

Изображенія будучи всегда картинами, доставляя воображенію удовольствіе сравнивать, легкимъ и пріятнымъ образомъ занимаютъ его. Таковы слѣдующіе стихи:

Вчера я долго веселился,
Смотря, какъ мотылекъ
Мелькамъ на солнышкѣ, носился
Съ цвѣточка на цвѣтокъ.
И милой цвѣтъ его мѣнялся
Всечасно предо мной:
То алой тѣнью отливался,
То нѣжной голубой.
Я въ слѣдъ за нимъ. . . . Но онъ быстрѣе!
Виляетъ и кружитъ!
Я вижу, вдругъ, грильнулъ къ лилеѣ,
Недвижимый блеститъ!
Бѣгу. . . . и мой летунъ вертляный
Дрожитъ въ моихъ рукахъ.
Но гдѣ же блескъ его румяный?
Гдѣ краски на крылахъ?
Увы! коснувшись къ нимъ перстами,

Я стеръ ихъ нѣжный цвѣтъ!
И мотылекъ.... Онъ все съ крылами!
Но красоты ужъ нѣтъ!
Такъ наслажденье измѣняетъ!
Вздохнувши, я сказалъ;
„Пока не тронуто — блистаетъ!
„Дотронься — блескъ пропалъ!"

Но главное изображеній употребленіе состоитъ въ поясненіи отвлеченныхъ мыслей и малоизвѣстныхъ или необыкновенныхъ представленій. Онѣ превращаютъ первыя въ картины и чувствованія; даютъ вторымь большую живость и силу. Хотите ли сему научиться? Читайте Лабрюера.

Боссюэтъ общую мысль, что видимое неустройство міра, разсматриваемое въ отношеніи къ вѣчности, производитъ прекраснѣйшій порядокъ, превращаетъ въ слѣдующую картину: „Міръ подобенъ тѣмъ картинамъ, на которыхъ искуствомъ Оптики представляются странныя изображенія. Первый взглядъ открываетъ вамъ однѣ безобразныя черты и сліянную смѣсь красокъ. Но какъ скоро знатокъ заставитъ васъ смотрѣть на сію сліянную живопись изъ надлежащей точки зрѣнія, то черты тотчасъ соединятся, смѣшеніе раздѣлится, и вы увидите прекрасное изображеніе. Тоже дѣлается и съ міромъ. Разсматривая его въ настоящемъ видѣ, ничего не нахожу, кромѣ безпорядка. Но смотря на него въ отно-

шеніи къ вѣчности, открываю удивительный порядокъ."

Ломоносовъ силу и храбрость Россійскаго воинства представляетъ въ семъ изображеніи:

Взойди на брегъ крутой высоко,
Гдѣ кончится землею понтъ;
Простри свое чрезъ воды око,
Коль много обнялъ горизонтъ;
Внимай, какъ Югъ пучину давитъ,
Съ пескомъ мутитъ, зыбь на зыбь ставитъ,
Касается морскому дну,
На сушу гонитъ глубину,
И съ моремъ дождь и градъ мѣшаетъ:
Такъ Россъ противныхъ низлагаетъ!

Необразованные народы, по бѣдности своихъ языковъ, употребляли и употребляютъ изображенія для изъясненія своихъ мыслей; просвѣщенные иногда пользуются ими въ таковой же нуждѣ, но болѣе для доставленія своимъ понятіямъ ясности и живости. Лабрюеръ говоритъ: „всякой превосходной писатель есть превосходной живописецъ."

Писателя обогатитъ изображеніями можетъ чтеніе лучшихъ Натуралистовъ, Стихотворцевъ, путешественниковъ, Историковъ: онъ увидитъ въ нихъ, какъ въ картинахъ, и физическую и нравственную природу.

ЧЛЕНЪ VII.

О Фигурахъ.

Фигуры, а особливо ихъ родъ, называемый тропами, суть такъ же изображенія. Оныхъ источники суть: страсти, восторгъ писателя, его желаніе быть живописнымъ и недостатокъ языковъ для выраженія всѣхъ оттѣнковъ нашихъ представленій. Фигуръ находится безчисленное множество: сколько быть можетъ въ языкѣ необыкновенныхъ образовъ словоыраженія, столько въ немъ есть фигуръ. Можно ли же вычислить ихъ всѣ безъ изключенія? а еще болѣе, можно ли запомнить?

Сульцеръ въ своей Ѳеоріи Изящныхъ Искуствъ говоритъ: „Желательно, чтобы трудное ученіе о различныхъ родахъ фигуръ было изключено навсегда изъ книгъ, писанныхъ для наставленія юношества въ краснорѣчіи. Сей предметъ столь же великую услугу приноситъ краснорѣчію, сколько схоластическая номенклатура Онтологіи познанію истинной Философіи.” Лучшіе писатели о Ѳеоріи Словесности утверждаютъ тоже; здравый разумъ и опытъ съ ними согласны: послушаемся же ихъ.

ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Сколь много надлежитъ совокуплять представленій для составленія полной картины.

ЧЛЕНЪ I.

О полнотѣ представленій вообще.

Подъ нею я разумѣю такъ называемыя въ обыкновенныхъ риторикахъ изобрѣтеніе и разпространеніе, и опредѣляю ее такъ, какъ Лонгинъ опредѣляетъ изобиліе мыслей. „Она есть полное собраніе всего принадлежащаго къ описываемому предмѣту, всѣхъ обтоятельствъ и свойствъ его, посредствомъ которыхъ онъ получаетъ истинную величину и силу."

„Какую эпоху жизни — говоритъ Карамзинъ — можно назвать *щастливѣйшею*? Не ту, въ которую мы достигаемъ до физическаго совершенства въ бытіи (ибо человѣкъ не есть *только* животное), но — *послѣднюю степень физической зрѣлости* — время, когда всѣ душевныя способности дѣйствуютъ въ полномъ развитіи, а тѣлесныя силы еще не слабѣютъ примѣтно; когда мы уже знаемъ свѣтъ и людей, ихъ отношенія къ намъ, игру страстей, цѣну удовольствій и законы природы, для нихъ установленый; когда разумъ нашъ, богатый идеями, сравненія-

ми, опытами, находитъ истинную мѣру вещей; соглашаетъ съ нею желанія сердца и даетъ жизни общій *характеръ благоразумія*." — Сими словами писатель означилъ щастливѣйшее время жизни; но онѣ еще недостаточны; еще читатель могъ бы спросить его: почему онъ почитаетъ сіи лѣта самыми щастливыми? И Карамзинъ продолжаетъ:

„Въ сіе время люди по большей части бываютъ уже супругами, отцами и наслаждаются въ жизни самыми вѣрнѣйшими радостями: семейственными. Мы ограничиваемъ сферу бытія своего, чтобы не бѣгать вдаль — за удовольствіями; перестаемъ странствовать по туманнымъ областямъ мечтанія; *живемъ дома*, живемъ болѣе въ самихъ себѣ, требуемъ менѣе отъ людей и свѣта; менѣе огорчаемся неудачами, ибо менѣе ожидаемъ благопріятныхъ случайностей. Жребій брошенъ; состояніе избрано, утверждено; стараемся возвеличить его достоинство пользою для общества, хотимъ оставить въ мірѣ благодѣтельные слѣды бытія своего; воспитаніе дѣтей, хозяйство, Государственныя должности обращаются для насъ въ моральное удовольствіе, а дружба и пріязнь въ сладкое отдохновеніе.... Поля, нашими трудами обогащенныя, садикъ — нами обработанный — земледѣльцы, насъ благодарящіе — лица домашнихъ спокойныя, сердца ихъ къ

намъ привязанныя — радуютъ мирную душу опытнаго человѣка болѣе, нежели сіи шумныя забавы, сіи призраки воображенія и страстей, которые обольщаютъ молодость. Здоровье, столь мало уважаемое въ юныхъ лѣтахъ, дѣлается въ лѣтахъ зрѣлости истиннымъ благомъ; самое *чувство жизни* бываетъ гораздо милѣе тогда, когда уже пролетѣла ея быстрая половина.... Такъ остатки ясныхъ осеннихъ дней располагаютъ насъ живѣе чувствовать прелесть натуры; думая, что скоро все увянетъ, боимся пропустить минуту безъ наслажденія!... Юноша неблагодаренъ; волнуемый темными желаніями, безпокойный отъ самаго избытка силъ своихъ, съ небреженіемъ ступаетъ онъ на цвѣты, которыми природа и судьба украшаютъ стезю его въ мірѣ: человѣкъ, искушенный опытами, въ самыхъ горестяхъ любитъ благодарить небо со слезами за малѣйшую отраду." — Послѣ сего мы ясно себѣ представляемъ сочинителеву мысль; изображены всѣ свойства предмѣта — въ семъ состоитъ полнота представленій.

Продолжительное, глубокое вниманіе къ предмѣту есть главный, почти единственный источникъ полноты представленій. Восторгъ есть воображеніе, обнявшее всѣ свойства предмѣта, имъ однимъ исполненное. Бюффонъ отвѣчалъ чужестранцу, удивлявшемуся великимъ и многимъ его

въ наукахъ открытіямъ: „Мудрено ли? Я сидѣлъ въ кабинетѣ полвѣка." Тотъ же Бюффонъ называетъ самый геній *терпѣніемъ въ превосходной степени.*

ЧЛЕНЪ II.

Объ общихъ мѣстахъ.

Начинающимъ упражняться въ сочиненіяхъ, непривыкшимъ къ напряженному вниманію, могутъ быть помощію, такъ называемыя въ Риторикахъ, *общія мѣста.* Онѣ, кажется, еще неопредѣлены съ надлежащею точностію. Древніе риторы, Аристотель, Цицеронъ, Квинтиліанъ, разумѣли подъ общими мѣстами тѣ изобрѣтенія источники, изъ которыхъ почерпать можно было мысли для всякаго рода *рѣчей*; схоластики среднихъ вѣковъ и большая часть новѣйшихъ сочинителей Риторикъ, изчисливъ общія мѣста древними назначенныя, прибавляли къ нимъ, но безъ разсмотрѣнія (11), нѣкотрыя новыя. Память учащихся отягощается; пользы нѣтъ; надутыя, безобразныя сочиненія ежедневно появляются.

По моему мнѣнію общія мѣста суть обстоятельства и отношенія, подъ которыми разсмотрѣвъ всякой предмѣтъ сочиненія, познаешъ всѣ его свойства: я уподобляю ихъ категоріямъ Кантовымъ.

Желая познать предмѣтъ, или свое познаніе о немъ сообщить другимъ, должно напередъ разсмотрѣть или изобразить его свойства: сего достигнуть можно чрезъ описаніе. Потомъ надлежитъ обозрѣть или показать его отношенія: безъ нихъ не возможно пріобрѣсти полнаго представленія о предмѣтѣ. Если бы какой историкъ сказалъ о Юліѣ Цезарѣ только: онъ былъ Римской Диктаторъ; такое представленіе о семъ мужѣ было бы крайне бѣдно. Кажется мнѣ, что можно усмотрѣть всѣ отношенія и всѣхъ предмѣтовъ, когда при размышленіи объ оныхъ предложены будутъ слѣдующіе четыре вопроса: Въ какомъ мѣстѣ находится предмѣтъ? Въ какое время онъ существуетъ? Что произвело его? Что онъ самъ производитъ? Если сіе справедливо, то слѣдуетъ, что общихъ мѣстъ должно считать токмо пять: описаніе, мѣсто, время, причину и дѣйствіе.

Я не буду ни опредѣлять, ни объяснять сихъ общихъ мѣстъ: предоставляю сіе дѣло сочинителямъ риторикъ.

Считаю небезполезнымъ и слѣдующій способъ изобрѣтенія мыслей: приступая къ сочиненію, должно сперва себѣ представить главныя мысли онаго, и написать ихъ на бумагѣ; потомъ къ каждой изъ нихъ пріискивать другія, къ симъ третьи, и такъ далѣе до тогѣ, пока будетъ усмо-

тр̂ѣно, что главныя мысли, по присоединеніи къ нимъ сихъ вторичныхъ, получатъ надлежащую величину, ясность и силу.

Ломоносовъ и другіе Риторы совѣтуютъ пріискивать мысли къ каждому слову предложенія, на которое должно писать сочиненіе. Сіе средство и трудно и вредно: всякое слово, само по себѣ взятое, можетъ произвести въ нашемъ воображеніи токмо неопредѣленныя, збивчивыя представленія; изъ несвязнаго же сбора представленій, не соотвѣтствующихъ цѣли писателя, какое можетъ родится сочиненіе?

ЧЛЕНЪ III.

Правила для употребленія полноты представленій.

При изобрѣтеніи представленій надобно имѣть непрестанное вниманіе какъ къ цѣли всего, такъ и частей сочиненія. Всѣ представленія должны споспѣшествовать оной. Сумароковъ, въ баснѣ своей *волкъ и ягненокъ*, говоритъ:

Въ рѣкѣ пилъ волкъ, ягненокъ пилъ;
Однако въ низъ рѣки гораздо отступилъ;
Такъ пилъ онъ ниже,
И слѣдственно, что волкъ къ тому былъ мѣсту ближе,
Откол̂ѣ токи водъ стремленіе влечетъ;
Извѣстно, что вода всегда на низъ течетъ.

Изъ первыхъ двухъ стиховъ, я понимаю, что ягненокъ пилъ въ ручьѣ ниже волка: къ чему же служатъ всѣ послѣдніе четыре стиха? Но слѣдующіе:

И мнитъ (ягненокъ): не буду я съ ягнятами
играть,
Не станетъ на руки меня пастушка брать,
Не буду голоса я слышати свирѣли,
И птички для меня въ послѣдніе пропѣли;
Не на зеленомъ я скончаюся лугу,
Умру на семъ песчаномъ берегу.

Не токмо неестественны (придетъ ли въ голову ягненку, *обмершему* отъ страха, такая элегія), но и для главной цѣли басни, ея нравоученія ненужны. Боало говоритъ:

Пѣвцы! За чѣмъ любить обиліе такое?
Такихъ подробностей собраніе пустое?
Безъ нужды набранны противны намъ слова.
Ихъ долго полная не сдержитъ голова.
Кто свой полетъ не сжалъ, тотъ не пѣвецъ —
рабъ страсти:
Но часто страхъ бѣды ведетъ къ другой на-
пасти:
Стихъ этотъ слабъ, теперь поправкой жестокъ
сталъ;
Боясь избытка словъ, я въ темноту попалъ.

Но и послѣдняго стиха разумъ есть такъ же важное правило для писателей. Повѣствованіе,

въ которомъ опустятся произшествія, нужныя для связи онаго; философическое сочиненіе, въ которомъ писатель помѣщаетъ своихъ умозаключеній однѣ слѣдствія, или опускаетъ посредствующія мысли между продолженіями; стихотвореніе, въ которомъ картины изображены не съ надлежащею полнотою, будутъ невразумительны или вовсе непонятны. Всякой ли архитекторъ, видя разбросанные столпы, корнизы, остатки стѣнъ, можетъ вообразить, какое они составляютъ зданіе? И много ли такихъ архитекторовъ?

Если нужно читателей или слушателей вниманіе остановить на какомъ либо предмѣтѣ для живѣйшаго впечатлѣнія онаго въ воображеніи ихъ или для возбужденія страсти, тогда надлежитъ собрать многія представленія, объясняющія, украшающія и усиливающія представленіе сего предмѣта. Каждая Гораціева философическая ода содержитъ одну мысль, представленную въ различныхъ изображеніяхъ.

Сильныя страсти должно выразить кратко: для сего превосходнѣйшіе образцы найдемъ въ Шекспирѣ; Французскія трагики слишкомъ многорѣчивы. Страсти слабыя любятъ обиліе,

Les foibles déplaisirs s'amusent à parler.

Почти всѣхъ знаменитыхъ писателей можно раздѣлить, по способу ихъ изобрѣтенія, на два рода: одни изображаютъ предмѣты подробно, со

всѣми ихъ свойствами и обстоятельствами; другіе описываютъ токмо важнѣйшіе, но и тѣ не всѣ; одни какъ бы совсѣмъ не надѣясь на проницаніе читателей, ничего не оставляютъ имъ отъ себя прибавить; другіе слишкомъ на нихъ полагаясь, не договариваютъ многаго. Таковы Ливій и Тацитъ, Демосфенъ и Цицеронъ, Бюффонъ и Боннетъ, Руссо и Монтескю. Изъ сихъ способовъ изобрѣтенія который предпочтительнѣе? Блеръ, разсуждая о томъ и другомъ, оставляетъ вопросъ нерѣшеннымъ. Кто же будетъ судіею между писателями толико знаменитыми? Здравый разумъ. Неважныя подробности утомляютъ; слишкомъ краткой слогъ бываетъ нерѣдко теменъ. Средній путь есть всегда благоразумнѣйшій. Изображая токмо важнѣйшія свойства и обстоятельства предмѣтовъ, но съ достаточною полнотою, можно наиболѣе, по моему мнѣнію, приближиться къ совершенству. Таковы, въ отношеніи токмо къ изобрѣтенію разсматриваемые, изъ древнихъ Саллюстій, изъ новѣйшихъ Вольтеръ.

ОТДѢЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

Какъ соединять представленія въ одну картину, что бы она яснѣйшимъ и живѣйшимъ образомъ впечатлѣвалась въ воображеніи.

ЧЛЕНЪ I.

О разположеніи представленій и словъ въ періодѣ.

Всякое цѣлое сочиненіе есть большая картина, содержащая въ себѣ многія малыя. Я буду говорить здѣсь токмо о составленіи сихъ послѣднихъ(12).

Баттё, въ предисловіи къ своему переводу Горація, говоритъ: „Предмѣты производятъ въ насъ представленія, а представленія слова: по сему разположеніе предмѣтовъ въ природѣ должно быть образцемъ разположенію представленій, а слѣдовательно и словъ." Токмо при такомъ разположеніи наше воображеніе можетъ легко слѣдовать за представленіями: ибо ему будетъ ненужно ни перескакивать впередъ, ни обращаться назадъ черезъ многія слова, что бы соединить и представить всю картину въ надлежащемъ видѣ. Мнѣ кажется, что сообразно сему правилу разположенъ слѣдующій періодъ: „Пожарскіе, Минины,

„ Діонисіи, Ѳилареты, Палицыны, Трубецкіе, и „ множество другихъ вѣрныхъ сыновъ Россіи, „ каждый своимъ образомъ, кто мечемъ, кто со-„ вѣтомъ, кто иждивеніемъ, кто твердостію ду-„ ха, стекаются, содѣйствуютъ, ополчаются, „ гремятъ и Москву отъ бѣдствій, Россію отъ „ ига иноплеменныхъ освобождаютъ." Въ семъ примѣрѣ представленія и слова разположены по естественному ходу вещей: съ начала мы видимъ мужей, готовящихся на спасеніе Россіи; потомъ ими избираемыя средства, ихъ подвиги, потомъ Москву и Россію въ бѣдствіяхъ и подъ игомъ Поляковъ; и уже наконецъ ихъ освобожденіе. Напротивъ сего при чтеніи слѣдующихъ стиховъ:

Въ луга усыпанны цвѣтами
Царица трудолюбныхъ пчелъ,
Блестящими шумя крылами,
Летитъ между прохладныхъ селъ;
Стекается, оставя розы
И сотомъ напоенны лозы,
Со тщаніемъ отвсюду рой
Свою Царицу окружаетъ,
И тѣсно въ слѣдъ ея летаетъ
Усердіемъ впеременый строй.

Сколько разъ воображеніе должно перебѣгать то впередъ, то назадъ, что бы себѣ составить полную картину, а слѣдовательно и смыслъ: какой для него непріятный трудъ! Я выбралъ для

примѣра стихи; но кто будетъ помнить предложенное мною правило при чтеніи нашихъ прозаиковъ; тотъ найдетъ въ нихъ весьма много таковыхъ неестественно расположеныхъ представленій и словъ. Возмемъ слѣдующій періодъ: ,, Онъ (Сократъ) посвятилъ себя всѣмъ наукамъ ,, съ жаромъ и твердостію великой души, любо- ,, пытной и дѣятельной." Здѣсь мы видимъ сначала Сократа, потомъ его дѣйствіе, потомъ науки, а наконецъ опять представленія, которыя мнѣ должно, обратившись воображеніемъ назадъ, отнести къ Сократу; сверхъ сего привязчивый критикъ могъ бы еще замѣтить въ ономъ періодѣ и двусмысліе: *наукамъ съ жаромъ* и пр. Сколь было легко писателю избавить меня отъ труда (хотя и небольшаго, но излишняго) приводить въ естественной порядокъ слова его, и при томъ избѣжать двусмыслія!

Само собою разумѣется, что такое словоразположеніе должно наблюдать токмо тогда, когда оно непротивно духу языка.

Изъ всего вышенаписаннаго ясно видно, что языки, способные къ словоизвращенію могутъ быть гораздо яснѣе, сильнѣе и живописнѣе языковъ, неимѣющихъ онаго, на примѣръ языкъ Руской въ сравненіи съ Французскимъ. Какъ же удивительно, что нѣкоторые наши писатели хотѣли слѣдовать единообразному словоразположенію

языка французскаго, и тѣмъ свой природный языкъ лишить всей его силы!

Стихотворцы, будучи связаны мѣрою и рифмами, рѣдко могутъ наблюдать естественной порядокъ въ представленiяхъ и словахъ; но кто изъ нихъ побѣждаетъ сiю трудность, тотъ достигаетъ совершенства въ искусствѣ своемъ.

ЧЛЕНЪ II.

О составленiи цѣлыхъ картинъ.

Разположенiе всякой картины опредѣляется ея цѣлiю и дѣйствiемъ. Сочинитель долженъ себя поставить на мѣсто читателя, и смотрѣть, совокупленныя имъ представленiя производятъ ли предполагаемое отъ нихъ дѣйствiе. Къ сему наиболѣе споспѣшествуетъ, такъ называемое въ Эстетикѣ, *групированiе*, т. е. точное раздѣленiе важныхъ и неважныхъ частей картины, и сообразное онымъ разпредѣленiе количества представленiй. „Кажется, говоритъ Сульцеръ, вся сущность сего искуства состоитъ въ наблюденiи *всеобщей перспективы*, которая даетъ надлежащую величину, свѣтъ и тѣнь каждой части картины."

Важнѣйшiя части картины должны быть изображены подробно, такъ, что бы читатель какъ бы собственными глазами видѣлъ оныя; другiя,

не столь важныя, едва токмо обрисованы и оставлены какъ бы въ тѣни. Посмотрите какъ Г. Жуковской изображаетъ тѣни героевъ, носящіяся надъ Россійскимъ станомъ:

Смотрите: въ грозной красотѣ,
Воздушными полками
Ихъ тѣни мчатся въ высотѣ,
Надъ нашими шатрами!

Сіи стихи и слѣдующіе, помѣщенные чрезъ два куплета:

Хвала вамъ, чада прежнихъ лѣтъ!
Хвала вамъ, чада славы!
Дружиной смѣлой вамъ во слѣдъ
Бѣжимъ на пиръ кровавый.
Да мчится вашъ побѣдный строй
Предъ нашими орлами!
Да сѣетъ, намъ предтеча въ бой,
Погибель надъ врагами!

содержатъ основаніе картины, изображенное общими представленіями и кратко. Важнѣйшія же части, особливо изображенія Карла XII и Суворова, имѣющія самую тѣсную связь (по ихъ отношенію къ войнѣ съ Французами) съ цѣлью всего сочиненія, разсказаны такъ подробно:

О Святославъ! бичь древнихъ лѣтъ!
Се твой полетъ орлиной!
„Погибнемъ! мертвымъ срама нѣтъ!"
Гремитъ передъ дружиной!

И ты, невѣрнымъ страхъ, Донской!
Съ четой двухъ соименныхъ
Летишь погибельной грозой
На рать иноплеменныхъ!
И ты, нашъ Петръ, въ толпѣ вождей!
Внимайте кличь: Полтава!
Орды пришельца снѣдь мечей!
И миръ отгрянулъ: слава!
Давноль, о хищникъ! пожиралъ
Ты взоромъ наши грады?
Бѣги! твой конь и всадникъ палъ!
Твой слѣдъ — костей громады!
Бѣги! и стыдъ и страхъ сокрой
Въ лѣсу съ твоимъ Сарматомъ!
Отчизны врагъ сопутникъ твой!
Злодѣй владыкѣ братомъ!
Но кто сей рьяный великанъ?
Сей витязь Полуночи?
Друзья! на спящій вражій станъ
Вперилъ онъ страшны очи!
Его завидя въ облакахъ,
Шумящимъ, смутнымъ роемъ,
На снѣжныхъ Альповъ высотахъ
Возникли тѣни съ воемъ!
Блѣднѣетъ Галлъ, дрожитъ Сарматъ
Въ шатрахъ отъ гнѣвныхъ взоровъ!
О горе, горе, супостатъ!
То грозный нашъ Суворовъ!

Читатель не видитъ ли и Карла XII и Суворова? Отъ чего же? Они, какъ важнѣйшія части картины, изображены подробно.

Противное сему найдемъ въ слѣдующей басни:

Два сосѣда.

На дворъ чужой свинья къ сосѣду забрела,
А со двора потомъ и въ садъ его зашла.
Въ саду бѣдъ пропасть накутила,
И гряду цѣлую изрыла.
Встрѣвожился весь домъ,
И въ домѣ бѣганье, содомъ.
Собакъ, собакъ сюда! домашніе кричали.
Изъ избъ всѣ люди побѣжали,
И свинью ну травить!
Швырять въ нее, гонять и бить!
Со всѣхъ сторонъ на свинью напустили;
Полѣньями ее, метлами, кочергой;
Тотъ шапкою швыркомъ, другой ее ногой —
Обычай наруси такой!]
Тутъ лай собакъ, и визгъ свиной,
И крикъ людей, и стукъ побой,
Такую кашу заварили,
Чтобъ и хозяинъ самъ бѣжалъ съ двора долой.
И люди травлю тѣмъ рѣшили,
Что свинью наконецъ убили.
Охотники тѣ люди были!
Сосѣды въ тяжбу межъ собой;
Непримиримая между сосѣдовъ злоба;

Огнемъ другъ на друга сосѣды дышутъ оба:
Тотъ проситъ на того за садъ изрытой свой,
Другой, что свинью заправили;
И первой говорилъ:
Я живъ быть не хочу, чтобъ ты не заплатилъ,
Что у меня ты садъ изрылъ.
Другой же говорилъ:
Я живъ быть не хочу, чтобъ ты не заплатилъ,
Что свинью у меня мою ты заправилъ.
Хоть виноваты оба были,
Но къ стати-ль, чтобъ они другъ другу усту-
пили;
Нѣтъ, мысль ихъ не туда!
Но чтобъ ни стало имъ, хотятъ искать суда.
И подлинно суда искали,
Пока всѣ животы судьямъ перетаскали!
Не стало ни кола у истцовъ, ни двора.
Тогда имъ судьи говорили:
Мы дѣло ваше ужь рѣшили.
Для пользы вашей и добра
Мириться вамъ пора.

Къ чему столь подробное и живое описаніе травли свиньи? Она не есть главное обстоятельство басни, и имѣетъ весьма малое отношеніе къ ея цѣли, нравоученію. Но споръ сосѣдей, и особливо ихъ тяжба въ судѣ, самый важнѣйшій предмѣтъ басни, изображены токмо общими словами и вяло. Сочинителю надлежало бы употре-

бить краткость Федрову для первой картины; Лафонтеневу плодовитость и живость — для второй.

Сверхъ сего для искуснаго групированія картинъ нужно, что бы представленія, ихъ составляющія, были полагаемы, по находящейся между ними связи, непосредственно одно подлѣ другаго, а тѣмъ болѣе не были бы раздѣляемы непринадлежащими представленіями къ картинѣ. „Царь Алексѣй Михайловичь выѣхалъ изъ Кремля, „сошелъ съ лошади и сталъ на возвышенномъ „мѣстѣ.... Граждане со всѣхъ сторонъ тѣснились къ нему, громогласно изъявляя усердіе къ „священной особѣ Монарха. Подлѣ него стоялъ „добрый и любимый Бояринъ Никита Ивановичь „Романовъ—Юрьевъ. Государь съ ангельскою кротостію сказалъ купечеству и гражданству," „и пр.... Мнѣ кажется въ семъ примѣрѣ представленія разположены не совсѣмъ надлежащимъ образомъ: я вижу сперва одного Царя Алексѣя Михайловича на возвышенномъ мѣстѣ, потомъ окружающій его народъ; я готовъ слушать рѣчь Государеву, а сочинитель заставляетъ меня вообразить при немъ еще знаменитаго Боярина. Не лучше ли бы было послѣ представленія, что *Царь Алексѣй Михайловичь сталъ на возвышенномъ мѣстѣ*, непосредственно сказать, что *подлѣ него стоялъ добрый и любимый Бояринъ Ни-*

кита Ивановичъ Романовъ—Юрьевъ, а потомъ уже изобразить тѣснящихся вокругъ ихъ граждан ?

ЧЛЕНЪ III.

О сравненіяхъ.

Сравненіемъ въ Ѳеоріи Словесности называется сличеніе двухъ предмѣтовъ, дабы свойства одного изъ нихъ или обоихъ вмѣстѣ показать яснѣе. На примѣръ: „Честолюбіе и другія ослѣ„пительныя качества, коимъ удивляются въ Фи„липпѣ, находятся и въ его сынѣ, съ тѣмъ толь„ко различіемъ, что у перваго соединены онѣ „съ другими свойствами, оныя умѣряющими; а „у послѣдняго твердость превращается въ упор„ство, властолюбіе въ безуміе, храбрость въ на„сильство. Его каждое хотѣніе столь же непре„ложно какъ судьба: оно возстаетъ противъ пре„пятствій, подобно источнику, устремляющему„ся съ ревомъ поверхъ скалы, противящейся его „теченію. Филиппъ употребляетъ разныя сред„ства къ достиженію своихъ намѣреній; Але„ксандръ знаетъ токмо свой мечь. Филиппъ не „стыдится на Олимпійскихъ играхъ оспоривать „побѣду у простыхъ гражданъ; Александръ жела„етъ имѣть противниками однихъ Царей. Ка„жется, тайное чувство напоминаетъ безпре-

„станно первому, что онъ толико возвысился „единственно чрезъ свои труды, а послѣднему, „что онъ рожденъ въ нѣдрахъ величія."

Сравненія споспѣшествуетъ живости картинъ.

ЧЛЕНЪ IV.

О противоположеніяхъ.

Но чрезъ противоположенія свойства предмѣтовъ живѣе и сильнѣе впечатлѣваются въ воображеніи. Противоположенія суть сличенія двухъ между собою противныхъ предмѣтовъ. Онѣ бываютъ двоякія: однѣ состоятъ изъ двухъ или нѣсколько болѣе представленій. Горацій сказалъ:

. . . . qui *fragilem truci*
Commisit *pelago ratem*.

Ломоносовъ въ исчисленіи знаменитыхъ предковъ Императрицы Елисаветы: „Для того описалъ бы я нынѣ вамъ младаго Михаила. . . . *обновляющаго разсыпанныя* стѣны, *сооружающаго* „*раззоренные* храмы, *собирающаго расточенныхъ* гражданъ и пр."

Другіе въ цѣлыхъ большихъ картинахъ. Ломоносовъ изображаетъ щастіе Россіи: „Покойся „въ радости, возлюбленное Отечество, и безмятежнымъ вѣкомъ подъ кровомъ премудрыя „твоея Повелительницы наслаждайся! Коль безопасно твое благополучіе! Коль несравненно съ

„ прочими твое блаженство! Другіе на дымящія-
„ ся развалины разоренныхъ отъ непріятеля гра-
„ довъ своихъ со слезами взираютъ, но ты на
„ восходящія къ облакамъ новыя великолѣпныя
„ зданія взоръ возводишъ. Другіе день и ночь
„ страхомъ объяты трепещутъ, видя съ обна-
„ женными мечами бѣгающихъ другъ за другомъ
„ гражданъ и единородную кровь по стогнамъ
„ проливающихъ; но ты единодушныхъ сыновъ
„ единыя общія всѣхъ Матери согласнымъ под-
„ данствомъ украшаеться. Иные отъ пресѣченія
„ купечества, отъ разрушенія художествъ, отъ
„ попранія земледѣльства наготу и алчбу претер-
„ пѣваютъ; но въ тебѣ купечеству пути открыты,
„ отворены пристани, наполнены богатствомъ
„ торжища, возрастаютъ науки и художества,
„ и житницы твои преизобилуютъ. Иные хотя
„ отъ военнаго шума и страха свободились, од-
„ нако видятъ плачевные слѣды своихъ сопоста-
„ товъ, и суровый оныхъ видъ ясно еще изобра-
„ жается въ ихъ мысляхъ; но тебя, въ безпре-
„ рывной тишинѣ покоющуюся, ниже въ сонныхъ
„ привидѣніяхъ военные страхи возмущаютъ."
„ Или Горацій похищенную Европу;

Nuper in pratis studiosa florum et
Debitae Nymphis opifex coronae,
Nocte sublustri nihil astra praeter
Vidit et undas.

Обоихъ родовъ противоположенія не должны быть употребляемы слишкомъ часто: первыя затмѣваютъ предмѣтъ; вторыя, показывая принужденіе, наскучиваютъ.

ЧЛЕНЪ V.

О необыкновенномъ.

Сочинитель не долженъ рабски списывать природу; не долженъ ограничиваться предмѣтами, ему представляющимися въ одномъ мѣстѣ и въ одно время: онъ долженъ для картинъ своихъ собирать, смотря по предположенной имъ цѣли, краски отвсюду. Пчела изъ различныхъ цвѣтовъ извлекаетъ свой медъ. Державинъ изображаетъ осень:

Спустилъ сѣдой Эолъ Борея
Съ цѣпей чугунныхъ изъ пещеръ;
Ужасныя крылѣ разширя,
Махнулъ по свѣту богатырь;
Погналъ стадами воздухъ синій,
Сгустилъ туманы въ облака,
Давнулъ — и облака разсѣлись,
Пустился дождь и возшумѣлъ.

Уже румяна осень носитъ
Снопы златые на гумно,
И роскошь винограду проситъ
Рукою жадной на вино.

Уже стада толпятся птичьи,
Ковыль сребрится по степямъ;
Шумящи красножелты листья
Разстлалися всюду по тропамъ.

Въ опушкѣ заяцъ быстроногой,
Какъ колпикъ посѣдѣвъ, лежитъ,
Ловецки раздаются роги,
И выжлятъ лай и гулъ гремитъ.
Запасшися крестьянинъ хлѣбомъ,
Ѣстъ добры щи и пиво пьетъ;
Обогащенный щедрымъ Небомъ,
Блаженство дней своихъ поетъ.

Всякъ видитъ, что не льзя найти нигдѣ въ природѣ совершенно сходнаго образца сей картины; части ея разсѣяны по различнымъ мѣстамъ; Стихотворецъ собралъ ихъ воедино.

Такъ же должны поступать писатели, изображая и моральную природу. Мы не найдемъ между людьми ни Ловеласа, ни Грандисона. Все обыкновенное для насъ незанимательно.

ОТДѢЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Въ какомъ порядкѣ разнообразныя картины должны слѣдовать одна за другою, что бы могли занимать и привлекать воображеніе.

ЧЛЕНЪ I.

Содержаніе сего отдѣленія.

Каждый родъ сочиненій располагается особеннымъ образомъ, имѣетъ токмо ему приличную форму: симъ, какъ я сказалъ въ началѣ сего опыта, должна заниматься Частная Ѳеорія Словесности. Здѣсь предложатся однѣ общія, и слѣдовательно немногія правила для расположенія картинъ во всѣхъ сочиненіяхъ.

Въ расположеніи картинъ должно наблюдать: ясность, взаимное ихъ содѣйствіе другъ другу, и разнообразіе. Боало говоритъ:

Всѣ вещи по мѣстамъ расположи пѣвецъ;
Съ срединой согласи начало и конецъ.
И члены разные совокупляя въ тѣло,
Изъ многихъ намъ частей составь единство цѣло.

ЧЛЕНЪ II.

О ясности въ картинахъ.

Въ природѣ физической явленія, а въ нравственной дѣянія, чувствованія и мысли имѣютъ естественное свое начало, связь, ходъ, послѣдствія. Писатель обязанъ соблюсти все сіе въ своемъ сочиненіи: надобно, что бы мы, читая оное, находили всѣ предмѣты такъ разположенными, какъ они бываютъ въ самой природѣ; надобно, что бы всѣ представленія, всѣ картины, все цѣлое сочиненіе начертывались легко и ясно въ воображеніи нашемъ.

Во всякомъ сочиненіи находится или одна главная мысль или одно главное произшествіе: къ нимъ относится все прочее. Существенныя и важнѣйшія части сочиненія должны быть поставлены въ самыхъ видныхъ мѣстахъ, изображены со всею подробностію; другія, меньшей важности, надлежитъ помѣщать и представлять такъ, что бы онѣ споспѣшествовали дѣйствію первыхъ. Въ разположеніи картинъ должно соблюсти все что сказано о групированіи одной картины: ибо всякое сочиненіе есть одна большая картина, составленная изъ многихъ другихъ, которыя суть ея части; что единственныя представленія для сихъ частей, то каждая изъ нихъ для цѣлаго. Не смотря на Вольтера, которой приписываетъ вели-

кую похвалу *Неистовому Роланду*, въ сей поэмѣ нѣтъ ни начала, ни конца, ни главнаго дѣйствующаго лица, и всѣ повѣсти не имѣютъ между собою ни малѣйшей связи.

Ни въ какомъ сочиненіи недолжно быть слишкомъ много картинъ: великое число оныхъ само себя затмѣваетъ, и отягощаетъ воображеніе. Кто, прочитавши того же Аріоста, можетъ себѣ представить всѣ произшествія и случаи имъ описанныя?

Если же предмѣтъ сочиненія будетъ самъ по себѣ весьма обширенъ и разнообразенъ, тогда надлежитъ раздѣлить его на части, каждую изъ нихъ представить въ приличномъ ей видѣ. Мнѣ кажется, если не ошибаюсь, во всѣхъ книгахъ Руссова Эмиля смѣшано столь много и столь разнообразныхъ предмѣтовъ, что они затмѣваютъ другъ друга, и каждый изъ нихъ не напечатлѣвается съ надлежащею ясностію въ воображеніи читателя. Напротивъ сего Локково сочиненіе о воспитаніи дѣтей расположено съ большею ясностію.

ЧЛЕНЪ III.

О соотвѣтственности картинъ.

Для взаимнаго содѣйствія картинъ нужно, чтобы каждая изъ нихъ находилась въ двоякомъ отношеніи: къ цѣлому и къ окружающимъ ее ча-

стямъ. Въ первомъ случаѣ должна быть причина, почему она составляетъ часть цѣлаго; во второмъ, по чему стоитъ именно въ семь, а не въ другомъ мѣстѣ.

Саллюстій свой заговоръ Катилины началъ общимъ разсужденіемъ, что всякой человѣкъ долженъ искать славы, и что умъ предпочтительнѣе тѣлесныхъ дарованій; потомъ начерталъ изображеніе Катилины; потомъ сравненіе древнихъ добродѣтельныхъ нравовъ Римлянъ съ развращенными нравами его современниковъ; а потомъ опять обращается къ Катилинѣ. Не погрѣшилъ ли Саллюстій противу обѣихъ предложенныхъ правилъ? Не лучше ли было бы, на мѣсто вступленія, неимѣющаго ни какой связи съ самымъ сочиненіемъ, поставить сравненіе нравовъ Римлянъ, а послѣ него прямо приступить къ изображенію Катилины и его заговора?

Изъ вышепредложеннаго правила выходитъ и слѣдующее. Всѣ картины должны быть связаны между собою, и каждая изъ нихъ казаться не особеннымъ цѣлымъ, а токмо частью цѣлаго.

ЧЛЕНЪ IV.

О разнообразіи картинъ.

Одни и тѣже предмѣты, самые прекрасные и высокіе, человѣку наскучиваютъ; мы равнодушны къ великолѣпному, но ежедневному теченію солнца:

Для удовлетворенія сей человѣческой способности, всякое сочиненіе должно имѣть разнообразіе, которое состоитъ въ присоединеніи многихъ и различныхъ предмѣтовъ къ одному главному. Повтореніе однихъ и тѣхъ же мыслей, чувствованій и картинъ въ Оссіанѣ наскучиваетъ.

Тассъ, съ вершины Этны, увидѣвъ, какъ на картѣ, всю Сицилію съ ея городами, зеленѣющимися мысами, извивающимися рѣками, горами и долинами; съ кружающими оную островами Липарскими, Панарскими, Алкаудскими, и наконецъ море, сливающееся съ небомъ, сказалъ своему товарищу: вотъ моя поэма!

Разнообразіе въ небольшихъ сочиненіяхъ есть слѣдствіе изобилія или разпространенія: таковы многія оды Гораціевы.

Пространныя сочиненія бываютъ доказательныя, философическія, и повѣствовательныя, историческія и вымышленныя.

Разнообразіе доставляется первымъ раздробленіемъ главной мысли на многія частныя, примѣненіями оныхъ къ особеннымъ случаямъ, примѣрами. Такъ Монтескю, въ *Духѣ законовъ*, опредѣливъ законъ вообще, раздѣляетъ его на естественный, народный, политическій и гражданскій; каждый изъ сихъ раздробляетъ на многіе, содержащіеся въ немъ частные, примѣняетъ сіи послѣдніе къ республиканскимъ, монархическимъ

и деспотическимъ правленіямъ, подробно показываетъ основанія сихъ правленій, мысли свои объ нихъ подтверждаетъ существующими на земли Государствами, заимствуетъ примѣры изъ всѣхъ странъ земныхъ.

Повѣствовательныя сочиненія разнообразятся произшествіями въ нихъ описываемыми, характерами дѣйствующихъ лицъ, мѣстами, гдѣ произшествія случились, эпизодами и пр. Иродотъ и Ливій разнообразнаго историческаго, Виргилій, Тассъ вымышленнаго повѣствованія могутъ быть образцами. Но хотите ли видѣть, какъ повѣствованіе единообразное, въ тѣсныхъ предѣлахъ заключенное, можно сдѣлать удивительно разнообразнымъ? Читайте Илліаду.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Вотъ нѣкоторыя средства плѣнять воображеніе; я увѣренъ, что ихъ быть можетъ болѣе; думаю, что откроютъ новые онаго законы, если обратятъ надлежащее вниманіе на сію чудесную силу, которая едва ли не одна правитъ нравственнымъ міромъ.

Желательно было бы рѣшить еще одинъ вопросъ: *почему* воображенію нравится то или другое въ Стихотворствѣ и Краснорѣчіи? На сіе отвѣчать предпринимали многіе, но безъ успѣха:

Творецъ природы отъ насъ скрылъ первыя причины. Естественныя произведенія нравятся намъ по пользѣ и удовольствію. Первыя причины пользы и удовольствія находятся въ строеніи нашего тѣла, но намъ неизвѣстны. Мы говоримъ: дважды два составляютъ четыре; но по чему? Токмо сказать можемъ: такъ образованъ умъ нашъ. По чему воображенію нравятся изобиліе, величественное, грація въ произведеніяхъ словесности? На этотъ вопросъ нѣкоторые писатели отвѣчаютъ: „Потому что все сіе занимаетъ наше воображеніе." Но сіи слова значатъ: *потому нравятся, что нравятся*, или иначе: такъ образовано наше воображеніе. И нужно ли намъ знать первыя причины? Если я скажу писателю: соблюдай въ твоемъ сочиненіи разнообразіе, ясность, движеніе, живость, и оно понравится читателямъ. Если я покажу ему средства къ достиженію оныхъ эстетическихъ достоинствъ: симъ не долженъ ли онъ быть доволенъ? Смиримъ же себя предъ Творцемъ природы; обуздаемъ дерзкое и безполезное любопытство; откажемся навсегда проникать въ первыя причины. Но рачительно станемъ наблюдать явленія; станемъ ими пользоваться. Среднихъ вѣковъ Философы хотѣли узнать первыя причины: мракъ тщетныхъ умствованій ослѣпилъ ихъ; явился Баконъ со свѣтильникомъ опыта: природа открылась.

ПРИМѢЧАНІЯ.

1. Arist. Rhetor. L. 11, cap. XXVI. Cicer. Brutus cap. XII.

2. Отъ Аристотеля остались намъ: 1) Artis Rhetor. L. III, изъ которыхъ въ первой разсуждаетъ онъ объ изобрѣтеніи и доказательствахъ, во второй о разположеніи рѣчи, въ третьей о слововыраженіи. Онъ именно говоритъ, что краснорѣчіе состоитъ въ мысляхъ, въ убѣжденіи разума и возбужденіи страстей, а не въ пустомъ наборѣ громкихъ словъ. Еще и донынѣ ни въ какомъ сочиненіи не написано ничего основательнѣе его разсужденій о убѣжденіи разума и возбужденіи страстей. 2) Rhetorica ad Alexandrum, сокращеніе предыдущей. 3) Ars Poetica дошла до насъ неполная; но въ ней находятся основательныя мысли о началѣ Поэзіи вообще, не совсѣмъ справедливыя о ея сущности (что послужило основаніемъ системѣ Баттё), и глубокомысленнѣйшая Ѳеорія драматическихъ сочиненій.

3. Сихъ Риторовъ было великое множество; но отличнѣйшіе изъ нихъ: 1) Цицеронъ, которой оставилъ девять сочиненій о Риторикѣ. Изъ нихъ лучшія: de Oratore и Orator. 2) Квинтиліанъ. Всѣмъ извѣстно прекрасное его сочиненіе de Institutione oratoria, L. XII. 3) Гермогенъ. Онъ написалъ Ars Rhetor. Сульцеръ говоритъ, что тому, кто про-

читалъ наставленія въ ораторскомъ искуствѣ сихъ писателей — тому совсѣмъ не нужно читать другихъ Риторовъ, ни древнихъ, ни новѣйшихъ. Къ нимъ должно прибавить токмо Лонгина, которой написалъ книгу de Sublimitate (о высокомъ), столь прекрасно на Россійской языкъ переведенную, и изъ которой мы заимствовали многія мысли.

4. Баумгартенъ написалъ въ 1735 году разсужденіе de nonnullis ad poema pertinentibus, въ которомъ положилъ нѣкоторое основаніе Ѳеоріи Изящныхъ Искуствъ; а потомъ началъ сочинять свою Aesthetica, которая вышла въ 1750 году; она недокончана и неполна.

5. Лучшіе изъ писателей, занимавшихся Эстетикою, суть: Баттё, Мармонтель, Лагарпъ; Юмъ, Блеръ, Бурке; Сульцеръ, Мейеръ, Эбергадъ, Эшенбургъ, Кантъ, Бутервекъ; въ Россіи Мартыновъ.

6. Сіе общее содержаніе Эстетики Сульцеръ раздѣляетъ на двѣ части слѣдующими важными правилами:

a. Старайся, что бы какъ цѣлое художественное прозведеніе, такъ и части его выгоднѣйшимъ образомъ впечатлѣвались въ чувствахъ и воображеніи.

b. Выбирай предмѣты, имѣющіе полезное дѣйствіе на разумъ и волю.

7. Хотя Мейнерсъ и говоритъ: ,, Неблагодарной былъ бы трудъ изчислять и разбирать всѣ

изъясненія изящества въ древнія и новыя времена"; однакожъ предложимъ о семъ предметѣ мнѣнія знаменитѣйшихъ какъ древнихъ, такъ и новыхъ писателей, съ краткими на оныя примѣчаніями. Сіе любопытно будетъ для всѣхъ упражняющихся въ Словесности и Изящныхъ Искуствахъ вообще, и послужитъ подтвержденіемъ нашему мнѣнію, что Изящное еще неопредѣлено. При томъ, кажется мнѣ, что на Рускомъ языкѣ никто еще не писалъ о семъ предметѣ.

а. древніе.

1. Платонъ говоритъ (см. его Гиппіаса и Федра), что „ красота есть вещь самостоятельная; что существуетъ въ нѣдрахъ самаго Божества; что она есть тотъ великій образецъ, по которому Творецъ міра устроилъ вселенную; что если бы мы могли увидѣть ее, она произвела бы въ насъ такое пріятное впечатлѣніе, какого ничто на земли произвесть не можетъ." Люди имѣющіе чрезмѣру сильное воображеніе, рѣдко находятъ истину. Платонъ принадлежалъ къ сему классу, и всѣ творенія его показываютъ, что онъ былъ Метафизикъ—Стихотворецъ, а не философъ основательный. Спрашиваю: изъ предложеннаго нами его описанія красоты можетъ ли кто получить объ ней хотя нѣкоторое понятіе? Можетъ ли показать, какъ произведенія природы и Изящныхъ

Искуствъ возбуждаютъ въ насъ ощущенія изящнаго?

II. Аристотель замѣнилъ (de poetica, cap. 7) ничего незначущія слова своего учителя справедливыми, но недостаточными понятіями о красотѣ. Онъ полагалъ изящное,, въ опредѣленной величинѣ и порядкѣ; животное, прибавляетъ онъ, безмѣрно великое или безмѣрно малое не льзя назвать изящнымъ." Правда величина и порядокъ производятъ чувство красоты; но однѣ онѣ недостаточны. Поэма не будетъ еще изящною, если имѣетъ и величину и порядокъ. Аристотель, умъ систематическій, впадалъ въ противныя Платоновымъ заблужденія; понятіямъ частнымъ, справедливымъ токмо въ одномъ отношеніи, давалъ онъ общее знаменованіе.

III. Нѣкоторыя мѣста (Epist. 151 ad Nebridium; de vera Religione, cap. xxx et seq.) въ сочиненіяхъ св. Августина, Епископа Гиппонскаго, показываютъ, что онъ имѣлъ обширнѣйшее, гораздо отвлеченнѣйшее, нежели его предшественники, понятіе объ изящномъ. По его мнѣнію красота состоитъ въ сообразности частей съ цѣлымъ, въ единствѣ; но къ сему, впрочемъ такъ же въ нѣкоторыхъ токмо случаяхъ (что докажется въ слѣдующихъ членахъ) справедливому опредѣленію прибавляетъ онъ, подобно Платону, мечтательныя мысли, говоря, что ничто въ природѣ не да-

ет нам понятія о красоте, что совершенный образец ея неизменен и вечен.

Вот все, что древніе писатели о сем предмете оставили нам; потом несколько столетій никто об нем не думал, и уже токмо в 1714 году Лозанской Профессор Крузас издал сочиненіе об Изящном. Посмотрим теперь, как мыслят об нем новейшіе писатели.

b. *новые.*

Их можно разделить на пять классов:

I. Крузас и за ним Сульцер, Мендельзон, Мейнерс и большая часть Немецких Эстетиков возобновили мненіе Св. Августина, сказав, что Изящное состоит в единстве целаго при разнообразіи частей. Но не великое ли множество находится предметов, которые, имея сіи признаки, не могут назваться изящными? Не во всех ли, на пр. животных мы видим единство с разнообразностію; а сколько из них прекрасных?

II. Вольф и Баумгартен полагали изящество в совершенстве; но ум человеческой есть следствіе впечатленій, производимых на нас предметами; и так мы не можем знать, в чем состоит совершенство произведеній природы. Следовательно мы не можем знать в чем состоит их изящество.

III. Гутчесонъ думалъ, что мы имѣемъ особенное, шестое чувство для ощущенія Изящнаго: нужно ли, послѣ всѣхъ сдѣланныхъ въ концѣ прошедшаго и въ началѣ нынѣшняго столѣтій открытій въ Антропологіи, опровергать сіе мнѣніе?

IV. Пульи называетъ Изящнымъ все, что чувства и силы наши занимаетъ соотвѣтственнымъ и легкимъ образомъ. По сему слишкомъ неограниченному опредѣленію, Арабъ имѣетъ право утверждать, что черная кожа, расплюстнутой носъ, толстыя губы и широкой ротъ составляютъ красоту.

V. Энциклопедисты полагали, что отношенія и обстоятельства предмѣтовъ дѣлаютъ ихъ Изящными. И такъ одинъ и тотъ же предмѣтъ можетъ быть и дурнымъ и прекраснымъ. Читая, на пр, стихи Дмитріева, при различныхъ расположеніяхъ моего духа, живѣе или слабѣе чувствую красоты ихъ, но уменьшается ли отъ того ихъ изящество?

8. См. Théorie du beau dans la nature et les arts.

9. Здѣсь не разумѣются этимологическія свойства словъ; но ихъ соотвѣтственность съ означаемыми предмѣтами или понятіями. Грамматика есть наука; Ѳеорія Словесности — искуство; первая занимается изслѣдованіемъ свойствъ человѣческаго слова; вторая беретъ слова какъ ихъ находитъ, и токмо научаетъ составлять изъ

нихъ, по разнымъ намѣреніямъ, разныя произведенія.

10. Здѣсь разумѣется не синтаксисъ, но искуство групировать слова, т. е. поставлять ихъ въ періодахъ такъ, что бы онѣ производили возможно — сильное дѣйствіе.

11. На пр. въ Риторикѣ Рижскаго, которая написана по образцу Риторикъ схоластическихъ, общихъ мѣстъ вычислено противу моего гораздо болѣе; но всѣ онѣ или содержатся подъ упомянутыми нами, какъ-то: *родъ* и *видъ*, *имя*, *цѣлое* и *части* подъ общимъ мѣстомъ, называемомъ *опредѣленіе*; или Общей Θеоріи Словесности составляютъ особенныя и важныя части, каковы суть *противоположеніе*, *сравненіе* и пр., или суть обыкновенныя фигуры, на пр. *подобіе*.

12. Замѣчаю одинъ разъ на всегда, что подъ словомъ картина я разумѣю и изображеніе недѣлимыхъ предмѣтовъ и изображеніе общихъ философическихъ истинъ. Прощаніе Гектора съ Андромахою и Руссово доказательство, что матери должны сами кормить дѣтей своихъ суть картины.

Общее примѣчаніе. Я не имѣю намѣренія сочинить полную общую Θеорію Словесности, а желаю токмо предложить нѣкоторыя относящіяся къ оной не совсѣмъ старыя истины въ новомъ,

и мнѣ кажется, полезнѣйшемъ и естественнѣйшимъ порядкѣ. По сему я говорилъ въ семъ опытѣ объ однихъ предметахъ съ довольною подробностію, а о другихъ, какъ всѣмъ извѣстныхъ, токмо кратко.

Долго я думалъ, нужно ли мнѣ сдѣлать слѣдующее замѣчаніе. Для подтвержденія и объясненія моихъ мыслей я показалъ нѣкоторые недостатки въ произведеніяхъ знаменитѣйшихъ нашихъ писателей: моя критика не оскорбитъ ли ихъ? Но вообразивъ себѣ ихъ благоразуміе и скромность, столь свойственныя истиннымъ дарованіямъ и никогда невиданныя въ слабой посредственности, говорю: magni sunt, homines tamen.

Василій Перевощиковъ.

II.

ОДА
къ
МУЗАМЪ.

Оставлю, Музы, трудъ напрасный
И не хочу писать стиховъ;
На Пиндѣ розы хоть прекрасны,
Но только много и шиповъ.
Пустой алкая въ гробѣ славы,
Почто мнѣ удалять забавы
И вѣкъ короткій коротать?
Блюсти всегда стиховъ исправность,
Согласовать съ разсудкомъ плавность
И звучны риѳмы сочетать?

* * *

Пріятнымъ удостоя взоромъ,
Мнѣ Музы ставили въ вину,
Что я нескромнымъ разговоромъ
Съ Парнассомъ начиналъ войну:
Тебя мы съ дѣтства полюбили,
Вѣнцомъ лавровымъ наградили (1),
Поэтъ изъ милости одной!
Когда разсудишъ справедливо,
Оставишъ мнѣнье прихотливо;
Внемли, мы здѣсь однѣ съ тобой.

* * *

---

(1) Сочинитель имѣетъ честь быть членомъ мн гихъ Ученыхъ сословій.

Какія знатныя услуги
На Геликонѣ намъ явилъ?
Ты нѣсколько въ твои досуги
Россійскихъ притчей сочинилъ (2);
Молчимъ о случаѣ извѣстномъ,
Что мысль въ Фонтенѣ бралъ прелестномъ,
Но только безъ его затѣй.
Украдкой онъ списалъ природу,
А послѣ кисти бросилъ въ воду
И звѣри стали безъ рѣчей (а).

* *
*

Стремясь Горація слѣдами;
Когда владѣть Пегасомъ сталъ,
Держась за повода руками,
Ты даже тѣни трепеталъ.
Гдѣ былъ ручей, казалось море;
Ты въ сильномъ находился горѣ,
Встрѣчая холмы и бугры:
Ты въ самой быстротѣ полета,
Громаду созерцая свѣта,
Остановился у Кубры!

* *
*

Когда о *Пѣснопѣвцѣ* пишешь (3),
Берешь немножко съ высока,

---

(2) Смотри притчи Гр. Хвостова, напечатанныя при Академіи наукъ 1802 года.

(а) Послѣднія два стиха относятся собственно къ притчамъ сочинителя, а не другихъ знаменитыхъ притчетворцевъ Россійскихъ, каковъ Г. Хемницеръ и пр.

(3) Смотр. Лирич. Творенія Гр. Хвостова.

И тутъ восторгами не дышешь,
И кисть твоя всегда робка,
Глядишь на все пониклымъ взоромъ;
Пусть учитъ яснымъ разговоромъ,
Что даръ есть лучезарный свѣтъ;
Но стихотворческихъ гаданій,
Разнообразныхъ сочетаній
И изумрудныхъ солнцевъ нѣтъ (4).

* *
*

Законодавца Гѣликона
Потомъ ты вздумалъ перевесть (5);
Тебѣ, издателю закона,
За то большая будетъ честь.
Уже кричатъ: велико дѣло!
Переводить Депрео? смѣло!
Не очень этотъ трудъ легокъ!
Гораздо лучше бы отъ скуки
Сидѣть, поджавши только руки;
Чужой пересужать стишокъ.

* *
*

Поэтъ предъ Музами безсловѣнъ;
Но я богинямъ отвѣчалъ,

---

(4) Подобнаго выраженія на Рускомъ языкѣ сочинитель не видалъ; но сіе относится къ тому, что многіе писатели неправильностію и несообразностію фигуръ съ истинною, гоняясь тщетно за картинами или затѣйными словами, обезображиваютъ свои сочиненія. Слѣдующіе стихи въ одѣ Г. Малгерба тому примѣръ: „ Возми свой громъ, и яко левъ дерзай “

(5) Сочинитель перевелъ науку стихотворства, сочиненную Буало, которая въ 1813 году и напечатана вторымъ изданіемъ.

Что въ томъ нимало не виновенъ,
Коль Фебъ способность малу далъ;
Что я мысль быструю и чувство,
Какъ выше разума искуство,
Всегда старался почитать;
И мнилъ, что музы вдохновенье —
Стиховъ есть сущность, украшенье,
Удобное весь міръ прельщать,

* *
*

Избранныхъ Геніевъ устами,
Чья рѣчь была — языкъ боговъ,
Не вы ль вѣщали Музы сами,
Глася о плавности стиховъ,
Что строчки риѳменны, холодны,
Вамъ на Парнассѣ неугодны;
Что пламенны стихи родить
Безплодны суть ума горнилы;
Что дѣти скорбны и безъ силы
Не могутъ въ свѣтѣ долго жить.

* *
*

Пускай умъ хладный озаряетъ
Любимцевъ вашихъ средъ пути;
Пускай всечасно имъ внушаетъ,
Какъ въ храмъ безсмертія пройти;
Пусть скажетъ имъ, въ стихахъ что гладкость,
Устроитъ чинъ, покажетъ краткость,
Но вдаль бѣжать и дряхлъ и старъ.
Гдѣ онъ похититъ огнь небесный,
Гдѣ соберетъ цвѣты прелестны,
Которы рветъ въ пустыняхъ даръ?

* *
*

Вѣщали вы любимцамъ славы;
Бросавшимъ стрѣлы на порокъ,
Что могутъ непорочны нравы
На лирѣ возглашать урокъ;
Что повѣсти сластолюбивы
И мысли дерзки, злорѣчивы
Предмѣтъ презрѣнный для пера:
Музъ чистыхъ чистый собесѣдникъ;
Онъ пѣснопѣвецъ, проповѣдникъ
Святыя правды и добра.

* * *

Велитъ Зевесу раздраженну
Воздвигнуть громъ на высотахъ;
Пускаетъ стрѣлу разкаленну,
Родящу трепетъ во сердцахъ;
И, напрягая силы яры,
Въ слѣдъ за ударами удары
Разсыплетъ съ трескомъ по горамъ:
Тамъ поражаетъ кедръ столѣтній;
А тамъ горяще чрево Этны
Являетъ смертнаго очамъ.

* * *

Велитъ, и море отверзаетъ
Свои несытыя уста,
Сѣдыя волны простираетъ
И страхъ на дольнія мѣста.
Борей тамъ силою дыханья
Крылатыя срываетъ зданья
Съ желѣзнаго оплота ихъ,
И вержетъ въ бездны безъ препоны;
Тамъ скрытъ снастей, тамъ смертныхъ стоны,
Тамъ тма—предтеча скорбей злыхъ.

* * *

Побѣдоносцу ослѣпленну;
Уснувшу сладко на цвѣтахъ,
Который чаетъ зрѣть вселенну
Въ позорномъ рабствѣ и цѣпяхъ;
Вѣщаетъ ясными словами,
Что Богъ — владѣющій громами,
На кровожадныхъ грозно зритъ;
Что брань лютѣйшую воздвигнетъ,
Ударитъ съ высоты, постигнетъ
И въ перстъ кичливость обратитъ.

* * *

Гдѣ Сильвія плететъ вѣночки,
Ручей по камушкамъ бѣжитъ,
Кропя лужайку и цвѣточки,
Тихонько въ кустикахъ журчитъ;
Твердя паденьемъ струй согласнымъ,
Что съ милымъ пастухомъ, прекраснымъ
Свиданье прекратитъ тоску:
Тирсисъ внимая водъ журчанье,
Желая ускоритъ свиданье,
Спѣшитъ къ пастушкѣ изъ лѣску.

* * *

Почто безплодны разговоры,
Священны Дѣвы продолжать,
Оставлю вамъ я ваши горы;
Умѣя долу обитать:
Не исповѣдую пристрастно;
Что сочиненіе прекрасно,
Гдѣ только дикость словъ видна.
Когда стихи ползущи, сухи,
Тогда читатели всѣ глухи
И скука съ Авторомъ одна.

* * *

Пусть Музы мнѣ не сообщили
Своихъ сокровищъ и даровъ;
Однако жаръ не потушили
Боготворить языкъ боговъ.
Стихи съ природою согласны,
Гдѣ мысль пѣвца и чувства ясны,
Получатъ должныхъ хвалъ вѣнцы.
Стихи потомства достигаютъ,
Коль умъ и сердце поражаютъ,
Горятъ восторгомъ ихъ пѣвцы.

1807. *Графъ Дмитрій Хвостовъ.*

III. ОДА

НА ДЕНЬ КОРОНОВАНІЯ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I-го,

писанная въ Сентябрѣ мѣсяцѣ 1814-го года.

Творца міровъ верховна власть,
По вѣчнымъ мудрости законамъ
Царей и Царствъ измѣривъ часть,
Даетъ и блескъ и силу тронамъ:
Онъ сѣнію всемощныхъ крылъ
Избранный свой народъ покрылъ,
Народъ Имъ къ славѣ вознесенной;
Онъ Скипетръ Александру далъ
И гласомъ кротости воззвалъ
Златые дни для полвселенной.

* *
*

Насталъ для Россовъ новый вѣкъ (1);
Въ порфиру Ангелъ облеченный
Торжественно съ престола рекъ:
„Внемлите сей обѣтъ священный;
„Что Я предъ Небесами далъ;
„Я правиломъ себѣ избралъ
„Въ слѣдъ шествовать ЕКАТЕРИНЫ (2);
„Да благость съ истинной святой
„Текутъ, обнявшись, предо мной —
„Сравнять пути сего стремнины.

* * *

Ты рекъ — и грозный изувѣръ,
Сомнѣньемъ, страхомъ въ свѣтъ рожденный,
Законныхъ чуждъ открытыхъ мѣръ
И мракомъ тайны облеченный,
Отъ насъ со стономъ отлетѣлъ (3);
Несчастный узникъ свѣтъ узрѣлъ;
Забвенъ отъ смертныхъ и природы;
Лобзалъ къ нему простерту длань,
И слезы благодарны въ дань
Принесъ Творцу его свободы.

* * *

Ты рекъ — и общества уставъ
На вѣкъ закономъ утвердился (4);
Мгновенно духъ народныхъ правъ
Вездѣ свободой оживился.
Свобода! вѣрный другъ Царей;
Когда подъ сѣнію твоей
Траяны, Титы, Антонины
Порокамъ страшны лишь однимъ;
О, какъ вліяніемъ твоимъ
Прославленъ вѣкъ ЕКАТЕРИНЫ!

* * *

Ты рекъ — и просвѣщенья храмъ
Величіемъ облекся новымъ;
Обширнымъ Азіи странамъ,
Борея областямъ суровымъ
Наукъ пролился яркій свѣтъ,
И гдѣ лишъ только Россъ живетъ,
Явились новые Лицеи (5);
Афины въ сѣверъ пренеслись
И лирны звуки раздались,
Сведя съ небесъ къ намъ вѣкъ Астреи.

* * *

Тринатцать кратъ свой къ Югу взоръ
Склонялъ небесный сынъ Латоны;
Тринатцать кратъ веселый хоръ
Съ дарами щедрыя Помоны
День щастья общаго встрѣчалъ,
Когда чело ТВОЕ вѣнчалъ
Творецъ помазаньемъ священнымъ;
Когда во плескахъ Кремль шумѣлъ;
Когда пѣснь радости воспѣлъ
Народъ ТВОЙ съ сердцемъ восхищеннымъ.

* * *

И протекли тринатцать лѣтъ,
Въ пучинѣ канувъ безконечной!
Все къ вѣчности стремитъ полетъ
Въ сей жизни смертныхъ быстротечной;
Но славѣ благотворныхъ дѣлъ
Безмертіе дано въ удѣлъ:
Вотъ душъ небесныхъ утѣшенье!
Достойна пища вотъ сердецъ!
Тогда блистающій вѣнецъ
Царей не тщетно украшенье.

* * *

Нѣтъ, слава та не есть мечта,
И будетъ вѣчна въ родъ изъ рода. —
МОНАРХЪ! тмочисленны уста
ТЕБЯ зовутъ Отцемъ народа;
ТЕБѢ въ сердцахъ воздвигнутъ храмъ,
Любви курится Ѳиміамъ;
Сердцами Россовъ ТЫ владѣешъ,
Любовь ТЕБѢ ограда, щитъ,
И громъ враговъ ТВОИХЪ сразитъ; —
Враговъ? — но ТЫ ихъ не имѣешъ.

* * *

Прошли тѣ смутны времена,
Когда Европа вихремъ брани
Во всѣхъ концахъ потрясена,
ТВОИ вооружила длани;
Когда Россійскіе Орлы
Стремясь среди палящей мглы,
Права народовъ защищали (6);
Когда сыны ТВОИ съ ТОБОЙ,
Безстрашной шествуя ногой,
На смерть и ужасы дерзали.

* * *

Прошелъ уже тотъ грозный годъ,
Обильный бѣдствіями, славой,
Когда карая смертныхъ родъ,
Судьба стезей вела кровавой
Атиллу Сеинскихъ бреговъ;
Но тщетно тысящи громовъ
Носились Росса надъ главою:
Ты въ крѣпости иройскихъ силъ
Врага попралъ и низложилъ,
Отверзъ Европѣ дверь къ покою (7).

* * *

Такъ каменной горы хребетъ —
Когда багряны тучи рдѣютъ,
Во мракахъ кроя солнца свѣтъ,
Когда тифоны воздухъ реютъ,
Стихійный разрушая строй
И бездна яростной волной
Въ утесы съ ревомъ ударяетъ —
Недвижимъ, въ крѣпости своей
Смѣется гнѣву бурныхъ дней
И силы вихрей презираетъ.

* * *

Молчитъ оружій звукъ, мечей:
На крылахъ легкаго зефира
Во свѣтѣ радужныхъ лучей
Слетѣлъ къ намъ кроткій Ангелъ мира,
И съ нимъ всѣхъ радостей соборъ.
О какъ его прекрасенъ взоръ!
Съ какимъ восторгомъ другъ природы
Его внимаетъ нѣжный гласъ! —
Пришелъ къ намъ вождѣленный часъ,
Пришелъ утѣшить смертныхъ роды.

* * *

Въ смиренной храминѣ моей
Къ ТЕБѢ душею возлетаю,
ТЕБЯ, избранный изъ Царей,
На лирѣ скромной пѣть дерзаю.
Пусть щастьемъ буду я забвенъ:
Но, чувствомъ общимъ увлеченъ,
Пою и сердцемъ и устами
Блаженство, славу нашихъ лѣтъ.
Со мной вѣщаетъ цѣлый свѣтъ:
„Безсмертенъ АЛЕКСАНДРЪ дѣлами!„

Савва Москотильниковъ.

(1)—1801-й годъ, какъ начало девятагонадесять столѣтія ознаменованъ былъ возшествіемъ на престолъ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I-го.

(2)—Высочайшій Манифестъ, изданный при восшествіи на Престолъ.

(3)—Упраздненіе Тайной Экспедиціи.

(4)—Подтвержденіе особымъ Высочайшимъ Манифестомъ данной Благородному Дворянству Грамоты и Городоваго Положенія.

(5)—Учрежденіе Университетовъ и прочихъ ученыхъ заведеній.

(6)—Войны, бывшія въ 1805 и 1807 годахъ.

(7)—Послѣдняя война и паденіе Наполеона Бонапарте.

IV.

Переводъ Горацiевой оды о достоинствѣ стихотворства.

кн: IV.

ОДА VIII.

Donarem pateras ....

Охотнобъ чаши, бронзы рѣдки,
Я въ даръ принесъ моимъ друзьямъ;
Треноги, что Ахеанъ предки
Дарили храбрымъ ихъ вождямъ;
И еслибъ былъ богатъ искуствомъ,
Которымъ Скопасъ и Фарразъ,
Съ толь дивнымъ, превосходнымъ чувствомъ,
Отдѣлывали на показъ,
Тотъ въ камнѣ, кистью сей живою,
То смертныхъ видъ, то ликъ боговъ,
Тебѣ бъ признательной рукою
Принесъ я лучшiй изъ даровъ.

* * *

Но симъ искуствомъ, — самъ ты знаешъ,
О Цензоринъ! я не богатъ:
И отъ убогихъ не желаешъ
Толь драгоцѣнныхъ ты заплатъ;
При томъ ты мыслишъ, что не нужно
Приумножать диковинъ сборъ,

Чтобъ ими только въ часъ досужной
Развлечь, или забавить взоръ. —
Стихи ты любишь: — такъ стихами
Тебя мы можемъ подарить,
И, сдревле чтимое вѣками,
Достоинство ихъ объяснить. —

* *
*

Черты, на мраморѣ блестящи,
Изъ темныхъ гробовыхъ дверей
Вновь къ жизни, къ славѣ возводящи
Героевъ, доблестныхъ вождей;
Угрозы изступленны, яры,
Бѣгуща Ганнибала вспять,
И буйной Пуніи пожары,
Такъ громко не могли вѣщать
О томъ, кому, имъ покоренна,
Прозванье Африка даритъ, —
Какъ лира, Фебомъ острунена,
Калабрскихъ вѣщихъ Піеридъ.

* *
*

Коль лиры замолчатъ златыя,
Лишится добродѣтель мзды: —
Что былъ бы намъ твой сынъ, Иллія!
Когда бы Ромула труды
Завистливо молчанье скрыло? —
Священнаго восторга полнъ,
Піитъ исторгъ, витійства силой,
Эака изъ Стигійскихъ волнъ:
Піиты, ихъ хвалы правдивы,
Ихъ благосклонная молва,
Для олтарей его щастливы
Опредѣлили острова.

* *
*

Отъ смерти Муза избавляетъ,
И небо доблестямъ даритъ: —
Ираклій съ ней въ Олимпъ вступаетъ,
И съ Діемъ трапезу дѣлитъ;
На вознесенны круги звѣздны
Касторъ и Поллуксъ такъ взошли,
И въ бурю, изъ морскія бездны
Крушимы взносятъ корабли;
Такъ, гроздными листвіемъ вѣнчанный,
И Вакхъ, пріемля нашъ обѣтъ,
Предначинаніямъ желанный
Конецъ благоуспѣшно шлетъ.

Василій Капнистъ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

Стихи 2 — 4. — ..... *Ахеанъ предки*
Дарили храбрымъ ихъ вождямъ;

Во многихъ мѣстахъ у древнихъ видимъ, что чаши, треноги и лохани были весьма лестные для Героевъ подарки. — Въ XIX пѣснѣ Илліяды, Ахиллесъ получаетъ отъ Агамемнона 20 лоханей и 7 треногъ; — Плавтъ упоминаетъ о чашѣ, подаренной Амфитріону. — *Г Дасье.* —

6. — „ — ..... *Сколасъ и Фарразъ*,

Топъ былъ искусный ваятель, а сей славный Эфескій живописецъ, современникъ Кзейкса: оба жили въ началѣ V столѣтія, до Р: Х: — *Г Дасье.*

14. —„— *О Цензоринъ!* - - -

Кай Марцій Цензоринъ былъ Консуломъ; онъ служилъ при Кайѣ Кесарѣ, внукѣ Августа, сопутствовалъ ему въ Сирію, гдѣ и умеръ. — Веллей Патеркулъ свидѣтельствуетъ, что Римъ весьма сожалѣлъ о его кончинѣ. — *Г: Дасье.* —

Отъ 29 по 35, — *Угрозы изступленныя, яры,*

. . . .
. . . .

Прозванье Африка даритъ,

Г-нъ Дасье справедливо упрекаетъ Горація, что онъ смѣшиваетъ здѣсь не одновременныя событія и разныя лица: бѣгство Ганнибала относится ко второй, а сожженіе Карфагены къ третьей Пунической войнѣ, въ которыхъ предводительствовали, въ оной великій Сципіонъ, а въ сей пятьдесятъ лѣтъ спустя, Эмиліянъ Сципіонъ, по усыновленію внукъ его: но какъ оба Сципіоны сіи проимянованы были Африканскими, то и выраженія Горація могутъ, какъ вообще, такъ и особенно, къ обоимъ относиться. Не безполезнымъ нахожу замѣтить, что стихотворческія здѣсь картины Горацій, безъ сумнѣнія, списалъ не съ надписей, какъ *Г. Дасье* заключаетъ, но съ изваяній на памятникахъ, воздвигнутыхъ въ честь обоихъ побѣдителей. —

36. — „ — *Калабрскихъ вѣщихъ Піеридъ.*

Горацій означаетъ здѣсь Піита Эннія, урожен

ца Рудіи, небольшаго города въ Калабріи; въ числѣ многихъ сочиненій его написалъ онъ 18 книгъ лѣтописей, содержащихъ повѣсть о Римѣ, по 577-ой годъ отъ основанія онаго. — Горацій имѣетъ въ виду сіи лѣтописи: ибо въ оныхъ Энній воспѣлъ похвалы Сципіону, а наипаче побѣду одержанную имъ надъ Ганнибаломъ въ Африкѣ. *Г: Дасье.*

37 — „ — *Коль лиры замолчатъ златыя*,

Прошу извиненія, что здѣсь предпочелъ я лиры свиткамъ Горація, chartae, которыя дѣлались изъ растѣнія называемаго Папирусъ, и служили древнимъ вмѣсто книгъ. —

39. — „ — .... *Твой, сынъ Иллія*!

Сожалѣю сердечно, что мѣра стиха не позволила мнѣ сочетать Марса съ Илліею; — она была мать Ромула, дочь Нумитора, потомка Энеева: — братъ его Амулъ, не токмо отнялъ у него царство, но дабы не имѣлъ онъ наслѣдниковъ, принудилъ дочь его Иллію быть жрицею Весты, а потомъ повелѣлъ утопить ее въ рѣкѣ Аніѣ, по инымъ же преданіямъ, въ Тибрѣ. — Сію нещастную жертву властолюбія одни называютъ Илліею, а другіе Реею Сильвіею. — *Г Дасье.*

54. — „ — *Эака изъ Стигійскихъ волнъ.*

Эакъ былъ сынъ Юпитера и Эгины, отецъ Пелея и Теламона; одинъ изъ адскихъ судей; завѣдовалъ Европейскіе народы. — Стиксомъ называл-

ся одинъ источникъ въ Аркадіи; вода онаго была смертоносна: и для того то Піиты почитали его Адскою рѣкою. — *Г. Дасье.* — Не во гнѣвъ баснословамъ Грекамъ, рѣка Стиксъ никогда не протекала въ Аркадіи, но на краю сѣвера. — Что бъ удостовѣриться въ истиннѣ сей, стоитъ только со вниманіемъ прочитать описаніе рѣки оной въ Гезіодѣ — *см: богорожденіе, отъ* 713 *до* 819 *стихъ; а въ переводѣ Г: Жина, отъ* 157 *до* 165 *страницы.* —

47 — 48. — *Для олтарей его щастливы Опредѣлили острова.*

Богатыя острова, divites insulae, Laetas sedes; именемъ симъ означались поля Элисейскія, полагаемыя иными въ Андалузіи, области Испанской; но поелику она не островъ, то нѣкоторые признавали райскими, богатыми островами, лежащіе въ Атлантическомъ морѣ Канарскіе и другіе сосѣдственные имъ острова. —

51 —, — *Ираклій съ ней въ Олимпъ вступаетъ*

Многочисленные подвиги его всѣмъ извѣстны; они доставили ему исключительное преимущество учавствовать въ пиршествѣ боговъ: поелику и живаго его не могъ удержать Тартаръ, сія вѣчною ночью покрытая страна.

54. —,, — *Касторъ и Поллуксъ такъ взошли,*

Они были дѣти Тиндара и Леды, братья Еле-

ны. — Древніе принимали за нихъ летучіе огни, и вѣрили, что буря утихнетъ, когда они оба вдругъ показывались: *Г: Дасье.* —

58, — „ — *И Вакхъ, пріемля нашъ обѣтъ,* — Горацій называетъ его здѣсь Либеромъ: такъ именовался онъ потому, что освобождаетъ людей отъ горестей; или же для того, что восточные князья и цари, назывались по латыни Liberi, свободные. *Г: Дасье.* —

60. — „ — *Конецъ благоуспѣшный шлетъ.* Таковое мнѣніе, заставило одного греческаго витію сказать о Бахусѣ: что онъ другъ всякаго времени и фортуны. *Г. Дасье.* Я думаю что женолюбивый весельчакъ Горацій имѣлъ другіе причины сказать о богѣ вина, что онъ приводитъ мольбы къ благому концу.

Василій Капнистъ.

V.

ГИМНЪ ЛЮБВИ.

О Богъ любви! душа вселенны!
Ты огнь во льдахъ, ты въ мракѣ свѣтъ;
И міръ тобою оживленный
Течетъ въ свой путь чрезъ волны бѣдъ.

* * *

Вотще, какъ брегу яры воды,
Такъ разрушенье намъ грозитъ;
Отъ истощенія природы
Благій законъ твой міръ хранитъ.

* *
*

Вотще духъ алчности и злобы
Стремится въ наши времена
Преобразить всѣ царствы въ гробы
И поглотить всѣ племена:

* *
*

По бороздамъ опустошенья,
Гдѣ духъ вражды лилъ страхъ и кровь,
Ты разливаешъ услажденья
И населяешъ землю вновь.

* *
*

Вотще воитель ставитъ твердый
И пышный столпъ своихъ побѣдъ!
Косою Хронъ немилосердый
Сотретъ столпа послѣдній слѣдъ.

* *
*

Вотще и ты свои злодѣйства
Мечтаешъ въ тайнѣ скрыть Тиранъ!
Хронъ мракъ сорветъ и съ тайнъ семейства,
Какъ сноситъ вѣтръ съ морей туманъ.

* *
*

Безъ дѣлъ премудрыхъ благородныхъ,
Честь наша насъ не преживетъ;
И лишь въ проклятіяхъ народныхъ
Тирановъ имя перейдетъ.

* *
*

Не скроютъ имя и въ гробницѣ:
Нероновъ прахъ клянетъ весь свѣтъ;
И матери своей убійцѣ
До нашихъ дней покоя нѣтъ.

* *
*

Блаженъ владыка кто не страхомъ;
Любовью правитъ свой народъ!
Благословеніе надъ прахомъ
Ему возшлетъ позднѣйшій родъ.

* *
*

О Богъ любви! душа вселенны!
Ты огнь во льдахъ, ты въ мракѣ свѣтъ;
И міръ тобою оживленный
Течетъ въ свой путь чрезъ волны бѣдъ!

1807. *Озеровъ.*

VI.

ПЕРЕВОДЪ ТРЕХЪ ОДЪ ГОРАЦІЯ.

I. Quid dedicatum poscit Apollinem.

кн. I. од. XXXI.

Во храмѣ новомъ Аполлона
О чемъ Поэтъ просить дерзнетъ?
Вино младое изливая,
О чемъ мольбы свои прольетъ?

* *
*

Не надо мнѣ ни жатвы тучной,
Въ Сардинскихъ зрѣющей поляхъ;

Не надо ни воловъ дебелыхъ
Въ калабрскихъ пасшихся лугахъ.

* *
*

Нѣтъ нужды въ златѣ мнѣ Индійскомъ;
Въ слоновыхъ блещущихъ костяхъ;
Гдѣ тихій Лирисъ протекаетъ,
Нѣтъ нужды мнѣ и въ тѣхъ поляхъ.

* *
*

Кого фортуна надѣлила,
Пускай сбираетъ виноградъ;
Пусть изъ златыхъ богачь сосудовъ,
Давъ сирской свой товаръ въ закладъ,

* *
*

Вино до суха выпиваетъ;
Любимецъ онъ самихъ боговъ!
За тѣмъ, что въ годъ четыре раза
Прошелъ безбѣдно средь валовъ.

* *
*

А я ѣмъ вкусно за обѣдомъ
Цикорій, капарсы, салатъ.
Дай мнѣ, Латонинъ сынъ, здоровье,
И быть довольну чѣмъ богатъ!

* *
*

Еще — чтобъ въ старости маститой
Я въ совершенномъ былъ умѣ;
Да сколько силъ моихъ достанетъ,
Позволь играть на лирѣ мнѣ!

2. *Rectius vives, Licini, neque altum* . . . .

кн. II. од. X.

Щастливѣй будешь ты, Лициній!
Коль вдаль не станешь заплывать;
Ниже съ опасностію жизни
Къ крутымъ утесамъ приставать.

* * *

Кто средней держится дороги,
Спокойно тотъ вездѣ идетъ;
Не топчетъ у царей пороги,
Гдѣ зависть ядъ на всѣхъ ліетъ.

* * *

Древа высоки вихрь ломаетъ;
И гордо зданье, всѣмъ въ позоръ,
Лишь съ большимъ шумомъ упадаетъ.
Громъ чаще бьетъ въ вершины горъ.

* * *

Кто мужественъ душей не ложно,
Въ нещастіи тотъ щастья ждетъ,
И поступаетъ осторожно,
Коль щастіе къ нему придетъ.

* * *

Зевесъ низводитъ хладну зиму,
Зевесъ и лѣтни дни даетъ:
Не ужъ ли мнишь, необходимо,
Что нынѣ есть, то будетъ впредь?

* * *

Не безпрестанно напрягаетъ
Лукъ смертоносный Аполлонъ;
Онъ часто Музу возбуждаетъ
Согласной лирѣ пѣть подъ тонъ.

* * *

Будь крѣпокъ, твердъ: пусть негодуютъ
Противъ тебя всѣ небеса.
Коль вѣтры щастливы подуютъ,
Сбирай надуты паруса!

---

3. *Poscimus, si quid vacui sub umbra......*

книг. I. ода XXXII.]

Лира! — есть ли я съ тобою,
Сидя въ рощицѣ межъ дѣлъ,
Что нибудь да съ похвалою
Нѣсколько годовъ ужъ пѣлъ;
Ну! еще, пока живемъ,
Пѣснь Латинскую споемъ!

Тѣмъ размѣромъ, какъ Алцея
Научила ты играть.
Онъ въ войнѣ, — когда злодѣя
Надлежало поражать,
Или странствуя средь волнъ,
И къ брегамъ причаливъ челнъ, —

Пѣлъ Либера, музъ, Венеру,
Пѣлъ Венерина сынка;

И по древнему размѣру,
Пѣлъ Ликуса, какъ божка;
Пѣлъ приятность черныхъ глазъ,
И красивость черныхъ власъ.
Лира — Феба украшенье!
Ты и въ пиршествѣ боговъ
Доставляешъ утѣшенье,
Ты — отрада всѣхъ трудовъ!
Подтяни подъ голосъ мой!
Поиграй еще со мной!

Харьковъ. *Иванъ Срезневскій.*

VII.

МІРЪ.

Лирическое стихотвореніе (*).

ПѢСНЬ ПЕРВАЯ.

Какой восторгъ мой духъ внезапно потрясаетъ!
Какой священной огнь всѣ чувства наполняетъ!
Оставя дольній путь лирическихъ пѣвцовъ,
Парю душой къ тому, кто держитъ цѣпь міровъ!
Богъ, первый человѣкъ, величіе вселенны:
Се пѣсни моея предмѣты возвышенны!

(*) Вольное подражаніе Аббату Райраку.

Но мнѣ ли слабому Всемощнаго воспѣть?
Слѣпцу во глубину судебъ Его прозрѣть?
И како совершу, что предпріять дерзаю?
Обширно поприще, но силы испытаю;
Успѣю — и тогда во храмѣ Бога силъ
Повѣшу лиру я среди священныхъ лиръ.

О ты, которая спустясь съ эфирна свода,
Путеводителю еврейскаго народа
Явившись нѣкогда, оставя горній тронъ,
Дала для избранныхъ людей святой законъ,
Небесна истинна! будь спутницей моею:
Безъ помощи твоей я шествовать не смѣю.
Подруга мудрости! съ одною лишь тобой
Могу окончить я путь многотрудный мой.

Внявъ гласу моему, увѣнчана лучами,
Она является, и тихими стопами
Велитъ мнѣ слѣдовать въ таинственный чертогъ,
Которой искони ей уготовалъ Богъ.

Народы и Цари! въ храмъ истины тецыте
И слухъ внимательный къ словамъ ея склоните.

Несмѣтный сонмъ вѣковъ въ ничтожествѣ лежалъ:
Мракъ мертвый пустоту бездонну наполнялъ;
Природы не было! Единъ, трисвятъ, предвѣчный;

Непостижимый духъ, чистѣйшій, безконечный,
Всемощный, всеблагій, источникъ бытія,
Единъ лишь токмо былъ средь славы своея.
Но Онъ отъ вѣкъ рѣшилъ часть своего блаженства
Разлить въ твореніяхъ съ печатью совершенства.

И се — по манію единому Его
Родится бытіе всего изъ ничего,
Въ великолѣпіи природа возникаетъ,
И время юное полетъ свой начинаетъ.

Эфирная лазурь, разсѣявъ тьмы покровъ,
Пріявъ отъ свѣта свѣтъ, открыла свѣтъ міровъ.

Я зрю небесну твердь простерту надъ землею,
Плѣняющу мой духъ огромностью своею;
И кто взнесетъ меня въ тѣ горнія страны,
Гдѣ міріады звѣздъ премудро возжены?
Кто дастъ мнѣ легкія неопалимы крыла,
Измѣрить океанъ горящаго свѣтила
И солнцы съ сонмами подвластныхъ имъ планетъ,
Отъ нихъ пріемлющихъ и жизнь свою и свѣтъ.

Умы преступные, которыхъ духъ надменной
Власть безпредѣльную Создателя вселенной
Дерзаетъ въ тѣсные предѣлы заключить
И благости Его границы положить,
Вѣщайте, дерзкіе! гдѣ вы въ то время были,
Когда изъ рукъ Его творенья изходили,
Когда тѣламъ небесъ показывалъ Онъ путь,
По коему онѣ до сихъ временъ текутъ?

Гдѣ были вы, когда земля образовалась
И въ великолѣпную одежду облекалась?
Когда изъ хаоса порядокъ возникалъ,
Когда Духъ творческой бунтъ моря усмирялъ,
Когда производилъ воздушны перемѣны:
Градъ, снѣгъ, дождь, вѣтръ, громовъ перуны ра-
скаленны?

Эфирный свѣтоемъ — смѣсь тонкая паровъ,
Вмѣстилище грозы и тучныхъ облаковъ,
По коимъ молніи излучисты играютъ,
Гдѣ грохоты громовъ родятся, умираютъ,
Опора, гдѣ столбы вселенныя стоятъ!
Кто свойства всѣ твои возможетъ описать?

Кто жъ сихъ чудесъ творецъ? кто ими уп-
равляетъ?
Кто постоянный ихъ порядокъ назидаетъ?
Не ты ль мечтанья сынъ, сынъ бѣдной слѣпоты,
Лжемудрыхъ ломкій щитъ: случай? нѣтъ, нѣтъ,
не ты...
Тебѣ ли стройными повелѣвать мірами?
Незримо — зримый духъ, владѣющій судьбами,
Се Богъ міровъ; на нихъ печать Его блеститъ,
Чья власть и чья рука печать сію истнитъ?

Почто небесные карающіе громы,
На крылахъ молнійныхъ отъ края въ край несомы,
Лжеумствователей безбожныхъ не разятъ?
Почто перуны ихъ о Богѣ не гласятъ

Толпѣ свѣтильникомъ ума неозаренной,
Дерзающей твердить: нѣтъ Бога во вселенной
И міръ не благостью Его произведенъ,
Но силой собственной изъ хаоса рожденъ,
Который будучи творящимъ и творимымъ,
Далъ жизнь всему, что зримъ и атомамъ незри-
мымъ,
Служащимъ, по словамъ сихъ мнимыхъ мудрецовъ,
Для поддержанія и стройности міровъ.

Возстани, Господи! да изверги смятутся
И за безбожіе кромешной тьмой пожрутся
Да гнѣвъ Твой на главу блуждающихъ падетъ
И обратитъ на путь, гдѣ истина течетъ?

ПѢСНЬ ВТОРАЯ.

Съ превыспреннихъ полей на землю я спускаюсь,
Въ разнообразіи чудесъ ея теряюсь;
Мой взоръ на всѣхъ вещахъ гіероглифы зритъ,
Которыми Творецъ съ твореньемъ говоритъ.

Духъ жизни и любви вездѣ себя являетъ
И землю, и моря, и воздухъ населяетъ:

Тутъ первая весна разсыпала цвѣты
Очаровательной, волшебной красоты,

Манящіе къ себѣ пріятнымъ ароматомъ;
Тамъ сочнозрѣлые плоды сіяютъ златомъ.
Тутъ нѣжны мотыльки рѣзвятся надо мной,
Тамъ насѣкомыя толпятся въ тѣсной рой,
Здѣсь гады плежущи по морю травъ играютъ,
Хребтомъ волнистымъ зыбь пушисту разсѣкаютъ;
Тамъ звѣри дикіе рычатъ въ лѣсахъ густыхъ,
Въ пустыняхъ, на лугахъ, въ пещерахъ горъ крутыхъ.
Тутъ страшный Царь звѣрей, реветъ не устрашая;
Тамъ конь, надменною главою потрясая,
Любуяся собой, съ веселымъ видомъ ржетъ,
Играетъ гривою, копытомъ землю бьетъ.
Тутъ сладкимъ хоромъ слухъ пернатыя плѣняютъ,
Тѣ перьевъ пестротой, тѣ блескомъ взглядъ прельщаютъ.
Летающій мой взоръ павлинъ остановилъ;
Волнующеюся лазурью изумилъ
И сими солнцами сапфирными, златыми,
Красно-зелеными, зелено-голубыми,
Которыми его хвостъ длинный испещренъ,
Когда онъ колесомъ бываетъ распущенъ;
Съ какимъ тщеславіемъ онъ симъ хвостомъ играетъ;
То вдругъ сожметъ его, то снова распускаетъ!

Тамъ рыбы плещутся по зеркалу морей,
Златосребристою искрѣя чушуей;
Тутъ грозный китъ, гордясь своей величиною,
Ужасные валы бугритъ передъ собою.

Тамъ лѣсъ теряется дремучій въ облакахъ,
Тутъ горы держатъ сводъ небесный на хребтахъ.

Кристаллы чистые! изъ ребръ сихъ горъ катитесь
И въ быстрые ручьи въ долинахъ превратитесь,
Струями рѣзвыми играйте по лугамъ,
Даруя злаку жизнь и красоту цвѣтамъ.

Прохладны вѣтерки! дыханіемъ пріятнымъ
Воздушный океанъ творите ароматнымъ.

Вождь блещущихъ міровъ, зерцало Божества
И образъ вышняго предвѣчна существа,
Одѣтый въ соткану изъ пламени порфиру!
Какъ лучезарный богъ текущій по эфиру,
Въ великолѣпіи съ востока вознесись
И въ путь назначенный Предвѣчнымъ устремись;
Горя то кроткими, то яркими лучами,
Приближся къ западу и, твердь покрывъ огнями,
Въ багряныя моря на пурпурѣ спустись;
И въ нощи опочивъ на утріе явись.
Горитъ свѣтильникъ твой — и все животворится
Угаснетъ — и весь міръ въ могилу превратится.

Изъ нѣдръ прохлады лей свой свѣтъ подруга сна,
Прелестно — томная, безмолвная луна!

Природу приглашай къ пріятному покою,
Приосѣненному завѣсою ночною.
О ты невидимый, сѣдяй на небесахъ,
Дающій тишину, глаголющій въ громахъ,
Единъ, всевѣдущій, объемляй безконечность,
Измѣривый дно безднъ и постигаяй вѣчность!
Колико дивенъ Ты въ твореніяхъ своихъ!
Колико мощь Твоя и благость дышетъ въ нихъ!
Велишъ родиться имъ — великость изъявляешъ,
Велишъ имъ дѣйствовать — премудрость изливаешъ;
Ты средства даровалъ, какъ имъ хранить себя—
Кто тутъ не зритъ любви достойныя Тебя?
Сей міръ, въ которомъ все Тебя изображаетъ,
Гдѣ стройный ходъ вѣковъ Твой промыслъ означаетъ,
Гдѣ тѣло каждое есть цѣпи той звено,
Изъ коей состоитъ все — цѣлое одно;
Сей вѣчно — юный міръ, который наши взоры
Манитъ пріятностью румяныя авроры,
Плѣняетъ ясныхъ дней прелестной лѣпотой
И сумрамомъ сѣдымъ царицы звѣздъ златой;
Сія пространная, прекрасная вселенна,
Во всѣхъ твореніяхъ чудесно — совершенна,
О Божествѣ Твоемъ вѣщающая намъ,
Есть славы Твоея великолѣпный храмъ,
Гдѣ творческой Твоей руки произведенья,
Повсюду зримыя безсмертны украшенья,

Велятъ мнѣ предъ Тобой колѣна преклонять,
Превозносить Тебя, любить, брагословлять.

ПѢСНЬ ТРЕТЬЯ.

Устроивши міры, Богъ все обозрѣваетъ,
И видѣ, яко вся зѣло добра, вѣщаетъ:
„Творенья безъ царя, царя имъ сотворимъ,
Подобіе ему и образъ Нашъ дадимъ.“

И вдругъ подъ мощною Всеѣтеля рукою
Персть мертвыя земли является живою,
Пріемлетъ на себя величественный видъ.
Се не земная персть, се Богъ другой стоитъ,
Се прародитель мой въ безсмертье облеченный!
Я на него смотрю, и взоръ мой удивленный
Въ душѣ моей восторгъ невѣдомый разлилъ;
Я совершенствъ такихъ ни въ чемъ не находилъ;
Вселенна болѣе меня не занимаетъ:
Ее всю человѣкъ въ одномъ себѣ вмѣщаетъ.

„Вся тварь пади къ стопамъ владыки своего,
Пернатые пѣвцы! порхайте вкругъ него.
Гармоніей своей его обворожая,
То тихимъ голосомъ духъ въ томность погружая,
То звучнымъ пѣніемъ, катя трелистый громъ,
Очаровательнный восторгъ раждайте въ немъ;

Потомъ съ отливами едва, едва журчите
И праотца людей въ объятья сна склоните."

„Спустись къ нему въ мечтахъ, сопутникъ
сна, покой
И чувства сладостнымъ бездѣйствіемъ упой;
Когда жъ онъ, пробудясь съ веселою душою,
Увидитъ Ангела земнаго предъ собою,
Въ часъ нѣги чувствъ его рожденнаго на свѣтъ, —
Пусть друга для себя въ семъ Ангелѣ найдетъ."

Въ странѣ, гдѣ вѣчная весна свой тронъ имѣла
И гдѣ роскошная природа не старѣла,
Гдѣ тучи радостныхъ не омрачали дней, —
Тутъ первый царь земли съ подругою своей,
По благости Творца, подъ кровомъ щастья жили,
Повсюду и во всемъ блаженство находили.

Но вскорѣ злобный духъ, отпадшій сынъ
небесъ,
Ихъ щастію ударъ погибельный нанесъ,
Вдохнувъ имъ дерзку мысль: презрѣть Творца
велѣнье
И отъ плода вкусить — свершилось преступ-
ленье —
И вдругъ протяжный громъ три-краты возгре-
мѣлъ,
Подвижеся земля, ликъ солнца потемнѣлъ,
Невинность прослезясь, на небо удалилась,
Потерянъ рай земной, природа измѣнилась:

Вострепетала жизнь, узрѣвъ тлетворну пасть,
Пасть смерти, коей грѣхъ далъ надъ вселенной
власть.

Уже я зрю, какъ братъ на брата нападаетъ
И землю кровію невинной обагряетъ.
Злодѣйство, врагъ людей, врагъ общей тишины,
Отецъ раздоровъ злыхъ и гибельной войны,
Свой адскій пламенникъ повсюду возжигаетъ,
Которымъ къ брани міръ подлунный воспаляетъ;
Я зрю, какъ тысящи опустошеній, бѣдъ
Съ кипящей яростью за нимъ стремятся въ слѣдъ.

Тамъ мирный земледѣлъ, доволенъ тучной
нивой,
Ей ввѣривъ сѣмена рукой трудолюбивой,
Бѣжитъ съ полей въ слезахъ, съ растерзанной
душой,
Зря брони, зря щиты, зря копьевъ лѣсъ густой,
Которыя, звуча неистовства во длани,
Катятъ ужасный гулъ неукротимой брани.

Развратъ въ сердцахъ людей свой тронъ со-
орудитъ
И заблужденіемъ умы ихъ потемнитъ:
Тутъ черна клевета, идя стезей неправой,
Наполнитъ скорбну жизнь нещастныхъ жертвъ
отравой;
Тамъ наглость дерзкая губительнымъ страстямъ
И гордымъ прихотямъ воскуритъ ѳиміамъ;

Тутъ въ лицемѣріе коварство облеченно
Путями скрытыми пойдетъ непреткновенно;
Тамъ честолюбіе, гнѣздяся въ злыхъ сердцахъ,
Владычество свое воздвигнетъ на костяхъ;
Тутъ скупость гладная, стяжанье чтя кумиромъ,
За злато жертвовать готова цѣлымъ міромъ;
Тамъ въ мрачной храминѣ неправедныхъ судей
Польется безъ вины кровь братьевъ и друзей.
Тутъ тварей облики богами нарекутся,
Безгрѣшны существа имъ въ жертву принесутся,
Тамъ святотатственной лжемудрія рукой
Отторгнутся сердца отъ вѣры трисвятой.
Всякъ родъ и всякъ языкъ, неправдой оскверненный,
Въ злодѣйствахъ пагубныхъ и буйствѣ погруженный,
Долготерпѣніе небесно раздражитъ —
И вдругъ отъ высоты надзвѣздной возгремитъ
Тотъ гласъ, его же власть духъ бурный призываетъ,
Моря дождливыя по воздуху вращаетъ,
Во основаніяхъ вселенную трясетъ,
Повсюду сѣетъ страхъ и погашаетъ свѣтъ;
Велитъ — и алчна смерть осклабится надъ жертвой,
Разящая рука останется простертой
Надъ человѣчествомъ: да вѣдаетъ земля
И будетъ трепетна — есть вышній Судія.

Ужасно — и я взоръ слезящій отвращаю,
Потомственныхъ вѣковъ завѣсу открываю.

О человѣкъ! Творцу будь вѣренъ своему —
Помысли и представь, чѣмъ долженъ ты Ему?
То сердце, гдѣ свой огнь любовь воспламеняетъ,
Гдѣ дружба кроткая свой тихій жаръ вмѣщаетъ,
Гдѣ состраданія и мира ликъ святой
Съ благотвореніемъ роднятся межъ собой,
Гдѣ добродѣтелей плодъ жизненный родится,
Тотъ умъ, въ которомъ лучь безсмертія таится,
Сей геній, коего взоръ опытный открылъ
Многоразличіе тьмочисленныхъ свѣтилъ
И не смотря на ихъ безмѣрны отдаленья,
Намъ изъяснилъ ихъ связь, порядокъ, цѣль движенья,
Сей духъ, снимающій завѣсу съ естества,
Духъ измѣряющій безмѣрность Божества,
Непроницаемость который проницаетъ
И безпредѣльному предѣлы полагаетъ;
Скажи, сіи дары тебѣ не тотъ ли далъ,
Кто изъ несущности тебя образовалъ?
Благоговѣй въ душѣ къ даяніямъ Владыки.

Сей всемогущій Богъ, щедротами великій,
Могущество свое съ тобою раздѣлилъ.
Ты рабъ, но Онъ тебѣ власть царскую вручилъ;
Хребты ль надменныхъ горъ гордятся предъ тобою,
Лишь пожелаешь ты — и горы подъ пятою;

Осмѣлятся ль моря тебѣ путь возбранить? —
Пойдетъ крылатый лѣсъ, и бури побѣдитъ.
Животныя ль тебя ослушаться дерзаютъ?
Твой разумъ — и онѣ всѣ выю преклоняютъ.
Все повинуется хотѣнью твоему,
Тебѣ подвластно все; ты — Богу одному.
Пускай противъ тебя стихіи ополчатся,
Пусть къ гибели твоей всѣ твари устремятся;
Но ихъ усилія развѣются, какъ дымъ,
Когда ты Богомъ силъ невидимо хранимъ.
Ты смертенъ; но ты смерть родилъ своей виною,
И далъ ей полну власть надъ міромъ и собою;
Но Богъ ей рекъ: владѣй лишь перстію одной,
Изъ коей человѣкъ въ началѣ созданъ мной;
Да тѣло за вину въ прахъ прежній обратится,
А лучшая его часть жизни не лишится:
Душа его не чтитъ твой гибельный законъ.
О жизнь безсмертная! такъ — ты не тщетный сонъ:
Пусть старость и болѣзнь меня обременяютъ,
Пусть чувства пылкости во мнѣ оледѣняютъ,
Пусть на челѣ моемъ дряхлѣющей рукой
Морщины проведутъ глубокою браздой,
Пусть радостей лишатъ, мои отъемля силы; —
Пусть разрушеніе мнѣ кажетъ дверь могилы
И спутницей своей ужасною грозитъ; —
Но духа моего ничто не устрашитъ;
Важнѣйшая еще меня часть остается,

Къ ней смерти хладная рука не прикоснется;
Умру я, но душа со мною не умретъ:
Я буду вѣчно жить, пока мой Богъ живетъ.

Сей Богъ мнѣ возвѣстилъ:" что всѣ его творенья
Преобратятся въ прахъ рукою истребленья
И все измѣнится, когда чреда придетъ,
Величье царствъ земныхъ потокъ временъ пожретъ.

„Потомъ увидишъ ты, какъ вихри разъяренны
Собравшись потрясутъ незыблемость вселенны,
Змѣиста молнія браздами полетитъ,
Кровава тѣнь луну, міракъ солнце потемнитъ,
Звукъ трубъ и трескъ громовъ повсюду понесется;
Живая жизнь умретъ, умершая проснется;
Ударитъ часъ суда — громъ снова возгремитъ,
Ось твердая міровъ огромныхъ затрещитъ,
День съ ночью вступитъ въ бой, планеты со звѣздами,
Твердыни гордыхъ скалъ съ надменными горами,
Горящій Океанъ, бунтуя зареветъ,
Растопитъ шаръ земный, вселенную сожжетъ;
Природа въ прежнюю небытность обратится,
Безъ пищи тощая смерть смертью истребится,
И время, царь вѣковъ, кончая свой полетъ,
Лишится дряхлыхъ крылъ и въ вѣчность упадетъ."

„Такъ кончатся міры! такъ рушится вселенна!
Одна душа твоя безсмертьемъ окриленна
Надъ симъ уныніемъ могильнымъ воспаритъ;
Предъ нею будетъ весь ходъ жизненный открытъ:
Блуждала ли стезей разврата и киченья?
Ее обыметъ мракъ и ужасы мученья;
Шла правоты путемъ? для ней я излію
Блаженство вѣчное и всю любовь мою."

Федоръ Рындовскій.

VIII.

ОТРЫВОКЪ

изъ делиллевой поэмы:

САДЫ

или ИСКУСТВО УКРАШАТЬ СЕЛЬСКІЕ ВИДЫ.

Къ великолѣпію цари осуждены:
Ихъ всемогуществомъ умы воспалены;
Народъ вкругъ трона ихъ ждетъ алчными глазами,
Чтобъ блескомъ роскоши, художествъ чудесами
Очаровавъ его, свою явили власть,
И къ пышнымъ зрѣлищамъ его питали страсть.

Искуству покорять дозволимъ мы природу;
Но похититель сей отнявъ ея свободу,
Подъ блескомъ пышности обязанъ власть сокрыть;
Великостію дѣлъ прощенье заслужить.
Прочь скучные сады и жалкія бездѣлки!
Владѣтель скучный ихъ хваля талантъ свой мѣлкій,

Бесѣдки крытыя показываетъ намъ,
Подводитъ съ торжествомъ къ обстриженнымъ
древамъ,
Чертежъ свой правильный перемѣнить не смѣя.
Тамъ въ ровень дерева, съ аллеею аллея;
Дороги у шнура въ неволѣ злой всегда;
Узорчатый цвѣтникъ и мутная вода;
Кустарники — шаровъ, животныхъ образъ стран-
ный,
И около пруда дурные истуканы.
Пусть скудной роскошью гордится онъ въ садахъ!
Я болѣе найду пріятности въ поляхъ.
Далеко отъ такихъ смѣшныхъ садовъ и зданій,
Перелетимъ теперь въ страну очарованій,
Въ богатую Версаль, въ смѣющійся Марли,
Достойныя отъ насъ восторговъ и хвалы,
Природой, Лудвикомъ, искуствомъ(*)сотворенны.
Тамъ смѣлость съ пышностью искуствъ соеди-
ненны,
Въ обвороженіи все представляютъ намъ.
Великолѣпные сады Алцины тамъ,
Или Армидины чертогъ и вертограды,
Обитель роскоши, и нѣги, и прохлады.
Нѣтъ, это не мечта! зримъ въ явѣ предъ собой
Тотъ замокъ, тѣ сады, въ которыхъ Царь герой,
И въ отдыхѣ другимъ ни мало неподобный,

(*) Архитекторъ Ленотръ устроивалъ сады сіи.

Всегда возвышенный, повсюду благородный
Пылаетъ страстію препятства побѣждать,
И чудесами тронъ блестящій окружать.
Взгляните, и земля, и воды, и дубравы,
Пріемлютъ отъ него съ покорностью уставы;
Двѣнадцать дивныхъ тамъ чертоговъ вознеслись;
Деревья зеленью вѣнчая ихъ сплелись;
Вершиной древній лѣсъ и вѣтвями колышетъ.
Сюда взгляните: мѣдь безчувственная дышетъ;
Тамъ рѣки вырвавшись изъ подземельныхъ трубъ
Висятъ, и падаютъ свиваясь въ пѣнный клубъ;
Въ каналахъ съ роскошью обдѣланныхъ сверкаютъ;
То пеленой струи прозрачной разстилаютъ;
То снѣжнымъ возстаютъ ко облакамъ столпомъ,
И чистымъ солнечнымъ воспламенясь огнемъ,
Внизъ сыплются уже въ блестящихъ, изумрудныхъ,
Рубиновыхъ, злашыхъ, сафирныхъ капляхъ крупныхъ.
Когда въ палящій зной спѣша укрыться въ тѣнь,
Я углубляюся лѣсовъ прохладныхъ въ сѣнь,
Встрѣчаю въ чащѣ древъ то Фавна, то Сильвана;
Венера милая и скромная Діана
Присутствіемъ даютъ жизнь новую лѣсамъ:
Здѣсь каждый мраморъ — богъ; лѣсочикъ каждый — храмъ.
Здѣсь Лудвикъ отдыхалъ отъ битвъ, побѣдъ гремящихъ,

И, мнилось, весь Олимпъ на пиршествахъ блестя-
щихъ
Роскошно угощалъ: вотъ торжество искуствъ!
Но устаетъ душа отъ напряженныхъ чувствъ:
Рукоплескаемъ мы, когда передъ соборомъ
Народа, возгремя высокихъ словъ наборомъ
И мыслей пышностью, ораторъ насъ дивитъ;
Но онъ не надолго плѣнивши утомитъ.
Я отъ оратора поспѣшно удаляюсь,
И къ тихой дружеской бесѣдѣ возвращаюсь.
Такъ точно мраморовъ скучаетъ блескъ пустой
Тщеславья пышною разсыпанныхъ рукой;
Но воды, но луга, но свѣжихъ рощей кровы
Въ невинной роскоши всегда для взоровъ новы.
Прелестной простоты въ садахъ благій Творецъ
Въ Эдемѣ первый намъ оставилъ образецъ!
Мильтонъ изобразилъ прекрасно, какъ Зиждитель
Для первыя четы готовя самъ обитель,
Прямыхъ и правильныхъ дорогъ не пролагалъ,
И водъ свободнаго разлива не стѣснялъ.
Младенчество земли, весна въ прелестномъ цвѣтѣ
Не представлялись тамъ нигдѣ имъ въ чуждомъ
свѣтѣ;
Природа чистою и нѣжною рукой
Въ цвѣты и зелень травъ одѣлась съ простотой:
Полянокъ и холмовъ прелестное смѣшенье,
Водъ независимыхъ веселое теченье,
Небрежность милая, запутанность тропинъ,

И поразительность нечаянныхъ картинъ,
Взоръ выборомъ красотъ пріятно затрудняли,
Разнообразили восторгъ и продолжали.
Коврами на лугахъ цвѣты и мурава:
По нимъ высокіе и стройные древа
Свои волнистые уборы раскидали,
Вкусъ, обоняніе и взоръ очаровали:
То станутъ кучкою, то разойдутся въ лугъ,
Бѣгутъ другъ за другомъ, встрѣчаются, и вдругъ
Не ожидаемо откроютъ видъ далекой;
То вѣтви опустя и разостлавъ широко,
Задерживали ихъ преградою такой,
Иль вязью легкою свивались надъ главой,
Иль сыпали цвѣты на проходящихъ мимо.
  Вдали — кустарники въ чащѣ непроходимой
Бесѣдкой, сводами, навѣсами сплелись,
И, какъ бы дышущи другъ съ другомъ обнялись.
Здѣсь Евва грустію томимая безвѣстной,
Здѣсь сердце отдала съ безпечностью прелестной
Супругу юному — и розы на щекахъ
Блеснули какъ разсвѣтъ на тихихъ небесахъ.
Ихъ бракъ былъ торжествомъ для цѣлыя природы:
Сводъ неба просвѣтлѣлъ, живѣй журчали воды;
Земля отъ чистыхъ ихъ лобзаній потряслась;
Зефиры легкіе изъ грота въ гротъ носясь
Ихъ вздохи страстные кругомъ передавали,
Деревья весело вѣтвями помавали,
И роза, красотой плѣняющая взглядъ

На ложе брачное струила аромат.
Блаженная чета! щастливая обитель!
Благополучен тот, кто мирных благ люби-
тель,
Забыв тщеславия о гибельных мечтах,
Невинный, радостный, живет как вы в садах,
И разновидными роскошствует цвѣтами,
Зеленой муравой и сочными плодами.

1813. 28 Іюля. Кизляр. *Александр Воейков.*

IX.

О МНОГОЗНАМЕНАТЕЛЬНОСТИ И ОБЩЕМ ИЗМѢНЕНІИ СЛОВ.

По мѣрѣ того, как какой либо народ с продолженіем времени пріобрѣтал новыя и новыя понятія — не заимствуя от другаго (*) — язык его для выраженія их естественно должен-

---

(*) На прим. по нашествію, преселенію, и соединенію разных народов, или по связям общежитія, когда с чуждыми понятіями невольно входят в употребленіе и чуждыя реченія, от коих языки становятся болѣе или менѣе смѣшанными: в прочем совершенно чистаго языка не существует. См. Нестор С. П. Б. 1809. стран. 61 — 62.

ствовалъ обогащаться новыми реченiями. Сколь ни много сихъ новыхъ реченiй могло составиться изъ буквъ или складовъ особенныхъ случайно; однако во всякомъ языкѣ несравненно болѣе находится словъ сходныхъ между собою въ звучности и близкихъ въ знаменательности: какъ будто для того, чтобъ были тѣмъ вразумительнѣе и памятнѣе. — Извѣстны два источника такого языковъ обогащенiя.

A.

Соображаемы были новыя понятiя съ понятiями уже извѣстными, и сихъ словамъ для нареченiя оныхъ даваемо было множайшее знаменованiе.

Такъ на прим. понятiе руки — 1) тѣлеснаго члена, — образовало:

По противоположности 2) понятiе стороны: *на правой рукѣ церковь, на лѣвой рукѣ ряды.*

По пользѣ и необходимости 3) понятiе помощи, защиты: *Посли руку твою съ высоты* (Псалом. CXLIII. 7.). *Рука Господня бѣ съ нимъ* (Луки. 1. 66.). *Подмастерье мастеру правая рука. Онъ при дворѣ имѣетъ сильную руку.*

По дѣйствiю какъ природнаго оружiя 4) понятiе власти, управы: *предanъ быхъ въ руцѣ Римляномъ* (Дѣян. XXVIII. 17.). *И положу на мори руку его, и на рѣкахъ десницу его* (Псал. LXXXVIII. 25.). *На него наложили руку, его дер-*

жать въ рукахъ. Воспитанникъ отданъ ему на руки. У него всѣ припасы на рукахъ.

По произведенію 5) понятіе почерка: *у него рука хороша, онъ пишетъ на прямую, на косую, на скорую руку.*

По употребленію издѣлій 6) понятіе величины, разбора: *платокъ большой, меньшой, средней руки. Товаръ первой, второй .... средней, послѣдней руки.*

Таковыя реченія называются *многознаменательными*, образующее значеніе *собственнымъ* или *первымъ*, а образуемыя *несобственными.*

ЗАМѢЧАНІЯ.

1. Многознаменательность словъ, по явной и близкой между значеніями связи, принадлежитъ ко внутреннему достоинству языка. Различныя пословицы и поговорки распространяютъ и искажаютъ кругъ знаменованія: *Своя рука владыка. Рука руку моетъ. Гдѣ рука, тамъ и голова. Бѣлыя руки чужой трудъ любятъ.— Тебѣ съ нимъ знаться не рука. Онъ не чистъ на руку. Скажите ему это подъ рукою. Это дѣло, этотъ судья, мнѣ съ руки, на руку, по рукѣ.* Но вовся разнознаменательныя реченія, сходныя только въ составѣ: баба — 1) *женщина низкаго состоянія,* 2) *родъ птицы,* 3)

прибойникъ свай, относятся къ недостатку языка, по крайней мѣрѣ наружному.

2. Многознаменательность реченій въ каждомъ языкѣ имѣетъ свои особенности, какъ въ разсужденіи числа образуемыхъ понятій, такъ и въ разсужденіи самыхъ понятій, наипаче въ пословицахъ и поговоркахъ; а сіе изключаетъ совершенное тожество знаменованія между *сопреложными* въ разныхъ языкахъ реченіями *(вокабулами)*: *здравствуй*, Греч. *χαίρε* (церковн. *радуйся*), *прости* — Лат. *vale*, Нѣм. *lebe wohl* Фран. *adieu*.

3. Живой языкъ, по продолженію поколѣній, по размноженію племенъ, и по степени образованности говорящаго онымъ народа, подлежитъ между прочимъ (*) также измѣненію въ распространеніи или стѣсненіи круга словознаменательности: а сіе прибавляетъ еще обстоятельство ко взаимному уклоненію отродныхъ отъ него языковъ и нарѣчій.

(*) Подлежности измѣненія какого либо языка въ живомъ состояніи суть слѣдующія:

а) Реченія измѣняются въ составѣ буквъ: богъ бигъ, бугъ, бусацъ; носдри, нисдры, носове джеры, дирки до носу; азъ, язъ, я; кійждо, каждый; студъ, стыдъ; усерѣзь, серга; 'яремъ, ярмо; здо, зидъ. Вообще вводятся новыя буквы (на прим. ё), по крайней мѣрѣ слоги (хорощо,

4. Образуемыя значенія и объясняющія ихъ собственныя: *рука, сторона*; *языкъ, оговорщикъ*; *тѣнь, мечта*; *зеленый, незрѣлый*; *бѣлый, чистый*, обогащили языкъ многими *сословами (синонимами)* (*), различіе которыхъ состоитъ въ томъ, что послѣднія вмѣсто первыхъ всегда, а первыя вмѣсто послѣднихъ только въ опредѣленной связи съ другими словами, употреблены быть могутъ.

ужо), или напротивъ выходятъ изъ употребленія прежнія.

б) Реченія замѣняются другими: око, глазъ; котва, якорь; десный, правый; куръ, пѣтухъ, кочетъ. Особливо вводятся новыя реченія для новыхъ понятій, или напротивъ выходятъ изъ употребленія и совершенно забываются прежнія: седмица, кресити, бавлю, нзу, стру.

в) Реченія измѣняются въ знаменованіи: 1) напрасно, 2) молвити, 3) недѣля, 4) милъ — прежде значили: 1) *внезапно*, 2) *роптать*, 3) *день отдыха*, 4) *сострадателенъ, жалостливъ, снисходителенъ*; а нынѣ означаютъ: 1) *тщетно, неправедно*, 2) *сказать*, 3) *семь дней*, 4) *любезенъ, пріятенъ, пригожъ, привлекателенъ*.

г) Реченія измѣняются и въ составѣ и въ знаменованіи: теперво, топрвіе, *(только лишь)*, въ нашемъ языкѣ теперь *(нынѣ, въ настоящее время)*.

(*) Ежели много въ какой либо языкъ изъ другаго заимствовано реченій чуждыхъ, а изъ раз-

В.

Другимъ источникомъ обогащенія языковъ служило опредѣленіе или описаніе новыхъ понятій чрезъ признаки понятій извѣстныхъ, и отъ названія сихъ, съ нѣкоторою перемѣною буквъ и складовъ, заимствовались названія для оныхъ: *черная жидкость (употребляемая на писаніе или печатаніе книгъ)* — Чернило. Земле-дѣлецъ —

ныхъ языковъ образовались смѣшанные: то по тѣмъ же самымъ причинамъ несравненно болѣе входило изъ нарѣчія въ нарѣчіе словъ соплеменныхъ, природнявшихся въ послѣдствіи, какъ и чуждыя, къ отечественнымъ; а изъ сообщенія многихъ нарѣчій произраждались вновь смѣшаннѣйшія. Сіе то, въ прочемъ неразрѣшимое, родословіе нарѣчій служитъ основою, что всякой, самъ по себѣ взятой языкъ имѣетъ множество такъ называемыхъ сослововъ, или разныхъ одного почти и тогоже знаменованія реченій. Но между тѣмъ какъ грубая нужда и слѣпое невѣжество употребляютъ такія слова одно вмѣсто другаго безъ разбору: тонкой вкусъ и наблюдательный разумъ, отвергая толѣ безполезное изобиліе языка, простираются къ началу, гдѣ и когда какой сословъ составился: *пустой*, *порожній*; *иной* — *другой*, по достоинству источника ощущаютъ степень силы и благородства знаменованія: *дерзаю*, *смѣю*, *отваживаюсь*; *влеку*, *тащу*, и предписываютъ законы употребленію.

кто землю воздѣлываетъ. Особенности общаго понятія выражаемы были также нѣкоторыми перемѣнами его реченія: *колоть многократно* — калывать, *колоть однократно* - кольнуть, *колоть совершенно, окончательно* — уколоть.

Реченія заимствованныя отъ одного кореннаго называются *производными*, отъ двухъ или множайшихъ *сложными*, коренныя въ отношеніи къ производнымъ *первообразными*, въ отношеніи къ сложнымъ *простыми*.

ЗАМѢЧАНІЯ.

1. Перемѣна буквъ и складовъ для произведенія и сложенія реченій обыкновенно бываетъ въ концѣ (иногда въ началѣ) первообразныхъ и простыхъ словъ, и состоитъ большею частію въ приращеніи складовъ; слѣдовательно характеръ корня надлежитъ узнавать всегда въ предконечныхъ согласныхъ заимственныхъ отъ него словъ, на прим. кореннаго слова *мру* согласныя *м - р* находятся во всѣхъ заимствованныхъ отъ него словахъ (*) : *мо*р*ю*, *уми*р*аю*, *сме*р*ть*, безс*ме*р*тный*, *уме*р*твить*.
2. Языки, и даже сродныя нарѣчія, имѣютъ безчисленныя особенности въ произвожденіи и сложеніи реченій, такъ что которыя изъ нихъ

(*) Въ Славено-Россійскомъ языкѣ и въ другихъ

въ одномъ заимственныя, тѣхъ сопреложныя въ другомъ коренныя, и обратно: *перстень Ring, Wandlaus клопъ*, а хотя и заимственныя же, но отъ разныхъ коренныхъ, которыхъ признаки взяты въ основу опредѣленія или описанія: *мачиха noverca, лицемѣрить simulare.* Къ достоинству же языка или нарѣчія въ разсужденіи сего относится, когда источниками словозаимствованія служили признаки существенные, а особенности немаловажныя: безъ чего

сродныхъ ему нарѣчіяхъ встрѣчаются многія заимственныя слова, въ которыхъ, сверхъ обыкновенной перемѣны буквъ и складовъ ихъ корня, замѣчательна еще перестановка коренныхъ согласныхъ: *два* (дворый, творый) *вторый, длань ладонь, цѣлю (чѣлю) лѣчу, цѣлебный лѣчебный, печаль плачь, вѣно невѣста, холмъ (holm) могила, тварогъ ватружка, мракъ хмара* (малорос. *туча), постилаю ползть, валяю войлокъ, зябну зноблю, медвѣдь* малорос. *вѣдмедь, медлю меледа, снадобье снабдѣваю, прощеголять прощелыга, жеребая берёжая, трезвый тверезый.* Но здѣсь особенно надлежитъ строго держаться близкости смысла, и мало уважать наружное сходство въ составѣ буквъ, которыхъ какъ стихій или частей слова нераздѣльныхъ во всѣхъ языкахъ не много; равно и коренныя согласныя, на прим. упомянутыя *м-р* могутъ находиться въ разныхъ коренныхъ словахъ *міръ, море, мѣра.*

связь знаменованія реченій кореннаго съ заимственными бываетъ темна и отдаленна, а сходство въ буквахъ и складахъ кажется случайнымъ: *куща* отъ *кусть*; *богъ*, Греч. θεος, нѣм. *Gott* отъ бѣгу, θειν, gehen (см. Риторику Ломонос.), *мед-вѣдь, чело-вѣкъ, нетопырь* отъ *нѣтъ* и *перо*; *пращуръ* отъ *про* и *чуръ*!

3. Нѣкоторыхъ заимствованныхъ словъ корень или неупотребителенъ или вовсе потерянъ: *за, над, при, у, избавляю, будни, вертоградъ, радуга, настежъ, подчиваю* или *подчую*. Нѣкоторыхъ древнихъ словъ корень находится въ словахъ новѣйшаго и даже простонароднаго нарѣчія: *законъ, искони, князь* (?) отъ *конъ*. Изъ сравненія же знаменованій сихъ производныхъ и сложныхъ можно доразумѣвать значеніе потерянныхъ коренныхъ: *струя, стрѣла, стремя* (*strom*), *быстрый, острый, островъ* отъ *стру*.

4. Произведеніе и сложеніе реченій служитъ обильнѣйшимъ источникомъ сослововъ, для точнаго которыхъ различенія должно вникать въ знаменованіе ихъ корней.

ОБЩІЯ ЗАМѢЧАНІЯ.

5. От заимственныхъ словъ могутъ составляться свои заимственныя, а отъ несобственныхъ значеній образоваться свои несобственныя.

6. 6. Чуждыя реченія могутъ умножать свое знаменованіе и образовать отъ себя производныя и сложныя въ томъ языкѣ, въ который вошли употребленіемъ, но сами принимаются въ немъ какъ собственно—знаменательныя и коренныя, т. е. безъ отношенія къ ихъ природному знаменованію и составу.

7. 7. Въ языкахъ, менѣе смѣшанныхъ съ другими, чуждыя и непрелагаемыя реченія могутъ быть замѣняемы распространеніемъ знаменованія своихъ: *systema уставъ*, *ex promtu на обумъ*, или новымъ произведеніемъ и сложеніемъ своихъ словъ: *industrie промышленность*. Только такія новизны вводятся въ употребленіе общимъ согласіемъ, иначе останутся примѣрами неудачныхъ порывовъ любви къ отечественному языку и смѣшнаго умничанья: *egoïste-соба*, *horizon глазоемъ*; по крайней мѣрѣ не должно при семъ раболѣпствовать чуждымъ особенностямъ: *revolution переворотъ*, *antirevolution противопереворотъ*, *civilisation гражданственность*, *litterature письменность*, *analogia озсловіе*!

Николай Ибрагимовъ.

X.

ЗАМѢЧАНІЯ О РАЗБОРѢ СОСЛОВОВЪ.

Послѣ сей статьи слѣдуетъ разборъ нѣкоторыхъ Россійскихъ сослововъ. Сочинитель оныхъ покойный Г. Профессоръ Лубкинъ имѣлъ намѣреніе составить полный сословникъ. Въ семъ намѣреніи и разобралъ довольное количество встрѣтившихся подобозначущихъ словъ. Внезапная смерть воспрепятствовала ему окончить трудъ свой, а равно и исправить разборъ представляемыхъ здѣсь сослововъ, кои надобно принять за отрывокъ, уцѣлѣвшій изъ прочихъ отъ пожара 3-го Сентября 1815 года въ Казани. Не излишне также будетъ въ видѣ вступленія къ сему разбору упомянуть вообще о сословахъ и замѣтить сдѣланные въ разсужденіи сего опыты на россійскомъ языкѣ.

Нѣкоторые полагаютъ, что нынѣ еще не время дѣлать разборъ Россійскихъ сослововъ. Мы не имѣемъ, говорятъ они, на Русскомъ языкѣ многихъ разныхъ родовъ образцовыхъ прозаическихъ твореній по части Словесности и учености; сколько должно еще переводить классиковъ и сколько не переведено учебныхъ книгъ. — Да и Словесность Россійская стремится еще къ цѣли того совершенства,

коего достигъ языкъ Французскій во время Людовика XIV или Латинскій около временъ Августа. Многіе высшаго класса особы употребляютъ болѣе языки иностранные и столь много, что мы не рѣдко слушаемъ, какъ достопримѣчательный анекдотъ, что такой то вельможа любитъ болѣе языкъ свой, а не чужестранный и болѣе говоритъ на своемъ языкѣ. Такъ разсуждаютъ многіе и вопрошаютъ: откуда же почерпать подтвержденіе для объясненія значенія сослововъ? нужно ли по тому разбирать ихъ и не лучше ли оставить сіе будущему времени? — Но самое сіе состояніе нашей Словесности требуетъ разбора сослововъ.

Объясненіе словъ большое пособіе для объясненія сослововъ. Нынѣ возможно и необходимо заняться точнѣйшимъ изъясненіемъ даже самыхъ словъ языка нашего, точнѣйшимъ опредѣленіемъ ихъ значеній. Императорская Россійская Академія издала уже словарь Россійскаго языка съ объясненіями и приступила ко второму изданію онаго; въ нынѣшнихъ своихъ запискахъ старается объяснять коренныя слова, чѣмъ много занимался и достопочтенный Г. Шишковъ. Изданы также Церковный словарь и Г. Яновскимъ Толкователь иностранныхъ словъ и техническихъ терминовъ въ Россійскій языкъ вошедшихъ. Таковые труды весьма полезны: они слу-

жатъ къ должному познанію языка. Симъ могутъ руководствоваться какъ первоначально обучающіеся Рускому языку, такъ любители Словесности и учености, сочинители и переводчики. Когда мы столь мало имѣемъ еще на нашемъ языкѣ вообще класическихъ книгъ и много остается сочинять и переводить; то нынѣ особенно должно наблюдать большую осторожность въ выраженіи понятій, въ употребленіи самыхъ словъ и въ производствѣ или составленіи изъ нихъ многихъ техническихъ терминовъ: какое глубокое познаніе въ языкѣ долженъ имѣть притомъ сочинитель или переводчикъ, и какая опасность для нашей Словесности, есть ли бы часто однѣ и тѣ же слова стали употреблять въ разномъ значеніи.

Тѣмъ болѣе въ семъ отношеніи — *слова и цѣлыя выраженія, представляющія одну главную мысль, но съ отличными особенными оттѣнками каждому изъ нихъ свойственными* (см. Санктпетербугскій Вѣстникъ. 1812), или какъ опредѣляетъ одинъ изъ сочленовъ сего Общества: *названія одной и той же вещи въ различныхъ отношеніяхъ, слова, имѣющія значенія между собою общее и собственное каждому порознь* — однимъ словомъ; *сословы* (по другимъ синонимы) должны обращать на себя вниманіе. Употребленіе ихъ безъ точнѣйшаго опредѣленія можетъ быть

весьма сбивчиво и разнообразно. Сихъ то словъ преимущественно надлежитъ опредѣлить вѣсъ и силу, представить выражаемыя ими разные оттѣнки понятій въ разныхъ отношеніяхъ, вещи и свойства ихъ съ разныхъ сторонъ, дѣйствія предметовъ и на предметы въ различныхъ степеняхъ силы; показать, когда разныя слова выражая одно главное понятіе, не выражаютъ при томъ разныхъ оттѣнковъ онаго, а только одинъ имъ собственной. Напрасно пренебрегаютъ при семъ брать иногда для объясненія сословов изъ полагаемаго значенія употребленіемъ низшаго класса народа. Сей классъ часто менѣе самопроизволенъ въ перемѣнѣ значеній словъ; иногда и чрезъ тысячу лѣтъ слова простаго народа употребляются въ одномъ значеніи, между тѣмъ коликимъ превратностямъ подвергаются онѣ и отъ высшаго класса и отъ писателей. Разбирая значеніе слова, надлежитъ разбирать его употребленіе разными классами и состояніями народа, даже въ разныхъ нарѣчіяхъ. Пословицы также могутъ служить подтвержденіемъ значенія сословов, равно священныя книги и лучшія прозаическія сочиненія, каковыя мы имѣемъ.

И такъ изъясненіе сословов нужно и нынѣ возможно. Положимъ, что оное не будетъ имѣть надлежащей полноты, подвергнется критикѣ, но тѣмъ лучше для успѣховъ языка. Извѣстному

Рубо предшествовали многіе, разбиравшіе Французскіе сословы либо только нѣкоторые, либо неполно, либо и съ погрѣшностями. Произойдутъ вновь слова и сословы, чего и ожидать надлежитъ въ нашемъ языкѣ, но произхожденіе ихъ будетъ тогда явственнѣе, объясненіе не трудно.

Сказавъ о надобности разбора Россійскихъ сословсвъ, присовокупимъ еще отрывками мысли, отчасти и заимствованныя, о сословахъ.

„Естьли сословы или нѣтъ? " Сіе значило бы опять вопрошать, находятся ли слова, выражающія одно общее понятіе и вмѣстѣ каждую оттѣнку онаго? Нѣтъ нужды сего доказывать. Извѣстно уже, что таковыхъ словъ во всякомъ языкѣ много находится. Есть случаи, когда сословы одно вмѣсто другаго поставлены быть не могутъ. Напротивъ совершенно однозначущія слова для выраженія одного ихъ общаго понятія, а не оттѣнки онаго, могутъ быть употреблены одно вмѣсто другаго. Изъ сего уже явственна безполезность двухъ или трехъ словъ для выраженія одной и той же вещи, одного и тогоже дѣйствія. Въ началѣ образованія языка грубые люди вѣроятно даже не имѣли сослововъ. Но связь народовъ между собою подала поводъ, что въ языкъ входило много словъ иностранныхъ; равномѣрно нарѣчія, мода на однѣ слова выгоняв-

шія изъ употребленія другія, образованіе народное и другія обстоятельства, были часто причиною происхожденія разныхъ названій одного предмета. Изобиліе въ таковыхъ названіяхъ безъ нужды всеконечно не означало бы богатства языка, но употребленіе ихъ въ языкѣ, какъ живописцемъ въ картинѣ разныхъ красокъ для оттѣнокъ, дѣйствительно показываетъ богатство.

Такимъ образомъ различныя по видимому названія одного и того же предмета бываютъ тогда, когда слова употребляются разными классами и состояніями народа, въ слогахъ высокомъ, среднемъ и низкомъ, для изображенія предмета важнаго или маловажнаго, для выраженія чего либо величественнаго, высокаго, трогательнаго, нѣжнаго, изящнаго, грознаго, огромнаго, радостнаго, унылаго, томнаго, низкаго, презрительнаго, и т. п. Все сіе не показываетъ ли богатства языка, способнаго къ точнѣйшему выраженію чувствованій и впечатлѣній, степени, пространства отношеній, и т. д. Таковъ языкъ Греческій, Арабской, Славенской и другіе нѣкоторые. Для выраженія отвлеченныхъ понятій также находятся сословы и гораздо болѣе, нежели для чувственныхъ предметовъ.

Напротивъ сего замѣчаютъ, что не рѣдко два различные предмета имѣютъ одно слово или названіе, обстоятельство противоположенное со-

словамъ, на пр. *языкъ* имѣетъ значенiе: 1) устный членъ, 2) видъ слова, 3) народъ; *даръ* — 1) способность, дарованiе и 2) подарокъ, даянiе; *ревность* — 1) усердiе къ чему и 2) ревнивость. Таковое размноженiе значенiй имѣетъ источникомъ способность нашей души находить въ предметахъ различныхъ сходство.

Одинъ изъ членовъ нашего Общества дѣлая замѣчанiе о сословахъ, говоритъ, что при разборѣ ихъ должно смотрѣть на коренныя слова, на древнее значенiе, на связь другихъ словъ, съ которыми единственно сочиняется сословъ въ выраженiи, на употребленiе въ слогѣ, на произвольное иногда различiе (на пр. умъ иногда значитъ умѣнье жить въ свѣтѣ).

Послѣ сихъ замѣчанiй сдѣлаемъ историческое обозрѣнiе разбора Россiйскихъ сослововъ.

Что касается до изъясненiя сослововъ, то какъ языкъ каждаго образованнаго народа имѣетъ собственный словарь; по чему и объясненiе сiе сослововъ отчасти можетъ быть въ таковыхъ словаряхъ. Но сверьхъ того занимались и особенно толкованiемъ сослововъ. Въ семъ отношенiи касательно Греческаго языка должно упомянуть о трудахъ Гезихiя и Аммонiя; касательно Латинскаго, еще Цицеронъ и Квинтилiанъ говорили о сословахъ, а послѣ нихъ Варронъ, Авлъ Гел-

лій, Ноній Марцеллъ, Этьенъ, Вавассеръ, Попма и нѣкоторые другіе. Въ новѣйшія времена Французы отличились истолкованіемъ своихъ сослововъ, чѣмъ занимались предъ прочими особенно Жираръ (ок. 1718), Дюмарсе, Жокуръ, Бозе и Рубо. Обьясненіемъ Нѣмецкихъ сослововъ занимались Аделунгъ, Эшенбургъ, Эбергардъ; Англій,— скихъ — Джонсонъ и Блеръ, Датскихъ — Спорон.

У насъ въ Россіи обратили вниманіе на толкованіе сослововъ уже около тридцати пяти лѣтъ и едва шестдесятъ сослововъ разобрано, но изъ нихъ большая часть требуетъ еще поясненія. Не непріятно однакожъ можетъ быть будетъ для Любителей Словесности увидѣть здѣсь вкупѣ показаніе, какіе изъ сослововъ разобраны. — Первоначально помѣщенъ разборъ ихъ въ изданномъ 1783 года въ Санктпетербургѣ *Собесѣдникѣ Россійскаго слова*, и именно въ *первой части* (стр. 126—134):

1) Старый, давный, старинный, ветхій, древній, заматерѣлый.

2) Чувство, чувствованіе, чувственность, чувствительность, ощущеніе.

3) Робкій, трусливый.

4) Основать, учредить, установить, устроить.

5) Понятіе, мысль, мнѣніе.

6) Обида, притѣсненіе.

7) Сумазбродъ, шаль, невѣжда, глупецъ, дуракъ.

8) Нещастіе, напасть, бѣда, бѣдствіе.

9) Полно, довольно.

10) Проступокъ, вина, преступленіе, злодѣяніе, грѣхъ.

11) Низкій, подлый.

12) Пособлять, помогать, вспомоществовать, давать помощь

Во второй части на разборъ словъ: ветхій, древній и старый; учредить, уставить, устроить; шаль; помощь, пособіе, вспомоществованіе, вспоможеніе, сдѣлано замѣчаніе (стр. 113 и 114), на что въ третьей части (стр. 121 - 126) отвѣтствовано. — Въ *четвертой* части (стр. 143 - 157) разобраны сословы:

13) безпорочность, добродѣтель, честь.

14) Лѣнивый, праздный.

15) Запамятовать, забыть, предать забвенію.

16) Совершить, окончить, прекратить.

17) Званіе, чинъ, санъ.

18) Правота, правосудіе.

14) Суевѣръ, ханжа, пустосвятъ, святоша, лицемѣръ.

20) Въ, во, на.

21) Умъ, разумъ, разумѣніе, смыслъ, разсудокъ, разсужденіе, дарованіе, понятіе, воображеніе, толкъ.

22) Всегда, непрестанно.

Въ *десятой* части (стр. 137 - 144):

23) Писецъ, писатель, сочинитель, творецъ.

24) Намѣреніе, предпріятіе.

25) Замыселъ, умыселъ.

26) Письмо, грамоты, посланіе.

27) Влюбленный, любитель.

28) Животное, скотъ.

29) Милый, любезный

30) Ревность, ревнованіе

31) Домъ, дворъ

32) Миръ, тишина, покой.

Толкованіе сихъ сослововъ большею частію кратко и безъ примѣровъ. Многіе изъ сослововъ не суть сословы, покрайней мѣрѣ нынѣ. Изъ чего можно заключать, что таковые слова, либо несправедливо въ разныя времена принимаются за сословы, либо что онѣ даже могли быть нѣкогда сословами и употребляться одно вмѣсто другаго, когда же вникнули точнѣе въ значеніе, то такъ раздѣлили ихъ, что уже и страннымъ казалось считать ихъ сословами. Послѣднее можетъ вести къ заключенію, что въ началѣ образованія языка и народа почти нѣтъ сослововъ; съ теченіемъ времени число ихъ увеличивается, но послѣ процвѣтанія языка и Словесности онаго, или и въ сіе время, число сіе опять значительно должно уменьшаться.

Послѣ того прошло много времени, какъ начали опять заниматься изъясненіемъ сослововъ. 1804 года въ изданномъ *Сѣверномъ Вѣстникѣ* въ

Санктпетербургѣ въ *первой* части послѣ краткаго замѣчанія о сословахъ (стр. 31 - 33), разобраны слова: 1) эгоистъ и своекорыстный (стр. 33 - 38), далѣе 2) ожидать, надѣяться (стр. 172 174).

3) Геній и талантъ или отличныя дарованія (стр. 307 - 311).

Въ *третьей* части (стр. 40 - 44) 4) Геній и умъ. 1805 года въ *пятой* части (стр. 60) 5) нужда, крайность, нищета; (стр. 183 - 186) 6) любовникъ волокита.

7) Влюбленный, любовникъ.

Въ *шестой* части (стр. 80) 8) признательность, благодарность.

Разборъ сихъ сослововъ большею частію переводъ съ Французскаго языка, впрочемъ заслуживаетъ особенное вниманіе любителей рускаго слова и весьма полезенъ. Здѣсь не излишне замѣтить, что слова не рѣдко имѣющія корни совсѣмъ различнаго значенія дѣлаются въ послѣдствіи въ переносномъ смыслѣ или по употребленію сословами.

Въ *журналѣ Россійской словесности*, изданномъ 1805 года въ Санктпетербургѣ Г. Брусиловымъ помѣщенъ разборъ сослововъ: чувство, чувствованіе (ч. II. стр. 53 - 55).

Во второй части (1806 г.) *сочиненій и переводовъ*, издаваемыхъ Императорскою Россійскою

Академіею (стр. 249-258) помѣщено объясненіе сословов:

1) Бѣдность, убожество, скудость, нищета и
2) шествіе, теченіе, ходъ, — соч. Г. Шишкова; здѣсь приводятся и примѣры изъ книгъ церковныхъ.

Въ *Цвѣтникѣ*, изданномъ въ Санктпетербургѣ 1810 года, Гг. Измайловымъ и Никольскимъ, въ седьмой части (стр. 215-226) находится разборъ въ переводѣ съ Французскаго языка сословов: умъ и геній, гораздо полнѣйшій противъ помѣщеннаго въ Сѣверномъ Вѣстникѣ.

Въ изданномъ Санктпетербургскимъ Обществомъ Любителей наукъ, Словесности и художествъ 1812 года *Санктпетербургскомъ Вѣстникѣ части первой* напечатано (стр. 65 — 83) разсужденіе: замѣчанія о значеніи словъ и о синонимахъ, въ коемъ находятся весьма хорошія мысли касательно сословов; сочинитель представляетъ въ ономъ и многія мысли Французскихъ писателей. На стр. 84 — 88 помѣщенъ хорошій опытъ разбора сословов:

1) Щастіе, благополучіе. (стр. 150 — 158).
2) Надмѣнный, гордый, спесивый.
3) Полно, довольно. — (стр. 277 — 280):
4) Подавать помощь, помогать, вспомоществовать.
5) Тщетно, напрасно, вотще.

Во *второй части* (на стр. 28 — 31):

6) Слѣдовать, подражать.

7) Со всѣхъ сторонъ, отвсюду.

При семъ разборѣ сообщены и разные примѣры изъ обыкновенныхъ разговоровъ и нѣкоторыхъ новѣйшихъ сочиненій; пожелать надобно, что бы къ онымъ присовокуплены были примѣры и изъ церковныхъ книгъ. Разсужденіе сіе и разборъ сослововъ сочиненіе Дмитрія Княжевича.

Въ *трудахъ Общества Любителей Россійской словесности*, при Императорскомъ Москосвскомъ Университетѣ учрежденнаго въ *первой* части, Г. Мерзляковъ въ разсужденіи своемъ о состояніи Россійской словесности упоминаетъ и о сословахъ; во *второй* же части (1812 г. стр. 1 — 22) помѣщено особенное разсужденіе о синонимахъ, въ коемъ также много мыслей Французскихъ писателей, но между тѣмъ и собственныя хорошія замѣчанія. На стр. 23 — 32 находится разборъ сослововъ:

1) Образецъ, примѣръ.

2) Дарованіе, способность.

3) Горе! бѣда! увы!

4) Средство, способъ.

5) Надобно, должно, надлежитъ.

6) Свойство, качество.

7) Неустройство, безпорядокъ, разстройка

8) Смѣлость, дерзость

9) Конецъ, окончаніе.

10) Польза, выгода.

Разборъ сихъ сословов кратокъ; однакожъ заключаетъ въ себѣ основательныя замѣчанія. И разсужденіе и разборъ сочиненіе Петра Калайдовича.

Въ журналѣ: *Сынъ отечества*, издаваемомъ Г. Гречемъ въ *части одиннадцатой*, 1814 года, на стр. 137 — 143 помѣщенно разсужденіе Г. Ибрагимова: *о синонимахъ* съ присовокупленіемъ нѣкоторыхъ примѣровъ; въ *двѣнадцатой же* части на стр. 57 — 62 разборъ сословов: способъ, средство.

Можетъ быть и еще гдѣ либо находятся разборы сословов: покрайней мѣрѣ кажется нѣтъ ихъ болѣе въ извѣстнѣйшихъ нашихъ сочиненіяхъ.

Такимъ образомъ явственно, что разбору Россійскихъ сословов доселѣ у насъ положено одно только начало, нѣкоторыя немногія черты. Но трудъ сей еще предлежитъ истиннымъ знатокамъ отечественнаго языка. Дѣло сіе не легко и не всякой съ хорошимъ успѣхомъ въ состояніи симъ заняться; потребно глубокое, а при томъ и опытомъ приобрѣтенное знаніе языка, что бы должнымъ образомъ объяснять слова онаго. Знаніе Славянскаго языка при семъ необходимо. Повторю отчасти уже и вышесказанное, что разбирая сословъ, надлежитъ во первыхъ объяснить самое слово, значеніе его въ разныхъ случаяхъ

разное, а не только въ отношенiи къ другому его сослову. При чемъ необходимо смотрѣть на значенiе и употребленiе слова въ древнiя, среднiя и новѣйшiя времена языка нашего, употребленiе его людьми разнаго состоянiя, въ книгахъ церковныхъ и свѣтскихъ, въ нарѣчiяхъ не только рускихъ, но и славянскихъ. Въ послѣднемъ случаѣ весьма полезно употреблять въ помощь словарь славянскихъ нарѣчiй Г. Линде. Такимъ образомъ каждаго слова будетъ исторiя, а вмѣстѣ и точнѣйшее разсмотрѣнiе онаго.

И предлагаемыя ниже сего сословы требовали бы подобнаго разбора, чего конечно сочинитель оныхъ не упустилъ бы сдѣлать, естьли бъ смерть не прекратила дней его. Между тѣмъ и въ такомъ видѣ, въ какомъ они есть, могутъ послужить къ объясненiю значенiй словъ.

Петръ Кондыревъ.

XI.

ОПЫТЪ РАЗБОРА РОССIЙСКИХЪ СОСЛОВОВЪ.

---

1) *Баловать* — *потакать* — *потворствовать* или *потворить*.

Общiй смыслъ сихъ словъ, особливо двухъ первыхъ, есть не препятствовать другому дѣ-

лать безпорядки и тѣмъ самымъ худую въ другомъ привычку нѣкоторымъ образомъ утверждать.

Но разнятся 1) въ разсужденіи *причины дѣйствія*: ибо *балуемъ* кого по любви къ нему самому, слабости, излишней нѣжности или привязанности; *потакаемъ* изъ особенныхъ своихъ выгодъ, въ мнѣніяхъ, не хотя противорѣчить; а *потворствуемъ* изъ угожденія или снисхожденія, болѣе въ дѣлахъ — 2) въ разсужденіи *лицъ дѣйствующихъ*: балуютъ тѣ, кои имѣютъ полную власть исправить другаго, или воздерживать, но сего не дѣлаютъ; *потакаютъ*, которые хотя бы власти надъ другимъ, кому потакаютъ, не имѣли, однакожъ могли бы сказать свое мнѣніе; *потворствуютъ*, которые хотятъ тѣмъ другому услужить, показывая видъ, что не примѣчаютъ ихъ поступковъ, или ими не занимаются, а тѣмъ самымъ хотя не прямо онымъ содѣйствуютъ.

Неприлично сказать: баловать отца, господина, начальника, также и потакать имъ; но можно потакать товарищу, пріятелю, прекрасному полу, или потворствовать подчиненному и проч.

Сверхъ сего 4.) *балуемъ*, когда нѣкоторымъ образомъ забавляемся шалостями и безпорядками своихъ подвластныхъ: *потакаемъ*, когда ху-

дое дѣйствіе или противное мнѣніе другаго какъ бы одобряемъ, по крайней мѣрѣ молчимъ, когда говорить объ немъ слѣдовалобы; *потворствуемъ*, когда въ поступкахъ другому не дѣлаемъ съ своей стороны никакихъ препятствій или остановки, не смотря на то, что можемъ сіе дѣлать, и имѣемъ къ тому право или и обязанность.

Впрочемъ слово: *баловать* употребляется только въ слогѣ простомъ или разговорномъ, такъ какъ заключающееся въономъ понятіе означаетъ нѣчто низкое, и не служащее къ чести тѣхъ, коимъ приписуется.

Поблажаю, балую. Общій смыслъ сихъ реченій есть: попускаю кому шалости, и главнымъ предметомъ дѣйствія бываютъ дѣти: мать любимому дѣтищу во всѣмъ поблажаетъ, всѣмъ его балуетъ. Различаются же особенно тѣмъ: что одно дѣйствіе заключаетъ въ себѣ только согласіе на прихоть, а другое предваряющую угодливость и конечную тѣхъ причину — порчу нравовъ: естьли робенокъ кричитъ и наскучаетъ, чтобы получить, чего хочетъ, но чего не льзя дать ему; то мать поблажаетъ ему своимъ угожденіемъ, естьли онъ получитъ своимъ крикомъ, въ чемъ сперва ему было отказано: а предотвращая огорченіе его своею заботливостію, совершенно его балуетъ, поелику онъ

возметъ себѣ въ голову, что стоитъ только досадить окружающимъ его, чтобы поставить на своемъ.

2) *Барышъ* — *прибытокъ* — *прибыль*. —

Барышъ, слово Татарское, называется излишекъ денегъ въ выручкѣ за проданной товаръ, противу той цѣны, за которую самимъ продавцомъ прежде былъ купленъ. Но слово сіе говорится только о мѣлочныхъ торговцахъ, или перекупщикахъ, которые всякую мѣлочь стараются скупать за дешевую цѣну, дабы послѣ тутъ же на мѣстѣ перепродать ее дороже. — По тому прибыль, въ настоящихъ торговыхъ оборотахъ получаемая, въ отличіе называется не барышемъ, а *прибыткомъ* или *чистою выручкою*.

Впрочемъ слово *прибытокъ* или *прибыль* не къ однимъ только торговымъ дѣламъ относится, но означаетъ всякое приращеніе капитала въ хозяйствѣ: а по тому и говорится: имѣть прибытокъ отъ хлѣбопашества — скотоводства, или отъ какаго либо хозяйственнаго заведенія, когда посредствомъ онаго приобрѣтаемое превышаетъ количество капитала, или издержекъ, на то употребленныхъ.

3) *Барышникъ* — *лихоимецъ*.

Барышниками называютъ собственно мѣлочныхъ торгашей, которые перебиваютъ изъ ба-

рыша всякой всячиной и употребляют всякія пронырства и прижимки въ покупкѣ и перепродажѣ товаровъ за выгодную для себя цѣну — въ переносномъ смыслѣ даютъ такое имя людямъ симъ подобнымъ, которые изъ всякой малости ссужаемой другому хотятъ получать себѣ прибыль, кои не расположены для ближняго ничего дѣлать, какъ токмо изъ барыша, т. е. изъ прибыли для себя, и которые, подобно торговымъ барышникамъ, готовы лучше преступить честность или данное слово, нежели для того опустить преимущественныя выгоды обѣщаемыя или ожидаемыя отъ другаго — и вообще, которые въ сношеніяхъ своихъ съ людьми, руководствуются единственно большею отъ нихъ предъ другими для себя прибылью или выгодою, не стоющею собственныхъ услугъ отъ нихъ имъ оказываемыхъ. И потому говорится: это настоящій барышникъ, даромъ ничего не сдѣлаетъ, надобно съ нимъ торговаться; кто дастъ больше, тому и дѣлаетъ — служитъ — къ тому и льнетъ.

Лихоимецъ, слово сіе происходитъ отъ лихва и емлю и значеніе имѣетъ почти такоеже, какъ и барышникъ: но разнятся между собою 1.) Барышникъ не гнушается и малою прибылью, лихоимецъ напротивъ: 2. Барышникъ получаетъ отъ переторжки и мѣлочными товарами; лихои-

мецъ отъ непомѣрной лихвы за ссуду денегъ, или другаго чело либо. 3.) Барышникъ не упускаетъ случая къ обманамъ и пронырству: а Лихоимецъ — случая, дорого продать свою помощь, коль скоро кто въ томъ нуждается, хотя бы сей и вконецъ отъ того раззорился. — и 4) Барышникъ есть названіе презрительное; а лихоимецъ ненавистное.

4.) *Баснь — сказка — повѣсть.* —

Баснію называется краткой иносказательной вымыслъ, явно или скрытно, но всегда заключающій въ себѣ нѣкоторое нравоученіе. — *Сказкою*, вымышленное приключеніе, служащее болѣе для забавы и для препровожденія времени. Въ басняхъ, нерѣдко дѣйствующими лицами бываютъ не только животныя, но и неодушевленныя вещи. Въ *повѣсти* болѣе вѣроятности и возвышенности, нежели въ сказкѣ; сказка всегда вымышленна, повѣсть часто заключаетъ въ себѣ и быль.

5) *Бдѣть — не спать — бодрствовать.*

Обыкновенно сну противополагаютъ бдѣніе; и потому глаголы: *бдѣть* и *не спать* по видимому должны бы имѣть значеніе совершенно одинаковое, но слово бдѣть употребляется въ церковныхъ книгахъ или высокомъ слогѣ. — Въ иносказательномъ же смыслѣ *не спать* значитъ быть только осторожнымъ, чтобъ не пропустить че-

го либо: а *бдѣть*, употреблять при томъ и собственную дѣятельность въ избраніи и употребленіи мѣръ, потребныхъ для извѣстной какой либо цѣли. Такимъ образомъ, когда говорится: онъ не спитъ! то сіе значитъ, что не льзя такого застать нечаянно или въ расплохъ; или не льзя чего либо до него касающагося сдѣлать такъ, чтобъ онъ тотчасъ не догадался и не взялъ своихъ мѣръ. Но *бдѣть* на пр. о соблюденіи порядка, означаетъ не только не быть оплошну, но и собственною дѣятельностію и распоряженіями тщательно тому споспѣшествовать.

Бодрствовать — стараться не спать, въ иносказательномъ — преодолѣвать всё, что приводитъ духъ въ уныніе, мужаться.

6) *Бездна* — *пропасть*.

Въ смыслѣ углубленія *бездна* означаетъ глубину, какъ бы окончанія или дна не имѣющую: *пропасть*, чрезвычайно великое углубленіе, на подобіе ямы или провалины. Бездна есть преувеличеніе пропасти. Въ иносказательномъ смыслѣ *бездною* называется весьма великое, которому никакой опредѣленной мѣры положить не можно, количество или пространство; на пр. бездна щедротъ — бездна преступленій — бездна разстоянія и пр. Пропасть же означаетъ и нещастіе крайнее, вдругъ приключающееся и изъ котораго освободиться не можно.

7) *Безвременно — не благовременно — не въ пору — не во время. —*

Безвременно дѣлать что либо означаетъ дѣлать безъ всякаго разбора времени, пристойно ли оное къ тому или нѣтъ, также предъупреждать должное время, неожиданно, не давъ времени приуготовиться. — *Не благовременно* значитъ не кстати, не сообразно съ обстоятельствами, когда что дѣлать надобно, употребляется въ высокомъ слогѣ, чему въ обыкновенномъ слогѣ соотвѣтствуетъ не во время, или еще проще — *не въ пору*. Потому *пришелъ безвременно* значитъ въ такую пору, когда еще люди не ходятъ; — *не благовременно* или *не въ пору*, когда какія либо тамъ обстоятельства, куда пришелъ, дѣлаютъ приходъ его противнымъ или тщетнымъ или безполезнымъ.

8) *Беззаконіе — порокъ — законопреступленіе — грѣхъ.*

Всякое дѣйствіе предосудительное называется *порокъ*: но когда таковое дѣйствіе произходить будетъ не столько отъ человѣческой слабости, сколько отъ закоснѣлости во злѣ, и предполагаетъ нѣкоторымъ образомъ въ сердцѣ своего виновника презрѣніе къ закону, или явное онаго пренебреженіе; то называется *беззаконіемъ*. *Законопреступленіе* есть дѣйствіе хотя нару-

шающее законъ, но которое не предполагаетъ еще презрѣнія къ оному или отверженіе закона, и по тому отъ беззаконія различно съ сей стороны. — Сверхъ того въ словѣ *беззаконіе* подразумѣвается законъ наипаче нравственный; а въ словѣ *законопреступленіе* болѣе законъ положительный или политическій. — *Грѣхъ* хотя такъ же есть преступленіе закона: но здѣсь разумѣется законъ совѣсти, или законъ Божій. По чему и между сходственными сими словами будетъ таковое различіе:

Грѣшить значитъ просто преступать законъ совѣсти или Божій.

Быть порочнымъ — предаваться склонностямъ предосудительнымъ.

Беззаконничать — грѣшить вопіющимъ образомъ съ явнымъ пренебреженіемъ всякаго закона.

Законопреступствовать — преступать законъ, не отвергая однакожъ своей отъ онаго зависимости — или явно нарушать законъ положительный. Впрочемъ сіи сословы болѣе различны, нежели сходны.

9) *Безмѣрный — безпредѣльный — неизмѣримый.*

Безмѣрный — означаетъ такое чего либо количество, къ которому не льзя приложить обыкновенной мѣры. — *Неизмѣримый* чего никакою мѣрою опредѣлить не можно. — *Безпредѣльный*, значитъ вовсе никакихъ предѣловъ не имѣющій.

10) *Беззаботный — безпечный.*

Беззаботный, означаетъ не имѣющаго заботъ: *безпечный*, которому хотя и есть о чемъ заботиться, или попеченіе имѣть, но онъ о семъ не брежетъ. — И потому *беззаботная* жизнь означаетъ жизнь благополучную; *безпечная жизнь* значитъ жизнь небрежную.

11) *Безмолвіе — молчаніе.*

Не безъ труда можно найти различіе между сими двумя словами: поелику оба означаютъ почти совершенно одно и тоже, т. е. прекращеніе рѣчи или разговора. Но естьли справедливо то, что два различныя реченія должны имѣть и знаменованіе хотя нѣсколько отличное: то надобно, чтобъ и между сими словами находилась нѣкоторая разность. На сей конецъ возмемъ нѣсколько выраженій, въ коихъ и то и другое слово употреблено быть можетъ: изъ сличенія оныхъ можетъ быть откроется нѣкоторое дѣйствительное въ значеніи ихъ отличіе: на пр. 1) въ молчаніи ожидали сего—въ безмолвіи сего ожидали или сему внимали, 2) въ продолженіе сего времени наблюдаемо было глубокое молчаніе или безмолвіе, 3) заставили его молчать -- сдѣлали безмолвнымъ, 4) молчаніе — безмолвіе царствующее въ семъ мѣстѣ. Изъ сличенія сихъ выраженій кажется видѣть можно:

1) Что *молчаніе* означаетъ просто прекраще-

ніе рѣчи или разговора: а *безмолвіе* сверхъ того нѣкоторое отмѣнное расположеніе духа на тотъ разъ, нѣкоторымъ образомъ какъ бы отъемлющее у человѣка способность говорить, или ее останавливающее, какъ то сіе бываетъ въ удивленіи, изумленіи, въ ожиданіи чего либо важнаго, скоро наступить имѣющаго и пр. Слѣдовательно въ *безмолвіи* всегда подразумѣвается въ душѣ какая нибудь страсть, связующая языкъ: чего въ словѣ *молчаніе* ни мало еще не заключается.

2) *Безмолвіемъ* такъ же называется и то состояніе вещей, когда не слышно никакого шума, развлекающаго вниманіе души: но слово *молчаніе* употребляется только о людяхъ въ собственномъ смыслѣ. И потому въ выраженіи: царствующее здѣсь молчаніе по необходимости разумѣются только люди, которые молчаніе наблюдаютъ: но напротивъ: царствующее здѣсь безмолвіе, въ семъ выраженіи разумѣется уже совершенная тишина, даже со стороны неодушевленныхъ вещей.

12) *Безобразный — неуклюжій.*

Неуклюжій есть уже безобразный: однакоже не все то можно назвать неуклюжимъ, что безобразно. Безобразнымъ называемъ вообще все то, что непріятно для глазъ, хотябы причина сего заключалась въ разногласномъ наружномъ качествѣ частей ту вещь составляющихъ, или въ количествѣ оныхъ. Но неуклюжею называемъ

только такую вещь, въ частяхъ коея примѣтна большая несоразмѣрность, т. е. что нѣкоторыя изъ нихъ противъ другихъ гораздо болѣе, нежели каковыми имъ быть слѣдуетъ судя по величинѣ всей той вещи, какимъ на пр. описывается Езопъ — По чему безобразіе означаетъ просто несоотвѣтственность между собою видимыхъ качествъ вещи: а неуклюжіе отвратительную для глазъ несоразмѣрность въ частяхъ оныя, хотябъ сіи по одиначкѣ взятыя, и отнюдъ ни какого безобразія въ себѣ не заключали. Слово не уклюжій впрочемъ употребляется въ просторѣчіи и заключаетъ въ себѣ часто понятіе о предмѣтахъ огромно безобразныхъ.

13) *Безпокойство — забота.*

Есть люди, о которыхъ говорится, что много имѣютъ безпокойства, но мало заботъ; и напротивъ, которые много заботъ, но мало безпокойствъ. И такъ хотя почти все равно сказать: *Жизнь его соединена со многими безпокойствами* или *со многими заботами*; однакоже между тѣмъ и другимъ должна быть нѣкоторая разность. Ибо *заботиться* можно только о томъ, что нѣкоторымъ образомъ отъ насъ зависитъ: *безпокоиться* обо всемъ для насъ непріятномъ. — Сверхъ сего, *заботиться* только о будущемъ, что бы случилось или не случилось: а безпокоиться не

шолько о прошедшемъ, но и о настоящемъ и о будущемъ. Потому странно бы было говорить: заботиться, чтобы дождь не пошелъ, или: зоботиться, что поступилъ не осторожно. — А хотя и говорится: онъ крайне заботится по причинѣ приключившагося съ нимъ нещастія, но забота относится здѣсь не къ нещастію, которое уже случилось, а къ изысканію и открытію мѣръ, коими бы оное поправить.

14) *Безпрестанно — непрерывно — всегда.*

Первыя два употребляются почти безъ разбора одно вмѣсто другаго. — Но *безпрестанно* означаетъ, кажется, продолженіе дѣйствія непрекращающееся, такъ чтобы нужно было оное начинать снова, какъ на пр. удареніе маетника въ часахъ: а *безпрерывно* такое продолженіе извѣстнаго дѣйствія, въ которомъ нѣтъ никакихъ разстановокъ, а гдѣ непосредственно одна часть дѣйствія слѣдуетъ за другою, какъ на пр. въ тѣхъ же часахъ движеніе пружины. — Онъ говоритъ *безпрестанно*, значитъ, что тотъ человѣкъ любитъ разговаривать, такъ, что всегда у него найдется какая либо новая матерія къ разговору: — но — онъ говоритъ безпрерывно — означаетъ такого несноснаго говоруна, которой однажды заговоривъ уже не останавливается, и тѣмъ не даетъ говорить другимъ, который хо-

четь, чтобъ другіе его только слушали, а сами между тѣмъ ни съ нимъ, ни между собою не разговаривали. Вода течетъ безпрерывно, каплетъ безпрестанно — Безпрестанно относится болѣе къ дѣйствію, а безпрерывно — къ вещамъ, сословъ же оныхъ всегда — ко времени.

51) *Безпримѣрный — единственный*

Два слова почти совершенно тождественныя. Ибо чему нѣтъ никакого примѣра, то остается единственнымъ само въ себѣ; и напротивъ. Но кажется разница есть слѣдующая: 1. *Единственный* можно говорить въ семъ смыслѣ только о вещи, или существѣ: а *безпримѣрный* и о качествѣ вещи и пр. Не прилично бы было сказать единственная добродѣтель, вмѣсто: безпримѣрная добродѣтель: ибо первое выраженіе будетъ означать только одинъ нѣкоторый видъ добродѣтели, о которомъ говорится, подполагая недостатокъ прочихъ. — Или: единственный мудрецъ, сказать можно только о такомъ, которой изъ всего общества, гдѣ живетъ одинъ между мудрецами почесться можетъ; а не въ сравненіи съ прочими себѣ въ семъ отношеніи подобными —— 2.) Наименованіе безпримѣрный кажется выше наименованія единственный. Ибо примѣромъ другъ другу служить могутъ не только вещи однородныя, но и раз-

народныя: а слово единственный означаетъ только вещь въ своемъ родѣ единую, и въ ономъ только примѣра себѣ не имѣющую. Почему безпримѣрный значитъ нѣчто такое, что ничего подобнаго или сходнаго себѣ не имѣетъ ни въ своемъ родѣ, ни въ другихъ. По тому, на пр. безпримѣрное благодѣяніе есть такое благодѣяніе, которому никогда никакого примѣра или подобнаго благодѣянія и не было и не будетъ и проч.

16) *Безразсудный — неразсудительный — неосторожный — опрометчивый.*

Безразсуднымъ называется тотъ, который обыкъ поступать необдуманно, или не заботясь о томъ, что дѣлать ему надобно или прилично: — *Неразсудительнымъ*, или *неразсудливымъ*, которой слабъ въ разсудкѣ или надлежащемъ соображеніи обстоятельствъ, гдѣ требуется сего: — *Неосторожнымъ*, которой въ поступкахъ своихъ не старается предусматривать имѣющее быть изъ оныхъ послѣдствіе — *Опрометчивымъ*, которой въ предпріятіяхъ и дѣйствіяхъ своихъ такъ тороплив; что нимало не примѣняется къ обстоятельствамъ. — Слѣдовательно значеніе сихъ словъ сходно только въ родѣ, т. е. относительно недостатка потребной разсудливости въ поступкахъ; а не въ видѣ, или въ частности.

17) *Безславіе — безчестіе.*

Кажется, что сіи слова разнятся только въ разсужденіи пространства означаемаго ими дѣйствія. Ибо обезчестить кого, значитъ приписать тому человѣку нѣкоторой порокъ при немногихъ. Обезславить, тоже самое сдѣлать, но въ высшемъ степени, и разпространивъ такую худую славу уже далеко. Кромѣ сего *безчестіе* означаетъ лишеніе добраго имени по чему либо, и въ извѣстномъ отношеніи, только отъ нѣкоторыхъ: а *безславіе* отъ всѣхъ — отъ цѣлой публики — отъ цѣлаго свѣта. — Человѣкъ безъ славы можетъ быть съ честію, а человѣкъ безчестный можетъ еще славиться.

18) *Безстрашіе — необузданность*

Дерзкіе и предосудительные поступки есть ли происходятъ отъ непреодолимаго закоснѣнія во злѣ или совершеннаго забвенія всякой отъ закона зависимости, называются *безстрашіемъ*: но есть ли происходятъ отъ недостатка нужной строгости, или отъ послабленія, и слѣдственно строгими мѣрами могутъ быть поправлены или ограничены; то называются *необузданностію*. Такимъ образомъ причина *безстрашія* есть закоснѣлость, или какъ бы сказать остервенѣніе во злѣ: причина необузданности недостатокъ въ обузданіи худыхъ склонностей или свое-

вольства. По тому не льзя сказать: безстрашный мальчикъ вмѣсто необузданный; поелику мальчику закоснѣть во злѣ еще не когда и много еще имѣется средствъ привести его въ порядокъ.

19) *Бестрашіе — неустрашимость.*

Безстрашіе, какъ уже сказано, есть дерзновенное презрѣніе закона, или власти закономъ поставленной: *неустрашимость* состоитъ въ презрѣніи опасностей встрѣчающихся въ похвальныхъ какихъ либо подвигахъ. Потому часто первое приемлется въ худую, а послѣднее въ добрую сторону: и не такъ прилично бы было сказать: неустрашимый разбойникъ, но безстрашный, дерзкій или отчаянный; поелику въ первомъ случаѣ таковое титло послужило бы ему въ похвалу за его ремесло. -- Однакожъ многіе не принимаютъ за сословы безстрашіе и неустрашимость.

20) *Безстудный — безстыдный.*

Безстудный означаетъ только качество противное цѣломудрію, и явно оное нарушающее: вообще все, что явно противно благопристойности, хотя бы и никакого не имѣло сіе отношенія къ цѣломудрію. Замѣчательно, что оба слова произходятъ отъ одинакаго славенскаго корня студъ или стыдъ: но со временемъ по употребленію языка получили отличное знаменованіе.

въ письмахъ своихъ къ сыну Лордъ Честерфильдъ, что случай только даетъ другимъ открывать его въ себѣ. Впрочемъ же да вразумятся невѣжды, что тѣмъ рѣдко вѣрятъ, кто самъ о себѣ говоритъ; а естьли и повѣрятъ, то презираютъ.

IV. *Нѣтъ никого, кому бы не нравилась похвала самая грубая, и кто бы не обижался выговоромъ самымъ легкимъ.* Имѣлъ ли кто нибудь такихъ безстыдныхъ хвалителей своихъ достоинствъ? Онъ конечно сему улыбался; а улыбка, есть ли она не отъ досады происходитъ, значитъ удовольствіе. Подобно сказать можно и о тѣхъ, которые выставляютъ наши недостатки; то есть, мы не только неохотно слушаемъ ихъ, но даже ненавидимъ. Посему то правда глаза колетъ; и, не говори правды, не потеряешь дружбы. — Сей случай показываетъ намъ, что мы хотимъ извѣстны быть въ мысляхъ другихъ со стороны достоинствъ только; и потому не рѣдко думаемъ, что, либо мы и въ самомъ дѣлѣ имѣемъ ихъ; либо тѣ, кои хвалятъ насъ, выгодно для насъ ошибаются, изъ чего мы не почитаемъ за нужное выводить ихъ. Сіе особливо примѣтить можно въ людяхъ, коимъ мы иногда, по незнанію, приписываемъ титло выше ихъ чина, должности, знаній и т. п.

Но странность, отъ чего человѣкъ гордой не

только не обижается упреками въ своемъ пороке, но еще составляетъ себѣ славу? и какъ худо дѣлаютъ тѣ, кои желая унизить гордеца, насмѣхаются надъ нимъ явно. Послѣдствія сего поступка ихъ бываютъ обыкновенно тѣ, что гордые дѣлаются еще неистовѣе. Я соглашаюсь, что изступленіе сіе усиливается отъ мнѣнія гордаго, будто другіе завидуютъ въ немъ преимуществамъ, которыя онъ, по слѣпотѣ своего самолюбія, столь нагло иногда себѣ приписываетъ. Какое жъ средство унизить гордость? Кажется, нѣтъ лучше, какъ совершенное равнодушіе къ мыслямъ и поступкамъ такого человѣка. Ибо онъ замѣтивъ сіе одинъ и два раза, почувствуетъ по неволѣ пустоту свою. А какъ невниманіе къ намъ другихъ не даетъ намъ никакого познанія цѣны своей въ мысляхъ ихъ; то слѣдуетъ, что гордые, не имѣя случая примѣтить дѣйствій своихъ поступковъ надъ другими, принужденно смирятся. Ахъ! какъ потребно знаніе сердцами человѣческими править!

Сіе примѣчаніе должно дать правило наставникамъ, родителямъ и всѣмъ тѣмъ вообще, кто можетъ имѣть какое нибудь вліяніе въ поступки другихъ. Надлежитъ беречься, сколько можно, укоризнъ вообще, и употреблять ихъ не иначе, какъ по совершенной нуждѣ, и притомъ съ надеждою вѣрнаго успѣха. Въ противномъ же

случаѣ выговоры, даже справедливые, могутъ произвесть къ намъ только ненависть одну; я не говорю уже о брани несправедливой, т. е. либо вовсе незаслуженной, либо несоразмѣрной винѣ. Это сущая обида, которой никто равнодушно не переноситъ; а слѣдствія ненависти кому неизвѣстны. — Также примѣтимъ еще, что выговоръ съ успѣхомъ тотъ только можетъ дѣлать, кто самъ не подалъ къ тому причины другимъ. Ибо выговоръ, произнесенный порочнымъ человѣкомъ, можетъ произвесть въ насъ двойную ненависть: одну за наше униженіе, а другую за похищеніе права, ему непринадлежащаго. Больной самъ долженъ лѣчиться, а не здоровыхъ врачевать.

Послѣ сего удивительно ли, что выговоры наши такъ часто худыми сопровождаются успѣхами; что наставленія наши только раздражаютъ другихъ; и что отъ замѣчаній нашихъ не рѣдко люди даже ожесточаются.

V *Естьли при множествѣ недостатковъ имѣемъ мы хотя мнимое какое преимущество передъ другими; то стараемся опереться на немъ, какъ на непоколебимомъ нѣкоторомъ основаніи.* — Видалъ ли кто, богатыхъ но скудоумныхъ людей? Они все свое достоинство полагаютъ въ имѣніи. Случалось ли кому имѣть дѣло съ безобразными? умъ и сердце, которыя часто обра-

зованы у нихъ не лучше другихъ есть одна уважаемая ими выгода. Говаривалъ ли кто съ человѣкомъ бѣднымъ? добродѣтель, которой онъ, можетъ быть, вовсе не имѣетъ, есть одно его украшеніе. — Рѣшите, что это плодъ самолюбія, которое не хочетъ унизиться и тогда, когда оно должно признать себя побѣжденнымъ. — Берегись неопытной человѣкъ, нападать на самолюбіе сего рода. Отнявъ у него послѣднее средство ослѣпляться, ты можешъ его повергнуть въ отчаяніе; а отчаяніе подобно горячкѣ, всегда больше имѣетъ силъ, нежели самая вѣрная надежда. То есть, ближе бѣда, у всякаго больше ума.

VI. *Мы все то ставимъ ниже настоящей цѣны, чего сами не имѣемъ, или не знаемъ.* Совершенная правда! человѣкъ не знающій правилъ обращенія презираетъ хорошія знакомства, которыхъ ему имѣть не можно; малочиновной увѣряетъ другихъ въ равнодушіи своемъ къ почестямъ, которое опровергается однимъ уже симъ увѣреніемъ; невѣжа порицаетъ науки, которымъ онъ вовсе не обучался и пр. и пр. — Не дивитесь сему, самолюбіе наше столь нагло, что видя явное свое неравенство съ другими, хочетъ каждаго грубо увѣрить, что мы не только тѣмъ не дорожимъ, что другіе уважаютъ, но еще и презираемъ. Однакожъ низкая причина ни отъ кого не

можетъ быть скрыта. Это ревность, которая досаду униженія своего хочетъ скрыть, яко бы невниманіемъ къ тому, что другіе уважаютъ.

Сюда же причислить должно и сей весьма обыкновенный случай у глупохитрыхъ людей. Когда кто предвидитъ въ предпріятіяхъ или въ надеждахъ неудачу, или неудача сія сдѣлалась уже довольно извѣстною; то онъ разглашаетъ обыкновенно, что успѣхами своими не дорожитъ. Какъ любопытно смотрѣть на человѣка, которой добиваясь, на пр. богатаго наслѣдства, отчаявается получить его, или уже и вовсе отказано ему въ правѣ! Тогда — то самолюбіе его изгибается различнымъ образомъ, дабы всякаго увѣрить, что мы хотѣли только, на пр. испытать справедливость людскую, и сдѣлать что нибудь въ жизни; что же мы впрочемъ совершенно равнодушны къ великому имѣнію, которое тяготитъ только людей, не доставляя истиннаго благополучія. — Но какая была бы тому причина, что мы еще болѣе въ подобныхъ случаяхъ стараемся защитить свое равнодушіе, когда искъ нашъ бываетъ несправедливъ, и надежды ни мало неосновательны. Легко понять, что здѣсь мѣсто имѣетъ двойное униженіе: одно, что мы не получили выгодъ, которыхъ столь сильно желали; а другое, что справедливой случай дали зависти торжествовать надъ собою.

VII. *Мы уважаемъ похвалы и одобренія, когда онѣ произходятъ отъ вышшихъ насъ; впрочемъ же презираемъ, когда то дѣлаютъ нижшіе.* Точно такъ, хвали офицера Генералъ; одобряй приказнаго Предсѣдатель; отдавай справедливость ученому Академія — и похвалы сіи примутся съ полнымъ удовольствіемъ. Но какую честь для себя извлечемъ мы, когда прославляетъ умнаго дуракъ? Судитъ о музыкѣ глухой? или одобряетъ картину слѣпой? Сколько жъ находится съ умомъ безъ благоразумія, съ ушами глухихъ, и глазами слѣпыхъ; то, думаю всякому изъ насъ не безъизвѣстно. — Тайну сію самолюбія не трудно проникнуть, когда разсудимъ, что мы уважаемъ вышшихъ только; къ нижнимъ же не показываемъ никакого вниманія, или даже и презираемъ. — Отсюда также производить должно причину, почему мы уважаемъ слова, мысли или дѣла вышшихъ насъ, хотя произведенія сихъ лицъ и не всегда бываютъ образцовыя. Кто нехвалитъ, на пр. выраженій придворнаго? Кто не дѣлаетъ предпочтенія совѣтамъ старыхъ людей предъ молодыми? Кто наконецъ сравняетъ дѣла просвѣщеннаго человѣка съ простолюдиномъ?

Подобно сказать можно и о подражаніи, что оно по самолюбію же нашему, имѣетъ основаніе свое въ понятіи вышшаго. — Не ждите снѣдаемые честолюбіемъ, но незначущіе люди, что бы

вы могли быть для кого нибудь образцомъ. Всякой стихотворецъ хочетъ быть Ломоносовъ; рѣдкой Актеръ не желалъ бы сравняться съ Дмитревскимъ; и нѣтъ мѣщанки, которая бы не заимствовала моды только отъ дворянки.

Примѣтимъ здѣсь еще мимоходомъ, что дѣлаютъ не рѣдко въ подражаніяхъ своихъ глупцы! Они чувствуя иногда свое ничтожество, и желая однакожъ представить изъ себя что нибудь, удивительнымъ образомъ забавляютъ умныхъ людей. Наслышавшись, на пр. что великіе люди не всегда бываютъ изъяты отъ слабостей, и не имѣвши способности подражать имъ, перенимаютъ однѣ только ихъ дурачества. Но развѣ великіе люди учинились славными только по слабостямъ своимъ? Такъ почемужъ мы думаемъ, что чужая богатая, хотя бы то и замаранная одежда, лучше можетъ насъ украсить, нежели наша собственная — бѣдная, но чистая? Недалекіе люди не могли бы лучше дать объ себѣ хорошихъ мыслей, какъ принявъ характеръ скромности. Ибо слова мудрости, говоритъ Г. Дюкло, не столько зависятъ отъ дѣлъ похвальныхъ, которыя мы учинили, сколько отъ глупостей, которыхъ мы не дѣлали.

VIII. *Мы хвалимся и зломъ дѣйствительнымъ, когда надѣемся извлечь себѣ изъ него славу; не рѣдко чувствительно терпѣть оное, чтобъ выдер-*

жать свой характеръ. Дивитесь сколько угодно, но есть люди, которые хвалятся подагрою, что ею страдалъ отецъ ихъ и дѣдъ. Но для чегожъ не выставляютъ болѣзней другихъ какихъ, которыя также могутъ быть наслѣдственны? Суета суетствъ! Подагра даетъ понятіе о роскошной жизни, и слѣд., что мы знатнаго произхожденія, какъ будто знатное произхожденіе должно отличаться знатными и горестями! Сколько также есть людей, которые присвояютъ себѣ даже пороки и недостатки, кои другихъ сдѣлали достойными примѣчанія. Родившись съ характеромъ такимъ, для чего принимаютъ видъ гордыхъ и надменныхъ? Имѣвъ зрѣніе отъ природы хорошее, для чего носятъ очки! и глядятъ въ лорнеты? для чего перекашиваютъ глаза? для чего хромаютъ? для чего...? О! прекратимъ сію чувствительную матерію! причина сказана прежде.

IX. *Мы лучше любимъ дѣлать милости, нежели отдавать должное по справедливости.* Сколько есть такихъ, которые работникамъ не платятъ, а нищимъ щедрыя дѣлаютъ подаянія! Бываютъ и отцы, которыя посторонимъ щастіе дѣлаютъ, а дѣтей оставляютъ въ совершенномъ небреженіи! Не безъ примѣровъ и тотъ случай, что благодѣтельствуютъ чуждымъ, а своихъ вовсе забываютъ. — Мы ведемъ каждой свои расчеты и тамъ дѣлать ничего не хотимъ, гдѣ

самолюбіе наше ничего не выигрываетъ. Когда отдаемъ должное по справедливости, то чѣмъ намъ бываютъ обязаны? Напротивъ же получая милости, нами одолжаются, и слѣдственно призна̀ютъ наше превосходство надъ собою; и потому превозносятъ наше великодушіе, щедрость и т. п., за чемъ, полагаемъ мы, послѣдуетъ наша слава.

X. *Мы не любимъ одолжаться; и потому рѣдко помнимъ благодѣтелей своихъ, а еще рѣже бываемъ къ нимъ признательны.* Посмотрите на нищаго, которой сдѣлавъ себѣ состояніе отъ щедротъ своего благодѣтеля, превосходитъ его: взгляните на подчиненнаго, который получивъ первой шагъ къ почестямъ чрезъ посредство своего начальника, самъ послѣ дѣлается его начальникомъ; обратитесь на отца незчущаго произхожденія, котораго сынъ получилъ какой нибудь вѣсъ въ обществѣ — что вы усмотрите? одну нечувствительность, тайную ненависть, а нерѣдко и явное презрѣніе къ виновникамъ своего благополучія или жизни. — Причиною сего столь страннаго поступка есть худо понимаемое превосходство свое предъ благодѣтелями, и вмѣстѣ мысль, что не смотря на наше настоящее преимущество, мы все однакожъ ниже тѣхъ, кои бывъ первою причиною возвышенія нашего, имѣли тогда рѣшительное предъ нами

преимущество. — Сюда же причислить можно и тѣ поступки, когда за маловажные подарки или услуги отдариваемъ мы щедро. Въ семъ случаѣ поступаемъ мы иногда такъ нѣжно, что будто и виду неудовольствія не подаемъ, на пр. платимъ слугамъ, препоручителямъ, или даримъ родственниковъ тѣхъ, съ кѣмъ мы имѣемъ дѣло. — Пиръ за пиръ, угощеніе за угощеніе и учтивость за учтивость почитается только долгомъ, а особливо у людей свѣтскихъ, который при первомъ благопріятномъ случаѣ стараются уплатить. — Не могу я также пропустить безъ особеннаго примѣчанія еще одного случая одолженій, когда мы обязаны бываемъ принимать ихъ отъ людей, нами неуважаемыхъ. Нѣтъ тяжеле насилія, какому въ семъ случаѣ подвергается наше самолюбіе. Всѣмъ извѣстно, что сказала одна утопающая слугѣ своему, которой осмѣлился вытащить ее изъ воды. Причина сего поступка есть та, что чрезъ одолженія низшихъ насъ мы, какъ будто, двояко унижаемся.

И такъ замѣтимъ объ одолженіяхъ сіе правило для поведенія. Не любить принимать одолженій, значитъ хотя скромную, однакожъ гордость; принимать же ихъ безъ разбору — подлость. Притомъ хотя порокъ вообще, а потому и гордость не дѣлаетъ намъ чести; однакожъ подлость безчеститъ насъ совершенно. Ибо гордость возбуж-

даетъ къ намъ ненависть, а подлость — презрѣніе; но ненависть часто произходитъ и отъ зависти, и иногда больше показываетъ въ насъ достоинствъ, нежели самое искреннее изъявленіе почтенія къ намъ.

XI. *Мы больше помнимъ зло, нежели благодѣяніе.* — Находятся люди, которые даже списки составляютъ для вспоможенія памяти, кто и когда причинилъ имъ обиду, или какое оскорбленіе. Бывали также и такіе, которые ненависть свою передавали даже въ потомство, какъ война двухъ розъ. Вы содрогаетесь отъ такихъ возмутительныхъ поступковъ и ищите причины, производящей сіи ужасныя явленія. Я думаю, они основываются на слѣдующемъ нашемъ разсужденіи. — Мы ни чему столько не подвержены, какъ дѣйствію золъ. И такъ, естьли не смотря на всѣ усилія наши избѣгнуть его, какая нибудь причина разрушаетъ ихъ; то негодованіе наше увеличивается. До какой же степени должно оно возвыситься, когда мы узнаемъ, что причина сія есть намѣренная — какой нибудь недоброжелатель нашъ, которой вѣроятно не упуститъ случая и опять намъ тоже сдѣлать! — Что жъ касается до забвенія благодѣяній; то сіе произходить можетъ частію отъ бездѣйствія душевныхъ способностей, въ какое мы приходимъ во время наслажденія благополучіемъ; частію же

какъ и выше замѣчено, отъ ненависти къ благодѣтелямъ:

При семъ возмемъ на замѣчаніе слѣдующія вещи. Злопамятство есть чувство продолженнаго униженія. Его рѣдко питаютъ къ тѣмъ, кто вредить не можетъ. Страсти сей, по роду жизни, подвержены наиболѣе въ уединеніи живущіе; по лѣтамъ, люди пожилые; а по характеру, честолюбивые. Также, благодѣянія чувствуютъ тѣ только, которые ихъ достойны. Ибо въ такомъ случаѣ онѣ суть собственность, ими самими пріобрѣтенная, а собственность такую, кто не уважаетъ болѣе, нежели имѣніе наслѣдственное. Наконецъ упреки въ благодѣяніяхъ есть первое средство изъ облагодѣтельствованнаго сдѣлать себѣ открытаго врага. Ибо напоминанія сего роду даютъ намъ явно чувствовать зависимость нашу отъ благодѣтелей, покрайней мѣрѣ въ отношеніи нужды къ ихъ благодѣяніямъ; а чувство сіе, говоря о разумѣ только, не располагаетъ насъ къ любви. При чемъ не исключаю я изъ причинъ сего неудовольствія нашего и то, что упрекающіе намъ благодѣяніями, нерѣдко какъ будто явно требуютъ воздаянія, которое мы не всегда бываемъ въ состояніи учинить.

XII. *Мы больше терпимъ, когда кто участвуетъ въ похвалахъ, нежели кто приписываетъ намъ свое поношеніе.* Скажи трусъ храброй ротѣ,

что мы неустрашимо на непріятеля напали, и ему великодушно смолчатъ; но выговори онъ: мы испугались и разбѣжались, когда это сдѣлалъ онъ только одинъ; предоставляю чувствовать, чтобъ каждой отвѣчалъ такому низкому человѣку. Подобнымъ образомъ мы охотно прощаемъ нескромность, съ какою невѣжи хотятъ раздѣлять славу, на пр. мудрости своихъ соотечественниковъ; и мы строго взыскиваемъ съ наглецовъ, желающихъ въ лицѣ своемъ обезчестить цѣлое какое нибудь общество. — Весьма понятно, что въ первомъ случаѣ забавляется самолюбіе наше снизхожденіемъ, честь ему приносящимъ; а въ послѣднемъ терпитъ обиду, которой мы не заслужили.

Изъ сего случая непосредственно заключить можно, какую даютъ объ себѣ мысль тѣ, кои разсказываютъ намъ о великихъ своихъ знакомствахъ, о родинѣ знатной, и происхожденіи важномъ, и т. п. Это нищіе, которые не имѣя собственнаго содержанія, питаются подаяніемъ. Чтожъ касается до тѣхъ, которые и достойныхъ людей унижаютъ, приписывая имъ свои пороки; то ето больше ничего, какъ зависть, часто и грубая, которая преслѣдуетъ преимущество.

XIII. *Не нравится намъ самохвальство; но сколь несносно и смиреніе намѣренное.* Извѣстно намъ, отъ чего мы потупляемъ гла-

за въ землю, когда кто скажетъ: не я ли то-то и то сдѣлалъ? кто бы тутъ что нибудь придумалъ, естьли бы не я? Гдѣ я не бывалъ? чего не видалъ, и т. п.? Отъ чегожъ мы при сихъ словахъ возмущаемся? отъ чувства презрѣнія и досады, которыя самохвалы въ насъ возбуждаютъ, желая какъ будто принуждать насъ почитать въ себѣ достоинства, которыхъ они нерѣдко и вовсе не имѣютъ. — Подобно можно сказать и о смиреніи намѣренномъ. Поелику сей характеръ ведетъ себя, повидимому, гораздо ниже, нежели въ какомъ образѣ достоинствамъ позволено являться; то и заставляетъ онъ, какъ будто по неволѣ, почитать себя; и при томъ гораздо выше, нежели сколько мы достойны. Ибо и въ самомъ дѣлѣ, какой нижшій не сдѣлаетъ учтивости вышшему и безъ требованія его. Но естьли бы вышшій старался нижшаго предупредить въ ней; то какое было бы насиліе для сего послѣдняго быть во всегдашней готовности еще и вышшаго предупреждать? — Итакъ, вотъ причина, почему смиреніе бываетъ паче гордости. Гордость есть открытая наглость, которую по ея наряду всегда узнать не трудно; а смиреніе намѣренное есть тайная гордость, которая подходитъ къ намъ — возму низкое сравненіе — на кошечьихъ лапахъ.

XIV. *Мы больше любимъ разсказывать о пороках другихъ, нежели о добродѣтеляхъ.* — Худо, говоритъ Цицеронъ, какъ ни дѣлай тайно, но все будетъ худо: однакожъ, не дай Богъ дѣлать такіе дурные поступки, которые бы всякому были видны. Не дѣлаетъ намъ чести пресыщеніе яствъ; но сколь унизительнѣе невоздержная жизнь! Презрительна скупость, но сколь смѣшнѣе мотовство! Худо не знать обращенія въ своемъ домѣ; но сколь предосудительнѣе показать невѣжество въ обществѣ! — Какая жъ сему причина? Она состоитъ въ томъ, что для зависти и тщеславія пріятно видѣть униженіе другихъ, или иногда и равенство, что примѣчается въ особенности надъ людьми порочными или глупцами. Они даже торжествуютъ, видя добродѣтельнаго, впадшаго въ порокъ; или человѣка умнаго, которой сдѣлалъ глупость. Но надлежитъ замѣтить здѣсь, какъ поступаетъ въ сихъ случаяхъ хитрая зависть или злоба. Иногда она только скорбитъ или воздыхаетъ о нещастіи достойнаго человѣка, выставляя какъ можно болѣе худыя слѣдствія его поступка, при чемъ не рѣдко унижаетъ саму себя, извиняясь въ подобномъ случаѣ либо своимъ невѣжествомъ, либо худою славою, которую она по справедливости заслужила; иногда же старается она съ намѣренія худому поступку достойнаго человѣ-

ка дать видъ похвальнаго, защищая съ жаромъ невинность его намѣреній, или сродную естеству человѣческому слабость. Правда, что порокъ въ обоихъ сихъ случаяхъ не столько дѣлается ненавистенъ, но болѣе однакожъ подвергается презрѣнію. Позвольте сказать, Гг. испытатели натуры, что въ ученіи нравовъ встрѣчаются иногда столь трудныя явленія, что нерѣдко потребны необыкновенныя свѣденія дабы открыть истинную причину, ихъ производящую, и что бы слѣдственно по словамъ и дѣламъ человѣческимъ узнать безошибочно точныя ихъ намѣренія.

Подобно же изслѣдовать должно причину, по чему мы не любимъ разсказывать о достоинствахъ другихъ. — То есть, мы молчимъ объ нихъ либо изъ зависти къ чужимъ преимуществамъ; либо изъ страха — не подвергнуться униженію, когда сами того не имѣемъ, что въ другихъ похваляемъ. Справедливо совершенно, что злоязычной не будетъ хвалить скромнаго; равно какъ и лѣнивой трудолюбиваго, хотя первые и уважаютъ послѣднихъ внутренно.

Но отъ чего происходитъ, что нѣкоторые пороки возбуждаютъ въ насъ жалость къ творцамъ ихъ, на пр. мотовство; нѣкоторые — презрѣніе, невоздержная жизнь; другіе ненависть, какъ скупость; иные же страхъ, какъ убійст-

21) *Безумный — сумазбродный — безразсудный.*

Безумнымъ называется тотъ, который въ дѣйствіяхъ своихъ показываетъ какъ бы нѣкоторое отсутствіе, или бездѣйствіе разсудка; — *сумазброднымъ*, въ которомъ примѣтно нѣкоторое помѣшательство разсудка, хотя оной въ немъ и дѣйствуетъ; — *безрасуднымъ*, который или по тупости ума, или по недостатку нужнаго вниманія и по разсѣянности поступаетъ не сообразно съ здравымъ разсудкомъ. Слѣдовательно слова сіи въ разсужденіи своего содержанія очень сходны между собою, означая дѣйствіе несовмѣстное съ здравымъ разсудкомъ: но различны въ разсужденіи своего степеня и причины. — Такимъ образомъ *безумное* дѣйствіе предполагаетъ какъ бы совершенное лишеніе разсудка — *Сумазбродное* — помѣшательство разсудка въ извѣстномъ отношеніи — *безразсудное* — тупость разсудка, или недостатокъ внимательности, когда первая причина по обстоятельствамъ мѣста не имѣетъ.

22) *Безтолковый — непонятливый или безпонятный — тупый.*

Всѣ сіи слова означаютъ слабость душевныхъ или умственныхъ способностей. Но *безтолковымъ* называется тотъ, который съ трудно-

тію можетъ приобрѣтать ясное понятіе о связи между собою разныхъ частей или предметовъ, къ единому цѣлому или къ единой цѣли относящихся: — *непонятливымъ*, которой съ трудностію можетъ приобрѣтать новыя какія либо понятія или познанія; — *тупымъ*, которой въ понятіи своемъ, или вообще въ своихъ умодѣйствіяхъ медлѣнъ и какъбы неразвязенъ. — Такимъ образомъ и весьма понятные или переимчивые (относительно частности) люди, могутъ быть безтолковы, т. е. неспособны къ скорому соображенію многоразличія въ единство; и напротивъ: но и тѣ и другіе могутъ называться *тупыми*, въ разсужденіи слабости своего ума. Слѣдовательно слово *тупый* знаменованіе имѣетъ пространнѣйшее предъ словами *безтолковый* или *непонятный*.

Безтолковый употребляется только въ простомъ слогѣ: а нѣсколько въ возвышенномъ вмѣсто онаго употребляется общее названіе: *слабоумный* или *малоумный*.

23) *Бережливо — расчетливо — хозяйственно.*

Бережливо поступаетъ, кто не только старается о соблюденіи имѣнія въ надлежащей цѣлости, но и въ употребленіи его ограничивается одною только нуждою, — *расчетливо*, ко-

торой въ употребленіи своего имѣнія имѣетъ въ виду возможно большую для себя выгоду, или когда сего не можно, то возможно меньшую невыгоду: — потому не всякая бережливость можетъ еще назваться расчетливостію: — *хозяйственно* поступаетъ тотъ, кто имѣніемъ своимъ пользуется лучшимъ, приличнѣйшимъ и выгоднѣйшимъ образомъ.

Въ общемъ смыслѣ *расчетливымъ* называется тотъ, который въ поступкахъ своихъ удачно разсматриваетъ и взвѣшиваетъ всѣ обстоятельства, и не прежде что либо дѣйствительно предпринимаетъ, какъ предварительно разчисливъ обоестороннія послѣдствія отъ предпріемлемаго своего дѣйствія.

24) *Блаженство — благополучіе — щастіе — благоденствіе.*

Благосостояніе человѣка въ возможно высшемъ степени и во всѣхъ отношеніяхъ понимаемое, называется *блаженствомъ*. — *Благополучіе* по словопроизведенію означаетъ полученіе блага или добра: слѣдственно въ семъ реченіи съ понятіемъ благосостоянія сопряжено также понятіе преждебывшаго недостатка въ чемъ либо къ оному относящемся, и перемѣны прежняго состоянія на лучшее. — *Благоденствіе* есть метафорическое названіе благосостоянія, заимст-

вованное отъ понятія постоянно продолжающейся хорошей погоды, или ясныхъ дней. Почему и означаетъ оно состояніе свободное отъ печалей и огорченій, и имѣющее всѣ потребности спокойной и пріятной жизни.

Для того между блаженствомъ и благоденствіемъ разность будетъ та, что первое означаетъ благосостояніе человѣка въ высшемъ степени, и по всѣмъ отношеніямъ: а второе только благосостояніе онаго временное, и въ отношеніи только къ жизненнымъ потребностямъ и выгодамъ — *щастіемъ* называется стеченіе благопріятствующихъ обстоятельствъ, какъбы невидимо содѣйствующихъ ко внѣшнему благосостоянію другаго: а по тому не составляетъ еще ни благоденствія, ни благополучія человѣка, а только средство къ онымъ, такъ какъ многіе не умѣютъ своимъ щастіемъ пользоваться, и отъ того теряютъ. — По чему относительно силы или напряженности значенія сихъ словъ когда употребляются они одно вмѣсто другаго, или яко сословы, *блаженство* имѣетъ первое мѣсто, потомъ *благоденствіе*, далѣе *благополучіе*, а за симъ *щастіе*.

25) *Благонравіе — добронравіе.*

Подъ именемъ *благонравія* разумѣютъ поведеніе, поступки, соотвѣтствующія нравственнымъ законамъ; а подъ именемъ *добронравія* природное

расположеніе къ таковымъ поступкамъ. Благонравіе относятъ болѣе къ уму, добронравіе болѣе къ сердцу. Злонравіе противоположено большею частію добронравію. И злой или злобный человѣкъ бываетъ иногда благонравнымъ.

26) *Благообразіе — красота — лѣпота.*

Нравящаяся внѣшность вещи вообще называется ея *красотою*: и въ семъ отношеніи слово *красота* употребляется какъ о людяхъ, такъ о животныхъ, равно и объ вещахъ неодушевленныхъ. Но слово *благообразный* прилично говорить только о людяхъ: поелику не прилично бы было сказать благообразная птица, благообразная картина и пр. Въ словѣ благообразіе заключается не столько отмѣнная красота лица, сколько пріятная соразмѣрность и полнота всѣхъ частей человѣческой наружности. Благообразіе человѣческаго вида возбуждаетъ въ насъ нѣкоторое къ тому человѣку почтеніе и расположеніе. Но красота человѣка производитъ въ насъ къ нему только привязанность. —

Лѣпота есть слово Славенское и употребляется только въ слогѣ высокомъ.

27) *Благолѣпіе — убранство — великолѣпіе.*

Всѣ сіи слова въ качествѣ сослововъ означаютъ украшеніе зданій: но различаются между собою по впечатлѣніямъ, каковыя свойственное каждому ощущеніе въ душѣ производитъ. *Уб-*

ранство возбуждаетъ въ душѣ только простое ощущеніе удовольствія или пріятности, *великолѣпіе*, соединяющее понятіе высокаго съ великимъ раждаетъ чувство восторга и удивленія — *благолѣпіе* чувство благоговѣнія. — Впрочемъ слово: *убранство* иногда означаетъ не прямо красоту зданія или въ зданіи; но только средство въ семь намѣреніи употребленное, которое не рѣдко вмѣсто красоты истинное производитъ безобразіе. Такимъ образомъ надлежитъ понимать выраженія: убранство сихъ покоевъ насъ насмѣшило — намъ не понравилось — показалось намъ страннымъ и пр. Сверхъ сего словомъ *убранство* называютъ такъ же и всякой уборъ, употребляемый людьми въ платьѣ и въ домахъ своихъ для щегольства.

Александръ Лубкинъ

XII.

РАЗСУЖДЕНІЕ О САМОЛЮБІИ.

La science de l'amour propre est de toutes la plus cultivée et la moins perfectionnée. Si l'amour propre pouvoit admettre des regles de conduite, il deviendroit le germe de plusieurs vertus, et suppleéroit à celles mêmes qu'il paroît exclure.

Duclos. Considérations sur les moeurs.

Нѣтъ сомнѣнія, что всякая наука, яко средство къ пріобрѣтенію познаній, заслуживаетъ

наше уваженіе. Но въ какую степень достоинства возведемъ мы ту, которая открываетъ намъ свойства человѣка, какъ существа нравственнаго, и потому дѣйствующаго по законамъ свободы? Въ самомъ дѣлѣ, съ чѣмъ сравнить тѣ свѣденія, которыя могутъ руководствовать насъ къ открытію самыхъ тайныхъ пружинъ сердца человѣческаго, и научать способамъ приводить сію сокровенную машину въ движеніе? Вотъ причина, почему древніе основатели различныхъ училищъ самымъ главнѣйшимъ и важнѣйшимъ предмѣтомъ ученія своего поставляли ученіе нравовъ! Вотъ причина, почему Г. Монтескю сказалъ: естьли бы не существовалъ законъ христіанскій; то истребленіе секты стоической должно было бы почитать бѣдствіемъ рода человѣческаго. То есть, ученіе нравовъ и во мнѣніи новѣйшихъ столь почитается важною вещію, что есть ли бы оно утрачено было во все; то бы родъ человѣческой должно было почитать самымъ нещастнѣйшимъ произведеніемъ. Скажемъ истинну, откуда почерпаемъ мы вѣрнѣйшія понятія о составахъ обществъ большихъ и малыхъ? откуда истекаютъ первыя мысли законовъ, обязанностей, правъ и судовъ? отъ чего наконецъ самое обыкновенное обращеніе наше съ другими бываетъ больше или меньше пріятно? Причину всѣхъ сихъ вещей надлежитъ искать въ знаніи сердца человѣческаго.

Но нравоученіе всегда ли и во всякомъ видѣ можетъ приносить намъ столь важную пользу? Вопросъ, который сколько можетъ показаться страннымъ, столько напротивъ и величайшаго вниманія достойнымъ. Дѣйствительно мы думаемъ, что истинна есть всегда истинна, и худо не можетъ быть добро; однакожъ есть случаи, гдѣ искренность, на пр. бываетъ глупость, и притворство — искуство достигать похвальныхъ намѣреній. По чему, дабы нравоученіе было, такъ сказать, оракуломъ, удовлетворяющимъ на всѣ наши вопросы, потребно необходимо съ теоретическими его познаніями соединять и опытныя, которыя одни только могутъ оправдывать справедливость, или неосновательность началъ. Въ противномъ же случаѣ оно подобно будетъ той Физикѣ и Химіи, въ которыхъ при учиненіи опытовъ въ новѣйшія времена, открыты были однѣ лжи и сумазбродства — чада надмѣннаго умствованія! Ибо какъ можно однимъ гаданіемъ предусмотрѣть всѣ тѣ случаи, въ которыхъ разумъ человѣческой способенъ мыслить, а воля дѣйствовать? Степени познаній и вкуса, образъ мыслей и чувствъ, родъ жизни и состоянія — все сіе представляетъ не рѣдко такія разстоянія, которыя, кажется, на вѣкъ отдаляютъ людей другъ отъ друга.

Незабвенный между писателями нравственны-

ми Г. Дюкло, пораженъ будучи симъ размышленіемъ, кажется, первый еще показалъ намъ образецъ такого разсматриванія нравственныхъ началъ. Я жилъ, говоритъ онъ, въ свѣтѣ, и хотѣлъ быть полезенъ другимъ чрезъ предлагаемыя мною замѣчанія о томъ, что дѣйствовало на меня въ разсужденіи нравовъ моего вѣка. Писатели нравственности, продолжаетъ онъ, не могли бы сдѣлать ничего полезнѣе, какъ естьли бы они теоріи свои нравственныя повѣряли на опытѣ, оставляя замѣчанія потомству для употребленія, какъ журналы мореходцовъ.

Осмѣливаясь взойти на дорогу сего почтеннаго мужа, я хочу предложить и мои собственныя примѣчанія *надъ самолюбіемъ человѣческимъ*; то есть я намѣренъ представить вамъ нѣсколько видовъ, подъ которыми самолюбіе наше хотя не измѣняется нимало въ своихъ свойствахъ; однакожъ столько бываетъ сокровенно, что развѣ проницательное око неправильное его направленія можетъ примѣтить и истолковать. Чувствую, что я не могу, можетъ быть, удовлетворить совершенно ожиданію людей опытнѣйшихъ меня въ изслѣдованіяхъ сего рода; но для меня довольно будетъ, естьли я сколько нибудь оправдаю надежду моего предпріятія.

Великой преобразитель Философическихъ наукъ, разсматривая человѣка просто, какъ животное вообще, какъ духа, одареннаго разумомъ и волею, и наконецъ какъ существо животное, имѣющее разумъ и волю, три степени полагаетъ самолюбія нашего: одно физическое или животное, другое нравственное, и третье человѣческое. Самолюбіе физическое состоитъ въ глухомъ побужденіи къ наслажденію пріятнымъ безъ всякаго участія разума, что можно видѣть и въ прочихъ животныхъ. Сюда принадлежитъ пища, питіе, сонъ, любовь къ общежитію, и т. п. Самолюбіе нравственно — доброе есть стремленіе воли слѣдовать внушеніямъ здраваго разсудка, что свойственно только существу, разумомъ одаренному и непричастному дѣйствіямъ плоти. Наконецъ самолюбіе человѣческое назвать можно тѣмъ всегдашнимъ влеченіемъ къ щастію и преимуществамъ противъ другихъ, которое влагаетъ намъ разумъ чрезъ сравненіе состоянія нашего съ другими, какъ — то: вѣчное желаніе равняться съ прочими и стараться имѣть выгодное о себѣ у другихъ мнѣніе. Сіе послѣднее самолюбіе хотя въ основаніи не разнится отъ физическаго; однакожъ, поелику требуетъ разума и произведенія воли въ дѣйство, принадлежитъ исключительно человѣку.

Съ перваго взгляду видно, къ чему натура опредѣлила въ человѣкѣ сіи разные роды самолюбія.

Самолюбіе физическое заманивая насъ къ наслажденію пріятнаго или веселаго, и поселяя ужасъ и отвращеніе ко всему, что чувствамъ нашимъ или воображенію противно, непримѣтнымъ образомъ заставляетъ насъ сберегать свою жизнь; разпространять бытіе наше въ потомство; пещись о его сохраненіи черезъ любовь къ нему; и наконецъ жить въ обществѣ, а не въ уединеніи. Самолюбіе нравственно — доброе есть въ насъ единою причиною добродѣтельныхъ поступковъ, какіе человѣкъ способенъ учинить изъ одной только любви къ добру и отвращенія отъ зла. Наконецъ самолюбіе человѣческое имѣетъ цѣлію нашу безопасность и цѣлость свободы физической, сколько законами положительными каждому имѣть оной позволено. Откуда непосредственно произходить должно образованіе разума и вкуса, какъ единыхъ орудій, помощію коихъ способны мы бываемъ измѣрять величину своего благополучія и степень его наслажденія.

И такъ вотъ то великое намѣреніе природы, для котораго вліяла она въ сердце наше самолюбіе! То есть, она предназначивъ человѣка къ благополучію, вложила въ насъ и то недремлющее къ нему побужденіе, которое въ самолюбіи своемъ всякой ощутить можетъ. Блаженъ человѣкъ, кто столько приобрѣлъ мудрости, что бы познавъ сей тайный голосъ природы, умѣлъ на него отзыва

ться! Но люди потому что они люди, большею частію принимаютъ одни злоупотребленія за истины; и, что всего хуже, столько еще бываютъ увѣрены въ невинности началъ своего поведенія, что какъ будто они и ничего не дѣлаютъ противъ здраваго разсудка. Изъ сего—то всеобщаго замѣчанія надъ сердцемъ человѣческимъ надлежитъ производить и толковать слѣдующія дѣйствія самолюбія человѣческаго.

I. *Мы всѣ стремимся къ запрещенному, и желаемъ того, что непозволено.* Въ слѣдствіе сего—то начала стараемся тамъ говорить, гдѣ молчаніе потребно; тамъ слушать, гдѣ дѣло насъ не касается; тамъ знать, гдѣ скромность отъ насъ требуется. Равно сіе же примѣчаніе объясняетъ, почему не хранимъ мы тайны; употребляемъ насмѣшки противу тѣхъ, кому онѣ не нравятся; смѣемся, гдѣ не нужно, и при томъ не рѣдко тѣмъ болѣе, чѣмъ строже намъ запрещается. — Отъ чего жъ сіе происходитъ? причину сихъ и другихъ подобныхъ поступковъ, надлежитъ искать въ томъ, что человѣкъ, водимый натурою одною, не терпитъ никакой надъ собою власти. Ибо все то, что даетъ намъ правила поведенія, даетъ вмѣстѣ видѣть и свое преимущество надъ нами; а люди даже и просвѣщенные, ищутъ равенства. Ни слова о невѣждѣ, которой во всѣхъ случаяхъ хочетъ даже отличиться. Но

что за желаніе искать отличности? Мы можемъ дѣйствительно, не оскорбляя добродѣтели, искать только равенства; ибо равныхъ вещей быть можетъ много, превосходство же прилично одной только въ свѣтѣ. Фениксъ не есть болѣе Фениксъ, когда находятся и другія безсмертныя птицы.

Какой же находится способъ противодѣйствовать въ семъ случаѣ самолюбію нашему? два: или равнодушіе, или запрещеніе противнаго. Странность, довольно поразительная, что въ такомъ дѣятельномъ существѣ, какое есть человѣкъ, примѣчается всегда нѣкоторая лѣность душевная къ исполненію внушеній разсудка, или предписаній закона положительнаго! По сему — то между многими другими средствами отражать насмѣшки, останавливать смѣхъ, и т. п. можно употреблять съ успѣхомъ побужденіе къ продолженію ихъ, или совершенное къ нимъ невниманіе. Разумѣется, думаю, само по себѣ, что искуствомъ симъ способно пользоваться одно только благоразуміе; въ противномъ же случаѣ огня порохомъ не потушишь. Причина сихъ послѣдствій таже, какую мы представляли въ объясненіе поступковъ только теперь нами упомянутыхъ.

II. *Нѣтъ человѣка, ктобы не имѣлъ склонности къ любопытству.* Посему-то нашедъ что ни-

будь необыкновенное, мы хотимъ тотчасъ видѣть, слышать, и, естьли можно, знать все, хотя бы многое и вовсе насъ не касалось. Посмотримъ въ особенности на дѣтей, начинающихъ примѣчать различіе въ вещахъ; какъ они занимаются всѣмъ безъ разбору, что ни поражаетъ ихъ чувства. Взглянемъ на тѣхъ, кои въ первый разъ въѣжжаютъ въ столицу, входятъ въ кабинетъ рѣдкостей, или допускаются къ необыкновеннымъ зрѣлищамъ; какое примѣтимъ мы въ каждомъ вниманіе даже къ самымъ малѣйшимъ вещамъ! — Откудажъ любопытство раждается въ человѣкѣ? Замѣтимъ, что все необыкновенное производитъ въ насъ удивленіе; удивленіе же всякое дѣлаетъ уму нашему насиліе, отъ котораго мы по самолюбію своему ищемъ себя предохранить. Итакъ, желая съ одной стороны свободы, а съ другой ласкаясь и выгодами, какія отъ новыхъ познаній къ умноженію или обезпеченію своего благополучія получить можно, мы обращаемъ вниманіе на все то, что можетъ послужить ему предметомъ. — Впрочемъ сколь ни невинно бываетъ сіе побужденіе въ человѣкѣ; однакожъ незнаніе мѣры любопытства есть первая вещь, которая обнаруживаетъ глупца. Надлежитъ знать то только, что въ отношеніи къ намъ лично можетъ быть полезно или вредно.

Но остановимся нѣсколько при понятіи необы-

кновеннаго. Я вижу въ немъ часто одно только привидѣніе, которое на людей дѣйствуетъ гораздо сильнѣе нежели враждебная сила открытая. Присоедини къ тому привычку или повтореніе выгодныхъ мыслей въ пользу необыкновеннаго; и вотъ страхъ, которой столько смѣшивается несправедливо съ почтеніемъ или уваженіемъ; что мы и сами часто не понимаемъ, отъ чего къ необыкновенному не смѣемъ близко подойти. Я говорю, страхъ, ибо самолюбіе наше нигдѣ столько не бываетъ осторожно, какъ при первомъ знакомствѣ съ вещію намъ неизвѣстною; то есть, мы всегда болѣе предполагаемъ, что она можетъ намъ принесть вредъ, нежели пользу; а вреднаго кто не боится! Посему-то больше бываетъ потребно бодрости для сопротивленія силѣ воображаемой, нежели дѣйствительной.

III. *Всякъ изъ насъ доволенъ своимъ умомъ: и рѣдко, рѣдко кто не жалуется на свое щастіе*; при чемъ въ разсужденіи ума надлежитъ знать, что чѣмъ кто глупѣе, тѣмъ тотъ болѣе старается себя выказывать и присвоивать всѣ тѣ достоинства, которыхъ онъ не имѣетъ. — Посему-то прискорбно намъ слышать замѣчанія на свои погрѣшности; мы еще тяжелѣе переносимъ выговоры за нихъ; но съ какимъ чувствомъ горести принимаемъ мы названіе дура-

ка! Это титло для человѣка самолюбиваго есть грому подобный ударъ. — Изъ сего видно также, почему мы рѣдко принимаемъ наставленія другихъ; для чего пожилые люди не охотно слушаютъ молодыхъ; по какой причинѣ говорятъ кому нибудь: я не глупѣе тебя, я самъ съ тебя знаю, и т. п. — Отъ чего жъ сіе произходитъ? отъ того, по моему мнѣнію, что умъ почитаемъ мы собственностію, какъ будто нами самими приобрѣтаемою, которая посему какъ достоинство внутреннее больше дѣлаетъ намъ чести, нежели другое какое нибудь преимущество случайное. Сіе особливо примѣтить можно въ людяхъ просвѣщенныхъ, и избыточное состояніе имѣющихъ. Они даже обижаются похвалами, приписываемыми ихъ пышности или вкусу: почему ищутъ уваженія не по богатству, но по достоинствамъ ума своего.

Чтожъ касается до того, что никто недоволенъ своимъ щастіемъ; то сіе надлежитъ приписывать либо скромности, которая не хочетъ имѣть дѣла съ завистью, либо предубѣжденному о самомъ себѣ мнѣнію, что мы по достоинствамъ нашимъ стоимъ гораздо большаго.

Но отъ чего глупецъ наиболѣе старается показать свой умъ? отъ того, что онъ не имѣетъ его, а хочетъ однакожъ увѣрить другихъ въ противномъ. Умъ показываетъ тотъ, говоритъ

во? — Мотъ вредя самому себѣ, дѣлаетъ пользу другимъ, въ числѣ которыхъ могли бы ласкаться быть и мы; невоздержной, низводя себя до состоянія скотства, унижаетъ въ себѣ цѣлое человѣчество, а потому и насъ; скупой себя любитъ одного, и потому мы не можемъ надѣяться на его одолженія; убійца дѣлаетъ необыкновенное, покушаясь на самой живой предметъ привязанности нашей, какова жизнь, и притомъ не смотря на всеобщее побужденіе природы сохранять свое бытіе: почему думаемъ мы, что такой человѣкъ можетъ быть опасенъ и для нашей собственной жизни. И такъ различіе сихъ чувствъ къ порокамъ произходитъ единственно отъ степени вреда, которой одно только самолюбіе наше умѣетъ столь быстро и бѣгло вычислять.

Наконецъ заключимъ сію статью тѣмъ, что не трудно послѣ сказаннаго уразумѣть, отъ чего добра никто про насъ не молвитъ, а худо всякъ.

XV. *Тотъ меньше обезчесчивается, кому за худой поступокъ прощаютъ, нежели кого наказываютъ.* Такъ подлинно, начало сіе мы столь далеко распространяемъ, что даже не принимая и участія въ худомъ поступкѣ другихъ, радуемся, когда на пр. родственникъ нашъ, сослуживецъ, знакомой или нерѣдко и однофамилецъ только избавляется отъ заслуженнаго имъ поношенія; напротивъ же огорчаемся, когда наказаніе ихъ неизбѣжно. —

Откуда въ насъ такія превратныя заключенія? отъ самолюбія конечно, которое болѣе поражается дѣйствительностію, нежели возможностію. Но отъ чего жъ мы принимаемъ такъ близко къ сердцу чужое сіе посрамленіе? Думаемъ, можетъ быть, что его припишутъ и намъ.

Впрочемъ замѣтимъ еще, какое дѣйствіе, производитъ надъ нами порокъ ненаказанной? Онъ дѣлается часъ отъ часу ненавистнѣе; и часто тотъ болѣе заслуживаетъ еще вниманія, кто наказывается, нежели кому прощаютъ: ибо прощаютъ нерѣдко и изъ презрѣнія одного.

Но какая была бы тому причина, что чѣмъ болѣе порокъ отъ наказанія укрывается, и чѣмъ позже получаетъ онъ достойное себѣ воздаяніе, тѣмъ болѣе бываетъ даже радующихся его злополучію? Это удовольствіе послѣ многихъ торжествъ зла видѣть его однакожъ побѣжденнымъ.

XVI. *Почесть перемѣняетъ нравы.* Не удивительно, когда кто изъ ничтожества переходя къ существованію, не узнаетъ не только другихъ, но часто и самаго себя; новорожденной младенецъ также не знаетъ ни себя, ни окружающихъ его. Но странно довольно, отъ чего человѣкъ весьма иногда къ вамъ благорасположенной въ домѣ своемъ, въ другомъ какомъ мѣстѣ и вниманія на васъ не обращаетъ. Также нерѣдко случается примѣчать и такихъ, которые какъ скоро лучше

насъ одѣнутся, или вообще появятся въ публику съ лучшею, нежели мы наружностію, не только забываютъ насъ совершенно, но даже обижаются самими нашими учтивостями. До такой то степени доходитъ иногда суетность человѣческая! Самолюбію нашему представляется, что оно унизится въ нѣкоторыхъ случаяхъ, гдѣ бы мы не уважая никакихъ обстоятельствъ, должны были противъ прежнихъ знакомыхъ выдержать свой характеръ. — Сего — то разбора люди презираютъ бѣдныхъ своихъ родственниковъ только тогда, когда скудость послѣднихъ унижаетъ имя первыхъ. Они же нерѣдко возстановляютъ упадшихъ, которые совершенно по случаю, а не по родству, имѣютъ съ ними одну фамилію. Столько — то бываетъ добродѣтелей, коимъ титло сіе нимало не прилично!

XVII. *Кто не ищетъ почтенія, тотъ его находитъ; кто жъ требуетъ, тому не отдаютъ его*

Честь и слава тому, кто успѣлъ просвѣтить разумъ свой, что бы познать сію непреложную истинну. Въ самомъ дѣлѣ, сколько мы уважаемъ тѣхъ, которые ведутъ себя скромно, и нигдѣ не выказываются, кромѣ случаевъ необходимыхъ! Какъ плѣняетъ насъ простота въ человѣкѣ отличныхъ дарованій! Какъ восхитительно видѣть вельможу безъ пышной его одежды! Напротивъ съ какимъ отвращеніемъ взираемъ мы на того,

которой напоминаетъ намъ о своемъ чинѣ, мѣстѣ или произхожденiи. Также сколь несносно бываетъ для насъ слышать, когда кто въ семъ же намѣренiи даетъ намъ знать о своей роднѣ, своихъ связяхъ. Однакожъ единственные успѣхи сихъ людей суть либо презрѣнiе, либо ненависть. — Отъ чего жъ сiе произходитъ? Вотъ причина! Никто, ниже глупецъ самой, не можетъ цѣнить себя, не знавши достоинства другихъ. Почему, какъ скоро мы примѣтимъ, что другiе насъ превосходятъ, и однакожъ преимуществъ своихъ не выставляютъ, мы начинаемъ чувствовать имъ сами цѣну двойную: такъ тому даемъ за труды вдвое больше, кто проситъ меньше надлежащаго. — Подобно сему съ противной стороны, кто не имѣя достоинствъ личныхъ, однакожъ еще и требуетъ уваженiя; тому мы не оказываемъ его по двумъ же противнымъ причинамъ. — Впрочемъ надлежитъ различать почтенiе внутреннее отъ наружнаго, которое есть не иное что, какъ простая учтивость, уставленная обычаемъ, или предписанная закономъ. Умной человѣкъ сей родъ почтенiя отдаетъ всякому безъ разбору, кто занимаетъ почетное мѣсто, украшенъ выгодами чина, или произхожденiя. Ибо характеръ нашъ ни мало не унижается тѣмъ, что дѣлаетъ честь уму. Напротивъ глупецъ почтенiе за тягость, сдѣлать на пр. уваженiе породѣ, которую поддерживаетъ

иногда недостойной потомокъ. Такіе потомки суть краски, коими пишутъ образа; но кто не знаетъ, что въ образѣ покланяются не краскамъ, а чертамъ лица, ими представляемаго?

XVIII. *Нѣтъ ничего несноснѣе, какъ видѣть человѣка, возвышеннаго изъ низости.* Видалъ ли кто слугу господиномъ? раба повелителемъ? нищаго богачемъ? Закройте глаза ваши отъ тѣхъ возмутительныхъ зрѣлищъ, которыя суетныя сіи существа чувствительному сердцу представить могутъ. Не зная истинныхъ правъ своихъ, ни отношеній къ новымъ обстоятельствамъ, они обыкновенно тамъ бываютъ наглы, гдѣ бъ должно быть только вольными; жестоки и суровы, гдѣ бъ требовалась простая разсудительность; расточительны и нелѣпы, гдѣбъ нужно было показать вкусъ. Я умалчиваю уже о томъ безстыдствѣ, съ какимъ они даютъ чувствовать другимъ свое превосходство. Ибо не ужъ ли то можно назвать скромностію, когда бы кто намъ сказалъ: да знаешь ли ты, съ кѣмъ говоришь? Кто ты? И кто я? Ежеминутныя напоминанія, о титлахъ, украшающихъ ихъ особ, о лѣтахъ, временахъ и даже самыхъ мѣлочныхъ обстоятельствахъ, клонящихся яко бы къ ихъ чести — суть то несносное болтовство, которое приведетъ въ усталость и самую скромность. — Причина? Это происходитъ отъ радости наслажденія выгодами, которыхъ

они, можетъ быть, съ немалымъ усиліемъ старались достигнуть; и отъ привидѣнія, будто они не только сравнялись съ тѣми, кои ихъ не уважали, но даже и превзошли. А отъ сего что произходитъ? Ненависть къ намъ, которая усугубляется въ насъ частію отъ насилія почитать то, что мы привыкли прежде не уважать; и частію отъ досады, что нынѣ не можемъ презрѣть. — Посему то незначущіе, но возвысившіеся люди, никогда бы не могли поступать благоразумнѣе, какъ принимая видъ смиренія. Правда, что мы любимъ побольшей части во всѣхъ дѣлахъ поспѣшность; но медленность въ семъ случаѣ заставила бы и самую зависть признать въ насъ достоинство ума, коему хотя тайнымъ образомъ не льзя не отдавать почтенія; почтеніе же есть дань, которую платятъ намъ часто и по неволѣ.

XIX. *Добровольные рабы больше производятъ тирановъ, нежели тираны добровольныхъ рабовъ.* Покажи предъ непріятелемъ тру ость и слабость свою: и ты увидишъ его храбрость, которую ему дастъ одинъ только сей случай. Напротивъ какую выгоду пріобрѣтетъ онъ себѣ отъ упорнаго нашего сопротивленія? Мы умремъ лучше, а не дадимъ ему торжествовать надъ собою. Подобнымъ образомъ уступи наглецу, причиненную тебѣ обиду; и онъ не умедлитъ въ скоромъ времени опять ее повторить. — Но можно сіе примѣчаніе пред-

ставить и въ другихъ видахъ. Случилось ли кому по ошибкѣ отдать почтеніе слугѣ, какое господину прилично? принять подчиненнаго за начальника? глупца за умнаго? Что же здѣсь обыкновенно примѣчается? Конечно удовольствіе на ихъ лицахъ, выгодныя о себѣ мысли, а нерѣдко и дерзость, выдавать себя за такихъ, основываясь въ томъ на нашемъ собственномъ мнѣніи. — Нетрудно изъясниться намъ, что самолюбіе наше въ первомъ случаѣ сознавая свое униженіе, отдаетъ по неволѣ непріятелю преимущество; въ послѣднемъ же мы видя свое превосходство, сражаемся за него до послѣдней капли крови.

XX. *Мы слушаемъ снисходительно, когда кто говоритъ намъ о добротѣ души своей; напротивъ возмущаемся, когда кто хвалитъ умъ свой.* Въ самомъ дѣлѣ кому изъ насъ не пріятно слышать, когда кто скажетъ: я всѣмъ и со всякимъ готовъ подѣлиться; и мстить за обиды не мое дѣло. Напротивъ какъ досадно принимать, когда кто произнесетъ: меня никто не обманетъ; я не меньше другихъ разумѣю. — Какая жъ сему причина? Это значитъ, что когда намъ кто говоритъ о добротѣ души своей; то мы надѣемся, что мы и сами можемъ сдѣлаться когда нибудь предметомъ добраго его къ намъ расположенія; и что онъ снизойдетъ намъ въ случаѣ нашимъ несправедливостей, чего другой, умѣя лучше цѣнить вещи-

не сдѣлаетъ намъ. Почему и заключаемъ, что перваго не имѣемъ мы причины опасаться, между тѣмъ какъ послѣдній обиды своей безъ удовлетворенія не пропуститъ. — Вотъ и еще причина, почему мы болѣе любимъ людей чувствительныхъ, нежели справедливыхъ, хотя чувствительность не всегда можетъ быть произведеніемъ ума, а часто только слабостію органовъ. — Изъ сей же истинны можемъ мы извлечь и слѣдующее съ опытомъ согласное примѣчаніе: мы любимъ тѣ только добродѣтели въ ближнихъ, кои намъ лично полезны. Такъ отецъ нерѣдко лучше согласится представить наслѣдство недостойному сыну, нежели воспитаннику отличныхъ качествъ: ибо думаютъ, что не рожденъ, не сынъ, и, не вскормя въ домѣ, ворога не видать. Подобно уважаемъ мы прозьбы друзей, одноземцевъ, согражданъ — болѣе, нежели незнакомыхъ, иностранцовъ или жителей другаго города, не смотря иногда на самое видное превосходство послѣднихъ предъ первыми.

XXI. *Чему мы удивляемся, то нерѣдко ненавидимъ.* Думаетъ ли кто, что блескъ наружности нашей производитъ почтеніе къ намъ? Что таланты рѣдкіе доставляютъ намъ благосклонность? Что изобрѣтенія великія и открытія важныя приводятъ насъ въ любовь къ другимъ? Надобно не знать вовсе сердца человѣческаго, что

бъ такъ важно ошибаться. Все, чему мы удивляемся, даетъ намъ чувствовать свое превосходство предъ нами. Почему, естьли не смотря на всѣ усилія разума, превосходство сіе разрушить, мы однако жъ должны бываемъ признать свое униженіе; то легко усмотрѣть, что должно произвести сіе чувство; т. е. ненависть, которая въ семъ случаѣ столь бываетъ скрытна, что мы и сами почти не отгадываемъ, отъ чего бы мы были иногда такъ худо къ отличностямъ разположены, а особливо въ случаѣ соперничества.

Такъ что жъ мы любимъ? Эта дань принадлежитъ только тому, что можетъ непосредственно способствовать, хотя бы то и къ мнимому нашему благополучію. Что почитаемъ? одну добродѣтель.

И такъ, какъ ни безплодно кажется поле благополучія со стороны удивленія къ намъ; однакожъ есть люди, которые подъ покровомъ его гораздо болѣе впечатлѣваютъ выгодныхъ объ себѣ мыслей въ другихъ, нежели сколько могли бы они сдѣлать дорогою открытою! Въ самомъ дѣлѣ какое отличное уваженіе сыскалъ бы себѣ химикъ или физикъ, естьли бы истинны опытовъ, ими показываемыхъ, открыты были всѣмъ? И сколько бъ почестей лишился тотъ бояринъ, которой бы сблизилъ себя съ послѣднимъ мѣщаниномъ! Ахъ! Сколько есть и пороковъ, которые великодушно

принимаетъ подъ покровъ свой добродѣтель!...

XXII. *Часто мы презираемъ дѣлателя, а уважаемъ произведеніе, и напротивъ: уважая дѣлателя, презираемъ произведеніе.* Дѣйствительно, кто уважаетъ земледѣльца? Кто обращаетъ вниманіе на таланты, которые заключаются только въ самихъ себѣ? Равно, кто отличитъ сапогъ, сшитой какимъ нибудь знатнымъ человѣкомъ? И кто сдѣлаетъ предпочтеніе искуственной утке передъ натуральною? Почему жъ мы такъ поступаемъ? Потому, что мы цѣнимъ вещи либо по рѣдкости, либо по пользѣ ими приносимой, либо и по числу могущихъ въ ней участвовать. И такъ поелику земледѣльцы нерѣдки, а таланты безъ другихъ достоинствъ, не столько могутъ быть полезны, какъ на пр. умъ и сердце; также сапогъ знатнаго не можетъ равняться съ другими важными его дѣлами; и наконецъ утка Вокансонова показываетъ только возможность довесть искусство до великаго совершенства; то явствуетъ, что самолюбію нашему тамъ нѣтъ пищи, гдѣ оно не находитъ преимуществъ или выгодъ.

Подобнымъ образомъ сіе же примѣчаніе можетъ объяснить намъ: почему мы не уважая упражненій какихъ нибудь или должностей, презираемъ и тѣхъ, кои ими занимаются, хотя бы они были впрочемъ и достойнѣйшіе люди; и напротивъ: не уважая или и презирая людей какихъ нибудь,

не уважаемъ или даже и гнушаемся упражненіями ихъ, или должностями. Въ самомъ дѣлѣ кто будетъ выгодныхъ мыслей о дворянинѣ, посвятившемъ себя столярному мастерству? И кто уважитъ какое нибудь весьма иногда почтное по себѣ званіе, которое наполняютъ люди либо бѣдные, либо незнатнаго произхожденія? — Сюда же причислить должно вкусъ, нарѣчіе, одежду, нравы или вообще образъ жизни чей нибудь, который, смотря потому, отъ кого мы его заимствуемъ, приноситъ намъ честь, или подвергаетъ презрѣнію.

Наконецъ для дополненія сей статьи извлечемъ изъ оной слѣдующее правило поведенія нашего. Не все то должно дѣлать, что мы можемъ; но только, что должны или покрайней мѣрѣ, что по обстоятельствамъ нашимъ позволено. Пусть люди часто бываютъ и несправедливы; но для чего жъ подавать имъ къ тому случай? Для зависти или злобы довольно иногда и предлоговъ, что бы смотрѣть на насъ съ одной только унижающей насъ стороны.

XXIII. Заключимъ сіе наше разсужденіе еще однимъ и послѣднимъ замѣчаніемъ превратнаго употребленія нашего самолюбія. Мы любимъ все то, что сходно съ нашими мыслями, и напротивъ. Засмѣйся тамъ, гдѣ плачутъ; заплачь, гдѣ веселятся; и ты увидишь, какими непріятными встрѣ-

тятъ тебя взорами. Простодушные, неопытные и недальновидные люди! Наблюдайте сію самую слабую сторону вашего самолюбія! Страшись ее даже самая строгая добродѣтель! Хитрость — сіе все проницающее око самолюбія человѣческаго — тотчасъ воспользуется открытымъ входомъ къ неосторожному сердцу вашему. Не принимай похвалъ, которыя тебѣ лесть сплетаетъ и гнушайся титлами, вымышляемыми коварствомъ. --- Между тѣмъ въ предосторожность сему замѣтимъ слѣдующія вещи. Худо тотъ дѣлаетъ, кто чувствуя дѣйствіе яда лести, старается ее ослабить разными оговорками. Хитрой человѣкъ въ такомъ случаѣ уже увѣренъ въ своей добычѣ; ибо кто старается вырваться изъ сѣтей, тотъ конечно пойманъ. Лучшее средство не только отразить сладкорѣчіе, но еще и остановить его, не оскорбляя льстеца, есть равнодушіе. Ибо соперникъ, не могши тогда узнать состоянія души нашей, и понявши нашу осторожность, не отважится безразсудно напасть на насъ въ другой разъ. -- Еще: самой опасной врагъ для сердца нашего есть тотъ, которой либо хулитъ порокъ, добродѣтели нашей противной; либо вымышляетъ подобія, примѣры и аллегоріи, которыя бы непримѣтно на насъ дѣйствовали. --- Сюда же причислить должно сообразованіе съ нашими пороками, добродѣтелями, знаніями, упражненіями,

вкусомъ, чувствами, и, словомъ со всѣмъ тѣмъ, что въ насъ примѣчаютъ особеннаго. Опытные люди, скажите начинающимъ жить, что вы это видали, а можетъ быть и на себѣ дознали. -- Но замѣтимъ еще о льстецахъ, что всякой льстецъ есть ниже того, кому онъ льститъ, по крайней мѣрѣ въ отношеніи къ намѣренію лести; ибо вышшій нисшему не можетъ льстить. Посему--то льстецы и хитрецы при всей дѣятельности порочнаго ума ихъ, и всемъ адскомъ искуствѣ владѣть сердцами и умами другихъ, все остаются подлыми людьми. Сюда не включается однако искуство управлять людми съ намѣреніями похвальными, какія видимъ, на пр. въ Сократѣ, выведшемъ изъ заблужденія одного молодаго несмысленнаго человѣка, который не имѣя никакихъ достоинствъ, добивался въ Афинахъ почетнаго мѣста. — Наставники! Вы всѣ, которымъ дано одно только оружіе разума истреблять пороки, познайте сію тайну сердца человѣческаго; умѣйте найти сторону задѣть самолюбіе — и побѣда ваша будетъ всегда несомнѣнна. При чемъ не излишнимъ почитаю сказать, что надлежитъ же для сего и дѣло имѣть съ существами мыслящими. Лошадь не имѣетъ никакой другой стороны слабой, кромѣ боли въ боку, палкою ей наносимой.

Но почему мы любимъ тѣхъ, кои соглашаются съ нашими мыслями? Думаемъ, во первыхъ,

что отъ таковыхъ мы не можемъ ожидать себѣ вреда; во вторыхъ полагаемъ, что знающимъ наши преимущества несправедливо былобы объ нихъ молчать; сверхъ того заключаемъ, что сображаясь съ нами, конечно хотятъ намъ подражать; подражаютъ же тому, что можетъ дать образецъ; и наконецъ, слыша аллегоріи, примѣры и подобія, увѣряемся, что похваляющіе насъ будто бы изъ скромности не хотятъ прямо и обнаружить мыслей своихъ, дабы мы не сочли ихъ льстецами.

И такъ, обращаясь къ началу настоящаго нашего разсужденія, согласимся, что нравоученіе книжное безъ приложенія его къ натурѣ человѣческой въ опытѣ, далеко можетъ отклонить насъ отъ надлежащаго познанія сердца человѣческаго. — Блаженъ, кто для дѣйствій своихъ похвальныхъ не требуетъ инаго побужденія, кромѣ одного внушенія здраваго разсудка! Но есть люди, а можетъ быть и большая часть, которые для произведенія воли въ дѣйство имѣютъ еще нужду въ побужденіяхъ и собственной своей пользы. Какое жъ находится въ таковомъ случаѣ управлять людьми надежное средство? Одно конечно, самолюбіе ихъ. Надлежитъ проникнуть въ тайну онаго и знать искуство снисходить ему; ибо сердце человѣческое есть единственная вещь, изъ которой насиліемъ ничего исторгнуть не можно. Нѣсколько приведенныхъ мною замѣчаній суть конечно тѣ слабыя стороны, которыя при малѣй-

шемъ искуствѣ благоразумія могутъ обѣщать намъ въ людяхъ почти самые вѣрные успѣхи. Въ самомъ дѣлѣ велика ли въ томъ погрѣшность, что бы заставить людей то дѣлать изъ видовъ корысти, къ чему не можетъ одушевить ихъ добродѣтель! Побѣда одинакова на сраженіи принудить ли непріятеля покориться силою открытою, или восторжествовать надъ нимъ одною только военною хитростью.

Благословенъ народъ, котораго правитель позналъ наилучшимъ образомъ тайну дѣйствій человѣческихъ! Щастливо общество, котораго глава умѣетъ употреблять въ пользу и слабости своихъ подчиненныхъ! Благополучно семейство, гдѣ начальникъ помнитъ, что онъ и самъ нерѣдко имѣетъ нужду въ снисхожденіи другихъ!

Отцы! воспитатели! наставники! вмѣнимъ себѣ въ пріятную должность при всякомъ удобномъ случаѣ дѣлать безпрестанныя наблюденія надъ сердцемъ человѣческимъ; и постараемся ихъ взаимно сообщать другъ другу, нашимъ дѣтямъ, воспитанникамъ и всѣмъ тѣмъ, коимъ должно жить съ людьми. Часто мы дѣлаемъ худо, не знавши о несправедливости своего поступка сами; и нерѣдко замѣчаніе поведенія чужаго способствуетъ къ исправленію нашего собственнаго.

А вы, о Юноши! — замѣтьте присемъ, что къ чести познаній вашихъ умственныхъ необходимо нужно присоединить и другую — опытныхъ. Соблюдите во всегдашней памяти вашей сію непреложную истинну, что учиться знать человѣка надобно, разсматривая того же человѣка.

1807 *Иванъ Запольскій.*

XIII.

НИЧТОЖЕСТВО БОГАТСТВЪ.

Переводъ
ГОРАЦІЕВОЙ ОДЫ

Odi profanum vulgus, et arceo . . .

Непросвѣщенну чернь съ презрѣньемъ изгоняю.
А вы! безмолствуйте: — Парнаскихъ жрецъ богинь,
Для юношей и дѣвъ стихи я воспѣваю
Еще неслыханны донынь.

* * *

Цари — подвластнымъ страхъ; царей — Зевесъ властитель,
Титеи дерзостныхъ низвергшій въ прахъ дѣтей,
Колеблющій весь міръ и звѣздную обитель
Единымъ маніемъ бровей.

* * *

Пусть, тотъ садовъ себя пространствомъ величаетъ;
Сей, знатенъ, въ Марсовъ кругъ за почестьми течетъ;
Того, пусть слухъ добротъ повсюду прославляетъ;
Сего толпящійся причетъ;

* * *

Равняетъ всѣхъ ихъ смерть: вельможа напыщенный,

Иль нищій, — всѣмъ ея быть жертвой суждено:
И въ урнѣ роковой, всѣ имена вмѣщенны,
Судьбой мѣшаются равно.

* *
*

Злодѣй, зря мечь нагій надъ головой висящій,
Не можетъ яствъ вкушать Сицильскихъ и вина;
Ни пѣнье птицъ, ни лиръ пріятно гласъ звѣнящій
Ему не возвращаютъ сна.

* *
*

Въ убогой хижинѣ, приосѣненной миромъ,
Не презираетъ сонъ пріятна уголка;
И на брегу рѣки, колеблема зефиромъ
Покрова темнаго лѣска.

* *
*

Умѣреннаго кто довольства лишь желаетъ,
Того, ни бурное морскихъ волненье водъ,
Ни западъ лютаго Арктура не смущаетъ,
Ни звѣзднаго Козла восходъ,

* *
*

Ни градъ, цвѣтъ гроздія, иль плодъ его разящій,
Ни жатва, льстившая надеждою златой,
Ни садъ, то дождь ливный, то лютость зимъ виняцій,
То землю изсушившій зной.

* *
*

Ужъ рыбы зрятъ моря оплотами стѣсненны:
Богачь предъ богачемъ тамъ съ челядью своей
И съ зодчими въ волнахъ спѣшатъ возвысить стѣны,
Наскуча твердою землей.

* *
*

Но страхъ, но скорбь за симъ вельможей вслѣдъ стремится,

Забота тощая, съ нахмуреннымъ челомъ,
Въ трирему, мѣдью вкругъ обиту, съ нимъ садится,
И задь сѣдла его верхомъ.

* * *

Почтожъ, коль мраморы драгіе Синадійски,
Ни благовоннѣйшій Персидскій ароматъ,
Ни багряницы блескъ, ни вина Кампанійски;
Печали гнета не легчатъ

* * *

Почто желать, столпы воздвигнувъ приворотны,
Чтобъ новый вкусъ мой домъ, на зависть всѣмъ, одѣлъ,
И на сокровища промѣнивать заботны
Сабинскій малый мой удѣлъ?

Василій Капнистъ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

Безмолвствуйте: — *favete linguis*, значитъ точно: *благопріятствуйте языкомъ.* — Древніе суевѣры, думая что при жертвоприношеніяхъ услышанныя рѣчи могли имѣть дурныя, или хорошія предзнаменованія, извѣщали присутствующихъ, что бы произносили они токмо благозначительныя слова. Опасеніе проговориться заставляло народъ безмолвствовать; и такимъ образомъ слова: *благопріятствуйте языкомъ*, *favete linguis*, въ по-

слѣдствіи времени приняты были въ значеніи: *безмолвствуйте*; равно такъ какъ и слова *миръ вамъ*, принимаются не въ первоначальномъ смыслѣ.

Титеи — дѣтей — Титановъ, порожденныхъ отъ неба. — Они, подобно Гигантамъ, вели брань противу боговъ, и были побѣждены Юпитеромъ.

Марсовъ кругъ. — *Campus*, была въ Римѣ пространная площадь, гдѣ собирался народъ для избранія чиновниковъ.

Толпящійся причетъ. — Ромулъ позволилъ каждому частному человѣку избрать себѣ покровителемъ кого либо изъ Сенаторовъ. Первые назывались *кліентами*, *cliens*, а послѣдніе *патронами*, *Patronus*. — Первые обязаны были почитать патрона своего какъ отца; помогать ему во всѣхъ дѣлахъ его, выкупать изъ плѣна, учавствовать въ составленіи приданаго дочерямъ, въ платежѣ его долговъ и пени съ него присуждаемыя; Патроны долженствовали защищать Кліентовъ своихъ на судѣ и вспомоществовать имъ во всемъ, какъ роднымъ дѣтямъ. —

Въ урнѣ роковой. — Древніе присвояли судьбѣ чашу, въ которой всѣ жребіи, или участи людей, находились. —

Мечь нагій. — Горацій имѣлъ здѣсь въ виду Философа Дамокла. — Превознося богатство и великолѣпіе Діонисія, тиранна Сиракузскаго, при-

знавалъ онъ его щастливѣйшимъ изъ смертныхъ. Діонисій, устроивъ для него богатѣйшій пиръ, потчивалъ вкуснѣйшими яствами и напитками. Дамоклъ былъ въ восхищеніи; какъ вдругъ увидѣлъ надъ головою своею висящій на конскомъ волосѣ обнаженный мечь; опасность смерти воспрепятствовала ему наслаждаться пиршествомъ и признавать щастливымъ Тиранна. ---

Яствъ Сицильскихъ. --- Въ Сициліи любили хорошо поѣсть и попить: симъ они такъ отличались, что изобильный столъ, обыкновенно называли столомъ Сиракузскимъ. ---

Западъ — Арктура, — сѣвернаго созвѣздія, близь Медвѣдицы. --- Имя его происходитъ отъ Греческихъ словъ *arktos*, Медвѣдица, и *ura*, хвостъ; ибо въ небесномъ знакѣ томъ находится весьма ясная звѣзда возлѣ хвоста Медвѣдицы. -- Созвѣздіе сіе называлось также Арктофилаксомъ, *arktofilax*, *стражемъ Медвѣдя.* --- Но почему именовалось оно *волопасомъ*, *boote*, догадаться трудно; развѣ потому, что иногда созвѣздіе Медвѣдицы называли телѣгою, -- и заключили, что онъ долженъ пасть воловъ въ нее запрягаемыхъ. -- Древніе полагали восхожденіе небеснаго знака сего въ половинѣ Сентября, а захожденіе въ началѣ слѣдующаго мѣсяца. ---

Звѣзднаго козла --- созвѣздіе козлятъ находящееся по лѣвую сторону *Арктура* восходитъ въ

концѣ Сентября, и предвѣщаетъ бурную, ненастливую погоду. --

Моря оплотами стѣсненны. -- Богачи Римскіе любили строить загородные домы на взморіяхъ, поступая оными сколько возможно далѣе въ воду. --

Въ трирему; -- такъ назывались галеры, три яруса веселъ имѣющія. --

Мраморы Синадійски. Ломка мрамора сего производилась въ Фригіи, близъ города Синады; почему называли его Синадійскимъ камнемъ. Онъ былъ цвѣту бѣлаго съ красными разводами.

Персидскій ароматъ. Сей ароматъ собирали большею частію на островѣ Патанѣ, при устьѣ рѣки Инда, близъ Персіи: для сего то Горацій называетъ ароматъ сей Ахеменейскимъ, по имени Ахеменея, Персидскаго царя, котораго потомки даже до Дарія, сына Гистаспова, назывались Ахеменидами.

Вина Кампанійски. -- Фалернскія. -- Гора Фалернъ находится въ Италіи, близъ Кампанійскаго города Синопа. -- Оттуда получали самое лучшее вино.—

Сабинскій -- удѣлъ. -- Сабинцы были древнѣйшій народъ въ Италіи. -- Страна ихъ была въ сосѣдствѣ Рима между Наромъ и Аніо, примыкала къ Апеннинскимъ горамъ и къ Омбріи, съ полдня граничила съ Латіею, къ востоку съ предѣлами Эковъ, а къ западу съ Этруріею. -- Горацій имѣлъ тамъ небольшую дачу, на берегахъ Тибура.

Василій Капнистъ.

XIV.

РЫЦАРЬ ЗОЛОТОЙ БРОНИ.

БАЛЛАДА.

Мракъ туманилъ небеса,
Облака сгустились;
Вѣтеръ вылъ, клонилъ лѣса,
Сумраки спустились:
Льется дождь изъ облаковъ,
Буря поднялася,
Грозенъ шумъ морскихъ валовъ,
Вихремъ пыль взвилася.
Скрылись звѣри по норамъ,
Громъ дробится по горамъ,
Молніи вкругъ блещутъ;
Вотъ дуплистый пень горитъ,
Буря страхъ въ душахъ родитъ,
Пастыри трепещутъ. --
Освѣтилъ блескъ молній тамъ
Рядъ высокихъ башенъ;
Бастіоны по стѣнамъ;
Замокъ -- взорамъ страшенъ;
Рвы наполнены водой,
Обнесенъ цѣпями,
И орудія грядой
Видны межъ зубцами;
Бурно море впереди,
Лѣсъ дремучій позади
Замокъ ограждаютъ;
Дубы крѣпкіе вокругъ;
Волны поражая слухъ,
Въ стѣны ударяютъ. --

Мрачно въ замкѣ -- стражей нѣтъ;
Шпиль лишь позлащенной
Освѣщаетъ молній свѣтъ;
Слышенъ гулъ подземной.
Кто же въ страшныхъ сихъ мѣстахъ
Замкомь обладаетъ?
Видъ его невольный страхъ
Въ сердцѣ поселяетъ;
Слухъ идетъ --- что Рыцарь тамъ
Къ вѣчнымъ осудивъ слезамъ,
Держитъ въ заключеньѣ,
Царскую похитивъ дочь:
И сомнѣній мрачна ночь
Кроетъ приключенье. ---
Вдругъ во мракѣ тучь густыхъ
Яркой свѣтъ разлился,
И среди валовъ сѣдыхъ
Въ лодкѣ появился
Рыцарь -- въ бронѣ золотой,
По волнамъ несется,
Надъ пониклою главой
Бѣлый строусъ вьется.
Шлемъ съ насѣчкой дорогой
Спущенъ; перевязь дугой;
На груди чернѣетъ;
Мечь, съ оправленной въ сребрѣ
Рукояткой -- на бедрѣ
Рыцарь сей имѣетъ.
Волны съ шумомъ лодки вкругъ
Въ мракѣ ночи плещутъ;
То на низъ, то къ верху вдругъ
Въ морѣ ее мещутъ;
Доски слабыя трещатъ,
Вѣтры дуютъ съ свистомъ

И опасности страшатъ
На брегу кремнистомъ. ---
Что же Рыцарь? Онъ къ скаламъ
Правитъ лодку по валамъ ---
Онъ незнаетъ страху:
Вотъ ужъ близокъ темный лѣсъ,
Проплываетъ и утесъ,
Пристаетъ ко брегу. ---
Лишь присталъ — утихло вдругъ
Въ морѣ колебанье;
Изъ за облакъ лунный кругъ
Пролилъ въ лѣсъ сіянье.
Рыцарь лодку укрѣпилъ
Цѣпью межъ камнями,
Вотъ -- въ дремучій лѣсъ вступилъ,
Зазвучалъ бронями.
Зритъ онъ замокъ -- но туда
Нѣту входу, нѣтъ слѣда,
Мостъ въ верьху подъемной;
Взоры на стѣны вперилъ,
Лишь вздыхалъ -- не говорилъ,
Грустью отягченной.
Такъ проходятъ часъ и два,
Рыцарь все мечтаетъ,
Все утихло -- вѣтръ едва
Море колыхаетъ;
Вотъ денница ужъ видна,
Мракъ ночной редѣетъ,
Тускнетъ свѣтлая луна
И заря алѣетъ.
Оперщись на утлой пень,
Витязь не примѣтилъ день,
Въ мысляхъ погруженный.
Вышло солнце изъ за тучь,
И его ударилъ лучь

В башни позлащенны. --
Вдругъ въ глубокой тишинѣ
Трубный звукъ раздался,
И у мосту на стѣнѣ
Карла показался;
Грозно рыцаря спросилъ:
„ Кто ты? -- что желаешъ?
„ Здѣсь никто не заходилъ,
„ Брань -- иль миръ вѣщаешъ? "
„ Мостъ вели спустить ты мнѣ
„ И узнаешъ о винѣ
„ Моего прихода. "
Витязь Карлѣ говорилъ,
Но ему не объявилъ
Имени, ни рода. --
Рѣчь скончалъ, и . . . Карла въ мигъ
Съ бастіона скрылся,
Въ замкѣ трубный гласъ утихъ,
Рыцарь изумился.
Вотъ -- глядитъ подъемный мостъ
На цѣпяхъ спустился:
Рыцарь въ исполинской ростъ
На мосту явился.
Броня черная на немъ,
На главѣ пернатой шлемъ,
И въ стальной кольчугѣ,
На щитѣ девизъ златой:
„ Равныхъ нѣтъ въ бою со мной " --
Зрится въ черномъ кругѣ. --
Кто же грозный Рыцарь сей
Весь въ доспѣхахъ черныхъ?
Хищникъ царскихъ дочерей,
Ужасъ странъ окрестныхъ.
Онъ во рыцарскихъ играхъ

Чернымъ назывался,
И вселивъ побѣдой страхъ,
Тотчасъ удалялся.
Страсть къ турнирамъ привела
Въ область Сельмы — тамъ жила
Милая Минвана!
Сельмы красотой слыла,
И единая была
Дочь царя Морвена. —
Какъ румяная заря
Всѣхъ собой плѣняла;
Украшая Дворъ Царя,
Всѣмъ любовь вселяла.
Раздавала на играхъ
— Храбрымъ награжденье;
Въ голубыхъ ея очахъ
Лестно ободренье
Льстило витязей въ играхъ;
Радость въ ихъ родилъ сердцахъ
Взоръ Минваны милой. —
Нравиться стремились ей,
Всѣхъ сердца влеклися къ ней
Страсти нѣжной силой.
Между храбрыхъ и младыхъ
Витязей Морвена,
Отличался отъ другихъ
Обладатель Рена (*)
Стройнымъ станомъ, красотой
Разумомъ и силой; —
Рыцарь брони золотой
Слылъ, и былъ унылой.
Онъ къ Минванѣ страсть питалъ,

(*) Имя замка. —

Невозможностью считалъ
　　Обладать прекрасной;
Все вздыхалъ, любовь таилъ,
Но Минванѣ былъ ужъ милъ
　　Витязь томный, страстной.
Можно ль сердцу повелѣть
　　Страстному молчанье?
Можно ли преодолѣть
　　Прелести мечтанья?
Чувства нѣжности сокрыть
　　Не влюбленныхъ воля:
Полюбить — любимымъ быть,
　　Вотъ счастливыхъ доля.
Витязь думалъ сходно съ тѣмъ,
Къ милой страсть питалась въ немъ
　　Каждое свиданье. —
Онъ рѣшился — и излилъ
Чувства сердца — получилъ
　　Милой онъ признанье.
Вотъ и добрый царь Морвенъ
　　Знаетъ тайну милыхъ,
Знаетъ ихъ сердецъ обмѣнъ,
　　Видитъ ихъ унылыхъ.
Рыцарь знатенъ и уменъ,
　　Замкомъ онъ владѣетъ,
И природой надѣленъ,
　　И любить умѣетъ.
Сыномъ Рыцаря назвать,
Руку милой ему дать
　　Царь располагаетъ;
Лѣтъ въ преклонности ужъ онъ,
Выдавъ дочь, оставить тронъ
　　Рыцарю желаетъ. —

Царь Морвенъ, чтобъ прекратить
Витязя томленье,
Чтобъ веселость возвратить,
Объявитъ рѣшенье
Милой дочери своей
Вдаль не отлагаетъ:
Витязя къ себѣ онъ съ ней
Тотчасъ призываетъ.
„Дѣти! Васъ соединить,
„Вашу вѣрность наградить
Вашъ отецъ желаетъ.
„Пусть союзъ вашихъ сердецъ
„Вѣчный Гимена вѣнецъ
Вскорѣ увѣнчаетъ. --
Какъ восторгъ младой четы
Выразить -- не знаю? --
Ихъ исполнились мечты:
Здѣсь перо бросаю.
Въ славной Сельмѣ на крылахъ
Радость разнеслася.
Радость царствуетъ въ пирахъ.
Щастья занялася
Для любовниковъ заря.
Повелѣніемъ Царя
Всѣхъ для утѣшенья
Раздаются звуки лиръ,
Возвѣщается турниръ
Ко дню обрученья. —
День торжественный приспѣлъ,
Витязи явились;
Каждый грустный видъ имѣлъ,
Всѣ надеждъ лишились
Милой дѣвицей владѣть. --
Рыцарь брони черной

Страстью не престалъ горѣть;
Въ ярости безмѣрной,
Что Минваной презрѣнъ сталъ,
Клятву страшную онъ далъ
Мстить четѣ прекрасной;
Въ каруселѣ былъ смущенъ.
Вотъ турниръ ужъ прекращенъ,
Пролетѣлъ день ясной. --
Тутъ всѣ Рыцари толпой
Во дворецъ Морвена,
Прекративъ поспѣшно бой,
И съ владѣльцомъ Рена
Собрались — и кубки вкругъ
Витязей носили;
Каждый былъ тутъ братъ и другъ.
За здоровье пили
Обрученныхъ молодыхъ,
И желали въ жизни ихъ
Радостей, блаженства;
Царь гостей друзьями звалъ,
Геній во дворцѣ леталъ
Свободы, равенства.
Долго звукъ литавръ гремѣлъ,
Гости веселились,
Весь дворецъ въ огняхъ горѣлъ,
Чаши подносились.—
Богъ веселья надъ главой
Витязей носился; —
Вотъ спустился мракъ ночной,
Съ ними Царь простился.
Движимъ гнѣвомъ и тоской,
Черный ждалъ чтобы покой
Всюду водворился;
Царскихъ стражей подкупилъ,

Вь Сельму тихо онъ вступилъ,
И .... съ Минваной скрылся.
День насталъ — Минваны нѣтъ,
Въ Сельмѣ слухъ промчался : . .
А виновникъ лютыхъ бѣдъ
Далеко умчался;
Милую добычу онъ
Въ замокъ свой приводитъ:
Ахъ! прекрасной плачь и стонъ
Горю не поможетъ. —
Витязь брони золотой
Потерявъ предмѣтъ драгой,
Вь горести стенаетъ;
На коня онъ тотчасъ сѣлъ,
За злодѣемъ вслѣдъ летѣлъ;
Но куда? -- не знаетъ.
Мчится витязь по лугамъ,
Мчится въ путь незримой;
Преплываетъ по рѣкамъ
Конь неутомимой.
Къ лѣсуль ѣхать, иль къ горамъ? —
Вотъ шумяще море
Представляется глазамъ;
Витязь въ большемъ горѣ:
Какь пуститься вь океанъ?
Конь остановился рьянъ,
Время улетаетъ.
Рыцарь рвется отъ тоски,
Нѣтъ на берегу доски,
Рокъ свой проклинаетъ. —
Солнце скрылось вь шумной Понтъ,
Позлативши воды:
Вотъ — темнѣетъ горизонтъ.

Тишину природы
Рушатъ тихой шумъ валовъ,
Рыцаря стенанье: —
Жизнь окончить онъ готовъ...
Видитъ вдругъ мерцанье.
Онъ спѣшитъ итти къ скаламъ;
Зритъ съ весломъ онъ лодку тамъ,
Огонекъ въ ней тлится.
Страсть превыше страха въ немъ;
Витязь рубитъ цѣпь мечемъ,
Въ лодочку садится.
Какъ же спасся нашъ герой
Мы уже читали,
И куда ночной порой
Приплылъ онъ — узнали.
Вотъ предъ замкомъ онъ стоитъ
Хищника, злодѣя;
На мосту врага онъ зритъ,
Гнѣвомъ пламенѣя.
„Долженъ въ бой со мной вступить,
„Хочешъ коль освободить
„Милую изъ плѣна.“
Черной лишь окончилъ рѣчь,
Грозно извлекаетъ мечь
Обладатель Рена.
Къ исполину съ быстротой
На мостъ устремился;
Съ нимъ вступилъ въ кровавой бой,
Побѣдить рѣшился.
Исполина булавы
Витязь избѣгаетъ;
Самъ разитъ — и .... шлемъ съ главы
Чернаго спадаетъ;
Тщетно кроется щитомъ,

Пѣну изрыгаетъ ртомъ;
Въ грудь копьемъ пронзенный
Онъ касается земли....
Мечь вонзивъ, гласитъ: умри!
Витязь утомленный.
Побѣдитель же герой
Въ замокъ поспѣшаетъ,
И къ Минванѣ дорогой
Въ радости вбѣгаетъ.
Тщетнобъ расказать желалъ
Нѣжное свиданье:
Витязь къ сердцу прижималъ
Битвы воздаянье.
„Другъ мой нѣжный! ты со мной,
„Поспѣшимъ къ странѣ родной,
Говоритъ герою: —
„Милой! — сколько лито слезъ,
„Все забыто — Богъ принесъ,
„Ты опять со мною.

Вотъ балладѣ и конецъ;
Ей знаменованье:
Добродѣтели — вѣнецъ;
Злобѣ — наказанье. —

Перьмъ. 1812. *Алексѣй Протекинскій.*

XV.

СТИХИ

НА ИЗОБРАЖЕНІЕ САФЫ

На антикѣ въ перстнѣ найденномъ въ Геркуланѣ, на которомъ художникъ вырѣзалъ внизу Лиру и пчелку, въ уподобленіе сладости пѣнія Сафы на лирѣ съ сладостью меда, собираемаго пчелою.

Съ розы собранный, съ тимьяна,
Сладокъ, пчелка! намъ твой медъ:

Сафо, миртой увѣнчанна,
Слаще о любви поетъ.
Мило намъ твое жужжанье,
Какъ съ весной летишъ ты въ лугъ;
Лирныхъ струнъ ея бряцанье
Нѣжитъ болѣе нашъ слухъ.

Граціи ужалитъ руку
Въ гнѣвѣ свойственно тебѣ:
Сафо стрѣлъ любовныхъ муку
Ощущала лишь въ себѣ.

Часто, лакомствомъ манима,
Въ сладкихъ тонешъ ты сотахъ.
Сафо, ревностью гонима,
Въ ярыхъ погреблась волнахъ.

Василій Капнистъ.

XVI.

ПРЕВРАЩЕНІЕ ДАФНЫ ВЪ ЛАВРЪ.

(Овидіев. превр. книг. I, басня IX.)

Дафна, дочь рѣки Пенея, отвергнувъ любовь Аполлонову, превращается въ лавровое дерево, откуда вѣтви его стали символомъ дарованій, достоинствъ и чести.

Фебъ къ Дафнѣ воспылалъ любови первой страстью;
Не случай, Купидонъ ему мстилъ сей напастью,

Недавня подвига надмивши славой духъ,
И зря, какъ сей божекъ натягивалъ свой лукъ,
Съ презрѣніемъ къ нему сіе простеръ Фебъ слово:
„ На что тебѣ, дитя! оружіе сурово?
„ Лишь наши несть его достойны рамена,
„ Лишь нашихъ рана стрѣлъ звѣрямъ, врагамъ вѣрна,
„ Лишь только мы могли сразить тьмой стрѣлъ Пифона,
„ Ядочреватаго огромнаго дракона.
„ Вжигай безвѣстну мнѣ любовь свѣщей твоей,
„ Но славѣ мужества не соревнуй моей. „
Венеринъ сынъ прервалъ: „ Пускай твой лукъ всѣхъ губитъ,
„ Но я пронжу тебя: моюже власть сугубитъ
„ Безсмертныхъ силъ твоихъ надъ тварьми торжество.
Умолкло, и вспорхнувъ крылато божество
Мгновенно высоты Парнасса достигаетъ,
И тамо двѣ стрѣлы изъ тула извлекаетъ;
Различныхъ стрѣлы дѣйствъ: одна родитъ любовь,
Другая леденитъ противу страсти кровь;
Та жаломъ золотымъ пріятно въ сердце входитъ,
Тупой сея свинецъ лишь скуку производитъ.
Сію стрѣлу пустилъ въ грудь Дафнину божокъ,
Другою Фебову всю внутренность зажегъ.
И Фебъ влюбляется въ прекрасну дщерь Пенея;
А та и имени любовника блѣднѣя,
Какъ Феба, чистоту храня безбрачныхъ дней,

Блуждаетъ по лѣсамъ и ранитъ тамъ звѣрей;
Небрежные власы лишь лентой украшались.
Дотолѣ многіе искать въ ней покушались;
Но отвращаясь всѣхъ, безстрастіе въ крови
Питала нимфа та и къ браку и къ любви.
Сколь часто говорилъ отецъ ей упрекая:
„Ты зятемъ, внуками должна мнѣ, дочь драгая!„
Но брачныхъ не терпя, какъ преступленья, свѣчь,
Съ румянымъ ту стыдомъ внимала Дафна рѣчь,
И выю рождшаго держа въ обьятьѣ нѣжномъ,
Вѣщала: „Дай пребыть мнѣ, отче, въ безмятежномъ
„Безпечномъ дѣвствѣ вѣкъ; то Фебѣ далъ Зевесъ.„
Отецъ склоняется; но блескъ твоихъ очесъ,
О нимфа милая! обѣтъ твой отвергаетъ,
И красота тебѣ за выборъ упрекаетъ.

Зря Дафну, хощетъ Фебъ и чаетъ обладать:
Надеждой свойственно любви себя питать!
Но собственно ему предчувство измѣняетъ.
Какъ стебли класные огнь жертвенъ вспламеняетъ,
Иль какъ отъ путничихъ свѣщей горятъ плетни,
Безпечно вержемыхъ передъ разсвѣтомъ дни:
Такъ Фебомъ пламенна любовь овладѣваетъ,
Но тщетно въ страсти онъ отрады уповаетъ.
Небрежно по плечамъ лежащи зритъ власы:
„Уборъ бы придалъ (мнитъ) имъ большія красы!„
Зритъ блескомъ пагубнымъ сіяющіе очи,
Подобны двумъ звѣздамъ сверкающимъ средь ночи;
Онъ зритъ ... довольно ль зрѣть прелестныя уста?

Взоръ упивается и въ мышцахъ и въ перстахъ;
И въ нѣжныхъ раменахъ одежды обнаженныхъ;
Прелестнѣйшими мнитъ заразы сокровенны:
Но Дафна отъ него какъ легкій вѣтръ бѣжитъ,
Напрасно Фебъ ее мнитъ лаской ублажить:
„Остановись, постой, прекрасна дщерь Пенея!
„Не отъ врага тебѣ бѣжишь, не отъ злодѣя:
„Отъ волкаль агница, иль лань бѣжитъ отъ льва,
„Иль трепетна летитъ голубка отъ орла,
„Все отъ своихъ враговъ: тебя любовь лишь гонитъ,
„Увы! поберегись: твой быстрый бѣгъ уронитъ
„И иглы тернія изранятъ здѣсь тебя;
„Я боли твоея виной почту себя.
„Умѣрь, умѣрь твой бѣгъ: мѣста неровны всюду,
„Самъ медленнѣй тебя преслѣдовать я буду.
„Познай между тѣмъ, чей плѣненъ тобою духъ;
„Не житель здѣшнихъ горъ, не грубый я пастухъ:
„Кого ты мнишь бѣжать въ упорномъ заблужденьѣ?
„Мнѣ Дельфы, Клардъ, Тенедъ, творятъ богослу-
женье,
„И Патарейскій градъ; Юпитеръ мнѣ отецъ;
„Мной явенъ ходъ всѣхъ дѣлъ, и будущихъ конецъ,
„И бывшихъ искони, и сущихъ нынѣ въ мірѣ;
„Я сладкій гласъ стиховъ творю созвучнымъ лирѣ;
„Мѣтка стрѣла моя: но нѣкая стрѣла
„Вѣрнѣе и моей, что рану мнѣ дала.
„Мной тайна врачевства въ даръ смертнымъ откро-
венна,

,, За что цѣлителемъ зоветъ меня вселенна;
,, Я правлю силами кореній, зелій, травъ:
,, Увы мнѣ, нѣтъ лѣкарствъ противъ любовныхъ язвъ!
,, О даръ, для самаго владыки безполезной!,,
Еще бы Фебъ въ пути вѣщалъ къ своей любезной;
Но въ бѣгъ она вдалась скорѣйшій отъ него,
Съ нимъ рѣчь оставила неконч анну его.
Умножилъ бѣгъ красы; власами вѣтръ играетъ,
Вертитъ одеждою и члены обнажаетъ.
Умолкнулъ юный богъ терпѣнія лишенъ,
Преслѣдуетъ ее любовію внушенъ.
Какъ зайца усмотрѣвъ песъ Гальскій полемъ рыщетъ
Добычи бѣгомъ сей, спасенія тотъ ищетъ;
Сей ближе, ближе все -- бѣснуетъ люта страсть:
Какъ будто ужъ схватилъ, уже разинулъ пасть!
Тому мечтается, что онъ ужъ тронулъ зубомъ,
Отъ устъ, отъ устъ спѣшитъ въ усиліи сугубомъ;
Такъ Фебъ надеждой быстръ, такъ Дафну гонитъ страхъ.
Но ускоряющій любови на крылахъ,
Напрягъ всѣ силы Фебъ, едва не достигаетъ,
Уже дыханіемъ ея власы вздуваетъ.
Безъ силъ и блѣдная достигнула едва
Пенейскихъ Дафна водъ, рекла сіи слова:
,, Родитель! помоги, коль водны боги властны;
,, Земля! пожри красы толико мнѣ нещастны,
,, Иль дай, лишивши ихъ, мнѣ видъ другой имѣть!
Рекла, — и начали въ ней члены всѣ нѣмѣть;
И се! корою вдругъ древесною одѣлись;

Прекрасные власы въ листахъ зазеленѣлись;
Чета младыхъ вѣтвей произрасла изъ рукъ,
И ноги быстрыя пустили корень вдругъ;
Прелестное чело вершиной древа стало,
Но прежнія красы въ семъ видѣ удержало.
И древо любитъ Фебъ: схвативъ лишь пень вотще,
Онъ трепетъ подъ корой почувствовалъ еще;
Объемлетъ вѣтвія, и страстно ихъ лобзаетъ;
Но древо поцѣлуй, колеблясь, отвергаетъ.
„Коль не супругой, рекъ, хоть древомъ будь моимъ:
„О лавръ! глава моя симъ листіемъ твоимъ,
„И лира и калчанъ вѣкъ будутъ увязенны.
„Впредь будешь ты вѣнчать смирителей вселенны,
„Ведущихъ въ Капитоль съ тріумфомъ плѣнныхъ сонмъ,
„Ты будешъ входъ стрещи въ священнѣйшій всѣхъ домъ —
„Въ чертоги Цесарей, тамъ съ дубомъ сорастаясь.
„Ты будешь вѣчно юнъ, въ листахъ возобновляясь:
„Символомъ ихъ творю власовъ главы моей!„
Умолкнулъ Аполлонъ, и маньемъ лавръ вѣтвей
Во знакъ согласія склонилъ предъ нимъ вершину.

Николай Ибрагимовъ.

XVII.

ХЛОЯ и ФИЛЛИДА.

ИДИЛЛІЯ.

Филлида.

Я все съ корзинкой вижу Хлою?
Куда бъ ты ни пошла, она всегда съ тобою.

Хлоя.

Ты правду говоришь, она всегда со мною;
За тѣмъ что .... что она всего дороже мнѣ;
И цѣлаго, Филлида, стада
Мнѣ за нее не нада:
Богата, ежели корзинка на рукѣ!

Филлида.

Но отъ чего жъ, я бъ знать хотѣла
Тебѣ корзинка такъ мила?
А! знаю .... точно такъ! Вотъ ты и покраснѣла!

Хлоя.

Кто покраснѣла? я? ты право солгала:
Сей часъ хоть къ ручейку: какъ лилія бѣла.

Филлида.

Нѣтъ! словно маковъ цвѣтъ лице твое алѣетъ.

Хлоя.

Филлида! перестань! .... Но, Хлоя не умѣетъ
Обманывать друзей: я все скажу тебѣ:
Корзинку подарилъ Аминтъ прекрасный мнѣ;
Онъ самъ и плелъ ее. И какъ же вѣдь красиво:
Зеленые листы
И красные цвѣты
Въ корзинку вплетены, мѣшаясь нерадиво.
Аминтъ знать плелъ ее на диво!
Ахъ, какъ она мила!
Куда бъ я ни пошла,
Корзинка все со мною;

Тѣ розы кажутся душистѣй мнѣ, алѣй,
Которыя ношу въ корзинкѣ я своей;
Тѣ ягоды вкуснѣй,
За коими схожу съ корзинкой дорогою.
Ахъ! что еще сказать? я.... милинькой дружокъ,
Я... часто я ее цѣлую!
Аминтъ вѣдь добренькой, прекрасной пастушокъ!

Филлида.

Я бъ отдала ему любую
Изъ всѣхъ пастушекъ здѣсь....

Хлоя.

любую?

Филлида.

Точно такъ,
Прекрасной пастушокъ! его полюбитъ всякъ.
Послушай, другъ мой, Хлоя,
Я видѣла какъ онъ твою корзинку плелъ.
Ахъ, если бъ знала ты, что онъ къ корзинкѣ пѣлъ!
Тогда бъ она тебѣ была милѣе вдвое.
Однако жъ, мой Милонъ
Ни чемъ его не хуже:
Когда бъ ты слышала, какъ попѣваетъ онъ!
Но лучше спѣть тебѣ; какую жъ бы?... хоть туже,
Которую вчера онъ мнѣ на паствѣ пѣлъ....

Хлоя.

Но что же пѣлъ Аминтъ, когда корзинку плелъ?

Филлида.

Вотъ прежде пропою я пѣсенку Милона....

Хлоя.

Да не длинна ль она?

Филлида.

Послушай, онъ поетъ:

„Пріятно мнѣ смотрѣть, какъ съ ясна небосклона
„Вечерняя заря свой розовый льетъ свѣтъ,
„И онымъ на холмѣ Милона освѣщаетъ;
„Но ахъ, пріятнѣе, когда Миловъ взоръ
„Улыбку милую Филлидину встрѣчаетъ.
„Не столько весело жнецъ поле оставляетъ,
„Связавъ послѣдній снопъ, какъ я по скату горъ
„Иду домой съ стадами,
„Твой сладкій поцѣлуй, Филлида, получивъ!„

Хлоя.

Прекрасно! что жъ Аминтъ? какими онъ словами?

Филлида.

Ахъ, право мнѣ смѣшно. Подъ тѣнью старыхъ ивъ
Сидѣлъ онъ у пруда и прутики съ цвѣтами
Сплетая, (близь него тогда стояла я)
Такъ нѣжнымъ голосомъ....

Хлоя.

Но что жъ ты замолчала?

Филлида.

Такъ нѣжнымъ голосомъ (изрядно я солгала!)
Къ корзинкѣ припѣвалъ: корзиночка моя!
„Ахъ! знаешъ ли кому я подарю тебя?
„Я подарю тебя прекрасной, доброй Хлоѣ;

„Пастушкѣ съ милою улыбкой и душой.
„Вчера, гоня овечекъ въ поле,
„Сказала мнѣ съ любезной простотой:
„(Почто не слышится теперь сей голосъ болѣ!)
--Здорово пастушокъ!
И такъ пріятно улыбнулась,
„Что сердце у меня невольно встрепенулось,
„Разлился жаръ въ крови и выпалъ посошокъ.—
„Пруточки пестрые! прошу васъ, не упрямтесь!
„Послушны будьте мнѣ, плетитесь, не ломайтесь!
„Утѣшьте вашею покорностью меня!
Вѣдь Хлоѣ васъ готовлю я!
„О если бы она подарокъ мой пріяла;
И чаще на руку вздѣвала.“ —
Такъ пѣлъ Аминтъ; и вотъ
Корзинка ужъ готова,
Вспрыгнувъ отъ радости и не сказавъ ни сл.ва;
Онъ полетѣлъ къ тебѣ, въ твой Хлоя огородъ.

Хлоя.

Ахъ! полно правда ли?

Филлида.

Филлида не солжетъ.

Хлоя.

Такъ побѣгу жъ....

Филлида.

Куда?

Хлоя.

Туда вонъ, гдѣ дуброва

И гдѣ Аминтъ всегда пасетъ овецъ своихъ.
Пройду мимо его и молвлю, гладя ихъ:
„ Взгляни сюда, взгляни: корзиночка со мною:
„ Аминтъ плелъ для меня ее своей рукою,
„ Такъ какъ же не носить всегда ея съ собою.„

Владимiръ Панаевъ.

XVIII.

ДАФНИСЪ и МИЛОНЪ.

ИДИЛЛIЯ.

Милонъ.

О Дафнисъ! отъ чего печаленъ ты, унылъ?
Почто задумчивъ такъ, съ поникшей головою?
Ты сталъ со всемъ не тотъ: ты прежде не грустилъ,
Не плакалъ, и со мною
Лишь радости однѣ дѣлилъ.
Бывало, помнишъ ли, какъ лѣтнею порою,
(Ахъ! я то не забылъ)
Пригнавъ стада домой съ вечернею зарею,
Подъ кровомъ сумрака мы всѣ спѣшимъ на лугъ;
Тамъ пестрою толпой, въ веселыхъ хороводахъ
Подъ громкую свирелъ, при шумныхъ сельскихъ хорахъ
Мы пляшемъ, отъ трудовъ найдя себѣ досугъ?
О Дафнисъ! ты всегда былъ нашихъ игръ душею,
Всегда къ намъ приносилъ веселiе съ собою; —
Бывало, безъ тебя пастушки не поютъ;
А нынѣ? . . .

Дафнисъ.

Прежнія минуты не придутъ.
Прошедшее прошло, его ужъ не воротишь:
Такъ что жъ о немъ и говорить?

Милонъ.

А нынѣ, ты ни въ чемъ отрады не находишь,
Ничто тебя, ничто не можетъ веселить!
Ты все почти одинъ; не хочешь и со мною
Своей печали раздѣлить.
Ахъ, Дафнисъ, Богъ съ тобою!
Но я, я буду все тебя любить!
И можноль иначе? какъ чувствамъ измѣнить?
Какъ не любить того, кто мнѣ всегда былъ милъ,
Чьей дружбой съ дѣтскихъ лѣтъ Милонъ такъ утѣшался,
Съ кѣмъ дружбой, жизнію Милонъ такъ наслаждался,
Съ кѣмъ въ бѣдномъ шалашѣ онъ видѣлъ цѣлый міръ?

Дафнисъ.

Я вѣрю. Такъ Милонъ, покинутый судьбою,
Отъ самыхъ юныхъ лѣтъ я вмѣстѣ жилъ съ тобою.
Ты также былъ убогъ и сиръ —
А бѣдность дѣлаетъ друзьями...
Но, гдѣ вы, гдѣ вы дни безпечности златой?
Куда сокрылся ты, души моей покой?..
Тогда, я незнакомъ еще былъ со слезами,
И въ дружбѣ лишь одной все щастье полагалъ;
Тогда, вѣдь ты меня ничемъ не упрекалъ.

Милонъ.

Я и теперь, мой другъ, тебя не упрекаю,

Я и теперь тебя по прежнему люблю;
Лишь горести твоей причину знать желаю;
Не знавъ ее, я самъ не менѣе терплю.

Дафнисъ.

Я оскорбилъ тебя; прости, клянусь невольно.
Вотъ помутила какъ печаль разсудокъ мой!
Но я таивъ ее, щадилъ себя довольно:
Откроемъ, обновимъ, какъ сердцу то ни больно.
Послушай: помнишь ли какъ прошлою весной
Я былъ мой другъ съ тобой
На праздникѣ Богини Флоры
Въ сосѣдственномъ селѣ? ахъ! тутъ-то въ первый разъ
Я Хлою увидалъ! щастливы день и часъ!
Какая красота! румяный блескъ Авроры
Ничто предъ розами ее прелестныхъ щекъ,
Лазурь небесная -- предъ свѣтлыми очами,
Колосья -- предъ ее кудрями!
Я увидалъ ее и -- другъ мой! мощный рокъ
Велѣлъ, чтобъ Хлоинъ образъ милый
Былъ милымъ Дафнису до самыя могилы!
Чтобъ Дафнисъ ей и жизнь и сердце посвятилъ!
Рокъ мощный повелѣлъ, и я повиновался,
И Дафнисъ Хлою полюбилъ!
О! какъ же пламенно! Но кто не наслаждался
Любовью, не любилъ, тотъ не повѣритъ мнѣ.
И въ сладкомъ, тихомъ снѣ,
И въ шумѣ ручейка, и въ шопотѣ зефира
И въ лонѣ чистыхъ водъ, и въ пѣсняхъ соловья
Всегда казалось мнѣ, что вижу, слышу я

Лишь Хлою милую; но пусть тебѣ Темира
Разскажетъ, какъ ее я друга обожалъ.
Милонъ! я щастливъ былъ! она меня любила!
И радость, и печаль, все съ Дафнисомъ дѣлила!
Когда я былъ унылъ и слезы проливалъ,
Она ихъ отирала,
И вмѣстѣ съ Дафнисомъ вздыхала.
Въ минуты же когда и сердцемъ и душой
Твой Дафнисъ былъ спокоенъ,
Самимъ собой
И всѣмъ доволенъ,
Она была мила и весела, какъ день;
Улыбка на устахъ, въ очахъ ея сіяла.
Чего прелестная тогда не вымышляла?
То уклонившися подъ тѣнь,
Кудрями Дафниса играла,
Иль розовымъ вѣнкомъ любезнаго вѣнчала.
Или сь младенческой шутила простотой.
То взявшись за руку со мной,
За пестрой бабочкой, за птичкой, иль овечькой
Летѣла какъ зефиръ крылатый по полямъ,
По рощамъ, по горамъ.
На берегу зеленомъ рѣчки
Мы послѣ нашихъ игръ садились отдыхать.
Тутъ прохлаждалъ ее я свѣжею водою;
Сюда жъ уединяясь вечернею порою,
Въ часы безмолвія, любили мы мечтать
О нашемъ будущемъ блаженствѣ.

Свѣтъ блѣдныя луны играющій въ волнахъ,
Свирели отзывы въ излучистыхъ брегахъ,
Присутствіе любви къ такому совершенству
Чувствъ нѣжныхъ, чувствъ святыхъ располагали насъ,
Что я, повѣрь, не разъ
Моею страстью упоенный,
Воображалъ себя на небо восхищеннымъ! --
Вотъ образъ дней моихъ! я слишкомъ щастливъ былъ!
Такъ щастливъ, что тогда уже и позабылъ,
Что щастіе невѣчно;
Что время радостей сердечныхъ быстротечно!
Явился Палемонъ —
И клятвы Хлоины, какъ вѣтеръ улетѣли!
И вздохамъ Дафниса внимать не захотѣли!
И Дафниса слезамъ смѣялись! о Милонъ!
Какъ послѣ этаго скажи мнѣ веселиться?...

Милонъ.

Такъ щастіе, мой другъ, всегда не долго длится;
Появится, блеснетъ- и какъ мечта пройдетъ;
А горе! ахъ! оно чуть-чуть отъ насъ бредетъ!
Но отъ чего скажи такъ Хлоя премѣнилась;
За что на Дафниса пастушка разсердилась!

Дафнисъ.

Не знаю: можетъ быть сей гнѣвъ я заслужилъ
Лишь тѣмъ, что такъ ее любилъ.

Милонъ.

Утѣшся. Не одинъ ты въ мірѣ семъ страдаешъ:

Я самъ мой другъ терплю?
Уже ль, уже ль не знаешъ,
Что и Милонъ нашелъ подъ розами змѣю,
Что и Милону измѣнили,
Тогда какъ кажется любили?
Таковъ насъ всѣхъ удѣлъ!
Ахъ! рѣдкой пастушокъ дней горькихъ не имѣлъ,
Дней горькихъ отъ любви. Повѣрь мнѣ всѣ пастушки
Хотятъ насъ бѣдняковъ лишь только уловить,
А истинно любить
Онѣ не рождены; для нихъ любовь — игрушки!
Повѣрь мнѣ, милый другъ, и Хлою позабудь;
Оставь невѣрную и въ тишинѣ сердечной
Цвѣтами дружества украсивъ жизни путь,
Иди имъ, и свершишъ щастливо.

ДАФНИСЪ.

„Такъ, конечно . . . . "

Тутъ онъ на дружнюю въ слезахъ склонился грудь,
Спокойствіе въ душѣ нещастнаго блеснуло,
И сердце бѣдное, казалось, отдохнуло.

Владимiръ Панаевъ.

XIX.

МЕНАЛКЪ и ТИРСИСЪ.

ИДИЛЛІЯ.

Въ осеннюю ночь, Меналкъ,— лѣтами удрученный,
Какъ вѣтви тополя зимой
Бываютъ снѣгомъ опушенны,

Такъ сѣдинами убѣленный, —
Опершись на плечо Тирсиса, нѣжна сына
(Его лишь даровалъ Меналку Зевсъ едина),
Побрелъ на близь лежащій холмъ,
Да насладится тамъ ночною красотою.

Сводъ неба освѣщенъ былъ полною луною.
Какъ бы склонясь съ высотъ серебрянымъ челомъ,
Она и лѣсъ, и долъ, и горы осребряла;
А свѣтлая рѣка ея и тверди видъ
Въ своихъ струяхъ изображала.
Повсюду тишина: зеленый боръ молчитъ,
Лѣсъ дремлетъ; мертвымъ сномъ одѣяна равнина;
Покоится во мглѣ долина.
Все спитъ:
Лишь изрѣдка въ селѣ ночной пѣтухъ кричитъ.

Безмолвствуя, Меналкъ взиралъ на сводъ небесный;
Взоръ старца пробѣгалъ, теряясь, по звѣздамъ,
Душа его неслась къ богамъ.
Тирсисъ же, юноша прелестный,
Смотрѣлъ съ холма въ рѣку (вблизи она текла),
Смотрѣлъ и любовался,
Какъ ясный мѣсяцъ отражался
Отъ влажнаго ея стекла.
Отецъ и сынъ молчали:
Лишь вздохи перваго молчанье возмущали;
Но вотъ Тирсисъ его прервалъ:
„Родитель, онъ сказалъ,
„Какая ночь теперь! тепло хоть бы весною,
„Свѣтло, какъ будто днемъ!
„А небо чисто такъ: ни облачька на немъ,
„И даже мало звѣздъ; но я плѣненъ луною!
„Какъ кротко, весело она на все глядитъ!
„Какъ пристально въ рѣку склонилася очами
„И въ ней какъ жаръ горитъ, играя со струями!

„ Ахъ! какъ все хорошо! . . . Но мой отецъ молчитъ
„ И только воздыхаетъ.
„ Какая скорбь, скажи? . . . . „

МЕНАЛКЪ.

Не уже ль скорбь одна
Лишь вздохи извлекаетъ?
Нѣтъ, сынъ мой; иногда ночная тишина,
Безмолвіе полей, луна
И звѣзды, что тебя теперь такъ забавляетъ,
Священное во грудь унылiе вливаетъ
И духъ къ всевышнимъ увлекаетъ!
Вотъ я вздыхаю отъ чего.
Такъ, возхищаяся премудростью творенья,
И полнъ ко благости боговъ благодаренья,
Изъ глубины души и сердца моего
Я возсылалъ теперь къ нимъ теплыя моленья!
Но только ль что теперь? Нѣтъ, каждый день и часъ
Признательный они Меналка внемлютъ гласъ!
Ахъ! можноли къ богамъ намъ быть неблагодарнымъ?
Кто, сынъ мой, небеса лазурiю покрылъ?
Кто ихъ безмѣрное пространство озарилъ
Въ ночь блѣдною луной, въ день солнцемъ свѣтозарнымъ?
Кто землю симъ ковромъ зеленымъ опушилъ
И изпещрилъ его цвѣтами?
Кто рощи и лѣса кудрявы насадилъ
И сладкозвучными ихъ населилъ пѣвцами?
Кто, наконецъ скажи мнѣ, даровалъ тебя,
Тебѣ жъ отца меня?
Кто? боги! о Тирсисъ! благоговѣй предъ ними!
Признательность къ богамъ есть первый долгъ людей.

ТИРСИСЪ.

О! я люблю боговъ? и завтра же съ зарей

На жертвенномъ огнѣ сожжется предъ благими
Та бѣлая овца,
Которую Тирсисъ у Дафниса пѣвца
Недавно выигралъ: она была закладомъ,
Мы пѣли; что жъ? твой сынъ и голосомъ и складомъ
Соперника затмилъ;
А онъ овечку мнѣ вручилъ.
Но, какъ мнѣ ни лестна награда
И какъ ни дорога мнѣ бѣлая овца;
Однакожъ, я готовъ, не пожалѣлъ бы стада,
Отдать ее богамъ: ахъ! вѣдь они отца
Тирсису даровали!
(Тутъ слезы на глазахъ Тирсиса заблистали.)

Меналкъ.

Благодарю тебя. Такъ сынъ мой, такъ Тирсисъ!
Молись богамъ, молись!
Люби ихъ, приноси имъ лучшее стяжанье!
Будь честенъ, добръ, трудолюбивъ,
Дѣлись съ убогими и будешъ ты щастливъ:
И боги въ воздаянье
За добрыя твои дѣла,
Мой сынъ, тебя избавятъ зла
И ущедрятъ благодѣяньемъ!
Не будешъ бѣденъ стадомъ ты;
Обильные дадутъ поля тебѣ плоды;
Въ женѣ найдешъ покой, а въ дѣтяхъ утѣшенье!
Повѣрь мой другъ отцу:
Кто повинуется Всевышняго велѣньямъ,
Кто сердцемъ приближенъ къ Творцу,
Тотъ идетъ по пути усыпанномъ цвѣтами!
Я изжилъ восемдесятъ лѣтъ,
Уже и дряхлъ и сѣдъ;
Но знай, лѣта сіи казались мнѣ часами,

Однимъ пріятнымъ, долгимъ днемъ!
Такъ всѣми надѣлялъ Зевесъ меня дарами!
За что жъ? за то Тирсисъ, что я всегда, во всемъ
Его повиновался волѣ.
Спокойно рѣзвились стада мои на полѣ:
Ихъ никогда ни моръ, ни волкъ не разхищалъ.
Съ избыткомъ жатву я златую собиралъ:
Ни зной ее не жегъ, ни градъ не побивалъ.
Но это все ничто: я щастливъ былъ женою!
Ахъ! сами небеса знать мнѣ послали Хлою!
Въ ней, въ Хлоѣ, милый другъ, блаженство видѣлъ я!
Она была всего дороже для меня!
Но ахъ! я съ нею разлучился!
И прахъ ее на вѣкъ въ сырой землѣ сокрылся!...
Тяжелъ былъ сей ударъ! Но я, я не роптаъ:
Кто далъ ее мнѣ, тотъ и взялъ. —
О сынъ мой! можетъ быть близка и та минута,
Когда Менаяка старика
Подкоситъ смерть, для всяхъ столь люта,
Но вожделенна мнѣ. Ахъ! такъ она близка!....
Но не ропщи Тирсисъ! будь твердъ подобно мнѣ:
Лей слезы лишь однѣ,
Но спорить не дерзай съ судьбою!
Бываютъ мрачны дни и лѣтомъ и весною;
Мутится иногда и свѣтлый ручеекъ.
Всегда ли веселиться?
Всегдаль быть въ радости? и въ горѣ быть случится;
Неотвратимъ злой рокъ!
Ты долженъ ко всему, о сынъ мой, приучиться. —
Такъ, такъ! я чувствую, что скоро смертный часъ
Похититъ дневный свѣтъ изъ тусклыхъ старца глазъ.
О осень! не спѣши сокрыться:
Дай мнѣ въ послѣднее природой насладиться!

Уже я не дождусь весенней красоты!
Весна придетъ, прольетъ красы свои обильно
И на холмѣ моемъ могильномъ
Застанетъ свѣжій дернъ и раннія цвѣты!....

Такъ говорилъ Меналкъ, и токи слезъ блистая
Невольно по его катилися щекамъ;
Тирсисъ же какъ дитя рыдая,
Упалъ къ его ногамъ.

Владимірѣ Панаевѣ.

XX.

САТИРА НА ЧЕЛОВѢКА

(Подражаніе Г-ну Боало)

SAT VIII.

De tous les animaux.....

Когда разсматривалъ я тварей поднебесныхъ,
И свойства разбиралъ животныхъ мнѣ извѣстныхъ,
Ходилъ по дну морей, вступалъ въ густы лѣса,
И взоромъ обтекалъ пространны небеса,
Жилъ въ Колѣ, въ Римѣ былъ, по Азіи скитался,
И съ Негромъ дикими кореньями питался,
Потомъ въ Америку направилъ свой полетъ,
И вдоль и поперегъ проѣхалъ бѣлый свѣтъ;
Увидѣлъ наконецъ, что изъ числа живущихъ,
Воздушныхъ, водяныхъ и по землѣ ползущихъ,
Одна въ природѣ тварь безсмысленнѣе всѣхъ,
Кто хочетъ, обратитъ слова мои во смѣхъ,
Узналъ изъ опыта въ теченіи полвѣка,
Что нѣтъ живoтнаго глупѣе человѣка.

„Какіе пустяки! вотъ настоящій вздоръ!
Отмщу за всѣхъ людей, начну съ тобою споръ, —
Мнѣ Докторъ закричитъ; великое несходство,
Одинъ прекрасный станъ есть наше превосходство.
Какъ выдумалъ, скотовъ разумнымъ предпочесть?
Унизилъ ты людей, и посрамилъ ихъ честь.
Жестокій! вопіешъ противъ своей природы!
Молчи! иль цѣлые подвигнутся народы.
Не человѣка гласъ, а звѣря слышу ревъ,
Но утолю на часъ свой справедливый гнѣвъ.
Не приводя тебѣ доводовъ цѣлы томы,
Однимъ остановлю: Есть черви, насѣкомы,
Которыхъ вѣкъ какъ мигъ, не больше дня живутъ,
Родятся по утру, а къ вечеру помрутъ.
И тварь столь малая съ такимъ короткимъ вѣкомъ
Дерзнетъ ли разумомъ сравниться съ человѣкомъ?
Скажижъ мнѣ не шутя, кто изъ скотовъ уменъ?
Котъ, быкъ, или коза?“ —
Ты докторъ! удивленъ
Моею рѣчію, я это ясно вижу;
Унизивши людей, чемъ я тебя унижу?
Ты Геній, острый умъ, талантовъ образецъ,
Тебѣ далъ бытіе Праксителевъ рѣзецъ.
Теперь могу судить, какъ долженъ быть прекрасенъ!
Кто не почтетъ тебя? — и я съ тобой согласенъ,
Въ природѣ человѣкъ почтеннѣйшая тварь,
Владычествуетъ онъ по всей землѣ, какъ царь:
Подъ властію его животныхъ разны роды,
И только получилъ одинъ онъ отъ природы
Себѣ въ подарокъ умъ: однакожъ я не льстецъ,
Скажу: при разумѣ все человѣкъ глупецъ! —
Въ сатирѣ скажешъ ты, сіи слова годятся,
Но должно съ тѣмъ шутить, кто любитъ посмѣяться,
А ты съ Философомъ теперь имѣешъ споръ,

И такъ начни со мной важнѣе разговоръ,
Во всѣхъ твоихъ рѣчахъ должны быть аргументы,
Они единые всѣхъ истинъ фундаменты;
Безъ нихъ собраніе и куча пышныхъ словъ,
Какъ вѣтхой домъ упасть грозящій безъ столбовъ. —
Изрядно, докажу, доводы будутъ ниже,
Готовься отвѣчать, и сядь ко мнѣ поближе,
Да только крикомъ ты меня не заглуши.

Что мудростью зовемъ? — спокойствіе души,
Котораго ничто, весь свѣтъ не потревожитъ,
И сама пылка страсть воспламенить не можетъ.
Тотъ мудръ, кто въ бѣдности, въ гоненіяхъ проживъ,
Доволенъ самъ собой, и самъ собой щастливъ.
Мудрецъ лишь разуму, а не страстямъ послушенъ,
И къ прелестямъ мірскимъ быть долженъ равнодушенъ.
Но таковыхъ людей когда и кто видалъ,
Которыми бъ всегда разсудокъ управлялъ?
Мы часто дѣйствуемъ безъ цѣли и причины.
Уже ли мудры тѣ, на комъ висятъ личины?
Разумны существа! но гдѣ разсудокъ вашъ?
Мы ослѣпляемъ умъ, чтобъ не видалъ сей стражъ
Всѣхъ нашихъ гнусныхъ дѣлъ. Тотъ мудрымъ быть достоинъ,
Кто въ щастьи не гремитъ, а въ бѣдствіяхъ спокоенъ.

Хотя животные разсудка лишены,
Они спокойнѣе: съ явленіемъ весны
И лѣта муравей предпринимаетъ мѣры
Наполнить житницу сокровищемъ Цереры.
Когдажъ отъ Сѣвера подуетъ ка намъ Борей,
И человѣкъ груститъ, спокоенъ муравей;
Онъ знаетъ, что зимой не грѣетъ солнце свѣтомъ,

Сидитъ въ своемъ гнѣздѣ, и ѣстъ, что собралъ лѣ-
томъ:
Зимой не голоденъ, кто лѣтомъ не лѣнивъ,
Запасся муравей, и онъ весьма щастливъ.
По стужѣ не бѣжитъ, не бросится въ морозы;
За то не спитъ тогда, какъ расцвѣтаютъ розы.
Предъ сею тварію несмысленъ человѣкъ,
Покою ни на часъ, кружится весь свой вѣкъ.
Грудь наша каждый день волнуется страстями,
Хотимъ ли мы чего иль нѣтъ, не знаемъ сами.
Что насъ теперь манитъ, оставимъ черезъ часъ,
Нѣтъ малой твердости, нѣтъ постоянства въ насъ.
Чѣмъ веселюсь теперь, то завтра мнѣ на муку.
Всегдашни радости вселяютъ въ сердце скуку.

Вельможа иль богачь при обществѣ унылъ,
Тоскуетъ, мучится, весь свѣтъ ему не милъ.
Пресытясь роскошью въ задумчивости ходитъ,
Онъ ищетъ для себя утѣхъ и не находитъ.
Все скучно для него, ничто не веселитъ,
Всѣ удовольствія вкусилъ, теперь груститъ.
Что день, то новое онъ терпитъ огорченье,
Вся жизнь — что для него? — единое мученье.
Всѣ розы потопталъ, утѣхъ не могъ найти,
Колючи тернія остались на пути.
Спокойствіе его лишь только на минуту,
Недѣли цѣлыя питаетъ горесть люту.
Что нравилось на часъ, тѣмъ мучится онъ годъ.
Тоска, какъ алчный червь грудь точитъ и грызетъ.
Печалью уязвленъ, снѣдаемый тоскою,
Онъ ищетъ радости съ унылою душею;
Опять идетъ туда, откуда убѣгалъ.

Графъ нынѣ любитъ то, что прежде отвергалъ.

„Пусть такъ, жена моя участница разврата,
Но твердостью своей я превзойду Сократа.
Что хочетъ, пронеси язвительна молва,
Не буду отвѣчать я ни на чьи слова.
Пусть будутъ всѣ въ глаза мнѣ самому смѣяться,
Но городъ станетъ ли однимъ мной заниматься?„
Такъ говоритъ нашъ Графъ, онъ сталъ любить жену;
Что прежде проклиналъ, теперь не чтитъ въ вину.
Спокойно умствуетъ: съ женой мы не ревнивы,
Супруги съ ревностью не могутъ быть щасливы,
Въ согласіи живемъ, и дружно кончимъ вѣкъ:
На что сердиться мнѣ? — жена вѣдь человѣкъ!
О Графъ! дитя ли ты? что умъ въ тебѣ незрѣлый,
Гдѣ точно черный цвѣтъ, ты говоришъ, что бѣлый,
Ты въ полдни судишь такъ, иначе въ вечеру:
Когдажъ ты будешъ твердъ?—отвѣтъ: когда умру.
Давноль ты клялъ жену и требовалъ развода;
Въ чемъ остановка, намъ скажи? не счелъ расхода.
Непостоянны мы, какъ волны на рѣкѣ,
Кто нынѣ въ шапкѣ шелъ, тотъ завтра въ колпакѣ.

Когда же голова наполнится парами,
То Верхолетъ начнетъ гоняться за мечтами.
Гордится самъ собой, кричитъ: я царь скотовъ,
Я господинъ звѣрей, начальникъ всѣхъ ословъ;
Надъ ними царствовать дана мнѣ власть, свобода;
Вся, вся покорена мнѣ одному природа. —
Ты тѣмъ тщеславишся, а скажемъ, на примѣръ,
Случится проходить близь тигровыхъ пещеръ
И звѣрь нечаянно съ тобой въ лѣсу столкнется;
Кто встрѣчи таковой скорѣе ужаснется?
Тотъ мнимый властелинъ, тотъ царь земли, морей,
Имѣетъ тысячу и надъ собой царей.
Гнѣвъ, зависть, скупость, злость, властители суровы,

Надѣли тяжкіе на грудь его оковы.

На небѣ брежжится, еще бы должно спать,
Но скупость говоритъ: давно пора вставать,
Оставь лѣнивому и празднолюбцу ложе;
Ты время сберегай, оно всего дороже.
Иди на корабли, хотя еще полночь,
На что къ сну привыкать? — купцу убытокъ ночь.
Качайся по морямъ, пройди всѣ океаны,
Старайся узнавать, гдѣ есть богаты страны.
Пройди всю Индію, и поспѣши въ Китай,
Гдѣ есть прекраснѣйшій фарфоръ и лучшій чай.
Чего не наживешъ стараніемъ толикимъ?
Твое имущество не льзя назвать великимъ.
Знай обороты лгать; кто простъ, зовутъ болванъ.
Въ торговлѣ не порокъ искуснинькой обманъ.
Подъ случай иногда годится и лукавство:
Тогда накопится изрядное богатство.
Начни переносить всѣ ужасы, весь страхъ;
Недѣлю не поешъ, на голыхъ спи доскахъ.
Кто хочетъ быть богатъ, тотъ удаленъ отъ чван-
ства,
И въ бѣдниннькомъ дому не требуетъ убранства;
Изъ кашицы одной обѣдъ ему хорошъ;
Не любитъ мотовства, радъ умереть за грошъ. —
„Что въ жадности? всего не соберешъ въ природѣ!
Останется сынокъ воспитанный по модѣ:
Наслѣдникъ приманитъ друзей серебрецомъ,
И все развѣетъ въ день, что собрано отцомъ
Годами.„ Нѣтъ —! бѣгу: матросы отплываютъ. —

Но ежели кого металлы не прельщаютъ,
Въ томъ честолюбіе и ненависть видны;
Онѣ его влекутъ въ жилище тишины

Съ оружіемъ въ рукахъ. Се вождь исполненъ жара,
Бросается на смерть, летитъ противъ удара;
Уже отъ мощныхъ рукъ Испанецъ трепеталъ,
Но вдругъ нещастіе, герой въ крови упалъ.
Онъ палъ, еще вспаетъ, поддѣлавши ходули,
Шагаетъ съ яростью противъ картечь и пули.
Но подвиговъ его есть славы призракъ, тѣнь —
Чтобъ дерзость восхвалилъ красиво бюллетень.
„ Молчи, мнѣ закричатъ, иль жди себѣ побоевъ,
Что ставишь ты въ порокъ, то слава для героевъ.
Ужели и герой былъ Македонскій глупъ,
Который кончилъ жизнь среди военныхъ трубъ? „ —
Кто? сей безумный вождь? бичь своего народа,
Кого въ свѣтъ съ ужасомъ извергнула природа,
Который, гдѣ ни шелъ, все въ пепелъ обращалъ,
И кровію людей утробу насыщалъ?
Упали города и вспыхнули столицы;
Но варвару тѣсны казалися границы
Земли всей. Вотъ его преславныя дѣла!
Когда его судьба на царство возвела,
Почто стремился онъ ко грабежамъ толикимъ?
Ужель царь въ тишинѣ не можетъ быть великимъ?
Коль заслужилъ бы честь цѣной своихъ добротъ,
Его бъ по истиннѣ весь обожалъ народъ.
Онъ Богомъ быть хотѣлъ, вооружась громами,
Опустошителей щитаютъ ли богами?
Народъ непросвѣщенъ, но правду говоритъ,
Нашъ Богъ есть кротокъ, благъ, всѣмъ милости творитъ.
Подобенъ ли Творцу тотъ человѣкъ, кто въ злобѣ
Грозился погребсти вселенную во гробѣ.

Но чтобъ какимъ нибудь ошибкамъ не подпасть,
Не станемъ разбирать подробно кажду страсть.

Когда все описать, то мало дать два века;
Мы съ лучшей стороны разсмотримъ человѣка,
Для общества рожденъ, имѣетъ добрый нравъ;
Свободно покорясь подъ власть гражданскихъ правъ,
Онъ, говорятъ, вездѣ поставилъ магистраты,
И избралъ для себя судей во всѣ палаты,
Чтобъ зло наказывать, а награждать добро;
Къ нещастью нашему, о гнусно серебро,
Черезъ тебя все тамъ наоборотъ. Случится
Безъ наказанія злодѣй въ каретѣ мчится,
Конечно бѣдному уже судилъ такъ рокъ,
Что часто за чужой страдаетъ онъ порокъ;
А у звѣрей нѣтъ тяжбъ, судей и воеводы:
Они покорены правамъ одной природы.
Когда голодный волкъ уподоблялся намъ
И съ тою цѣлію скитался по лѣсамъ,
Что бы въ свирѣпости, при случаяхъ удобныхъ,
Вдругъ броситься терзать и грызть себѣ подобныхъ?
А льву столь сильному довольнобъ пожелать,
Успѣлъ бы тысячу полей завоевать.
Но нужноли? — живя подъ тѣнію древъ мирныхъ,
Не хочетъ кровію снискать полей обширныхъ.
Медвѣди были ли между собой въ войнѣ?
Они въ согласіи живутъ и тишинѣ.
И самый ярый тигръ щитаетъ за злодѣйство
На тигра нападать, пожрать его семейство.
И столько ль, какъ у насъ, жестоки ихъ сердца?
Сынъ плавалъ ли въ крови, и грызъ ли грудь отца?
Когда животное природа воспитаетъ,
Къ подобному себѣ любовію питаетъ;
Храни сію любовь, мать тайно говоритъ,
Увидѣвши звѣрей имѣющихъ твой видъ,
Люби ихъ, защищай. Съ кѣмъ одного ты рода,
Не будь тому врагомъ, у васъ одна порода.

И такъ не чванится орелъ передъ орломъ
И дружно съ тяжестью бредетъ оселъ съ осломъ.
Дерутся ль за корысть между собой лисицы?
Живутъ въ спокойствіи и звѣри всѣ и птицы.
Извѣстна безъ судей всѣмъ звѣрямъ правота:
Природа мать у нихъ, а вождь ихъ простота.
Одинъ лишь человѣкъ, одинъ во всей природѣ
Злость величайшую въ своемъ вмѣщаетъ родѣ:
Онъ порохъ изобрелъ, желѣзо источилъ,
Кто это выдумалъ, того весь адъ училъ:
Не самъ ли сатана шипѣлъ у первой печи,
Гдѣ пушку вылили и сдѣлали картечи?
Такъ злобный человѣкъ трудился день и ночь,
Какъ уязвить другихъ и мщенію помочь.
Для алчности мала сотворена вселенна:
Вся внутренность людей пороками растлѣнна.
Возсталъ сынъ на отца, возсталъ на брата братъ;
Всеобщимъ сдѣлался ужаснѣйшій развратъ:
Къ убійству бросились, разрушили законы,
Низвергнули царей, омывъ ихъ кровью троны;
Забыта истинна, и въ униженьи честь,
И власть похитили коварство, зависть, лесть.
Съ мечами бросился народъ противъ народа,
Порокъ торжествовалъ, умолкнула природа.

,, Поменьше, закричатъ мнѣ, разевай гортань;
И въ правду ли съ людьми ты началъ явну брань?
Такъ остроумъ! изволь диспутоваться съ нами.
И долженъ человѣкъ родиться со страстями.
Безъ страсти нѣтъ души, и такъ доводъ твой лживъ.
Какъ въ морѣ, такъ и въ немъ, есть волны и приливъ.
Хоть своенравіе нерѣдко примѣчаютъ,
Но добродѣтели пороки превышаютъ.
Ему данъ умъ: онъ съ нимъ являетъ чудеса:

Измѣривши въ трубу обширны небеса,
Постигнулъ разумомъ всѣ вещи, всѣ предмѣты,
Нашелъ въ лунѣ звѣрей, и описалъ планеты.
Одинъ онъ трудную рѣшить задачу могъ,
Планета солнечна съ углями есть горшокъ,
Который былъ возженъ при сотвореньи свѣта,
И ими цѣлая вселенная согрѣта.
Запасено должно быть много головней,
Что въ томъ горшкѣ огонь горитъ до нашихъ дней,
Такимъ познаніемъ гордиться люди могутъ,
Въ открытіяхъ скотамъ инстинкты что помогутъ?
У нихъ нѣтъ Медиковъ, Ботаниковъ" —
Ты правъ!

Звѣрь ѣстъ растѣнія, не разбирая травъ,
Такъ! ни одинъ Хирургъ, даю весь свѣтъ порукой,
Не отравлялъ лѣсовъ убійственной наукой.
У нихъ нѣтъ Докторовъ, такъ не кому кричать;
Чемъ вздоры говорить, приличнѣе мычать.
Нѣтъ школы у звѣрей, въ кругу ихъ нѣтъ ученья,
Однакожъ щасливы они безъ просвѣщенья.
Почто изслѣдовать разсудка глубину?
Когда замѣтимъ мы ту истинну одну,
Что сколько человѣкъ свой умъ ни изощряетъ,
Не можетъ знать того, что кажется ужъ знаетъ.
„Нѣтъ! нѣтъ мнѣ закричатъ всѣ въ голоса: ты лжешъ!"
Извольте уступлю, пусть будетъ это ложъ.
Но естьли вамъ не въ трудъ, то въ самомъ нашемъ вѣкѣ,
Чрезмѣрны глупости усмотримъ въ человѣкѣ.

Примѣровъ множество, наполненъ ими свѣтъ.
Родитель своему сынку дастъ совѣтъ,
Какъ въ свѣтѣ жить ему среди людскихъ пороковъ.

Не льзя не затвердить похвальныхъ сихъ уроковъ: „
„ Что дѣлаетъ весь свѣтъ, тому сынъ подражай,
И самы глупости людскія уважай.
Пусть приняты людьми обычаи худые,
Такъ должно понимать, какъ чувствуютъ другіе.
За малость истинну щитаютъ дураки,
Ты съ ними будешь жить, и самъ за пустяки
Ее щитай. Живя среди того народа,
Гдѣ добродѣтелямъ давно уже не мода,
Ты ихъ и самъ оставь. Иначе пропадешъ,
И вмѣсто почестей презрѣнье навлечешь.
Ты долженъ хитрымъ быть, коварнымъ, лицемѣромъ,
Не буду я учить, весь свѣтъ тебѣ примѣромъ.
Когда понятенъ ты, научишся тотчасъ,
Какія знанія полезнѣе для насъ.
Оставь разсудокъ свой, коль вышелъ онъ изъ моды,
И полной не давай ни въ чемъ ему свободы.
Живи, какъ всѣ живутъ, я повторяю вновь —
Сыночку говоритъ родительска любовь. —
Коль хочешъ приобрѣсть всеобщее почтенье,
Всѣ книги брось въ огонь, не нужно просвѣщенье.
За чемъ ломать свой мозгъ? знай то, что нужно знать.
Въ послѣднемъ можешъ ты ужъ мнѣ экзаменъ дать.
Когда по тридцати возмемъ процентовъ со ста;
То сколько съ тысячи, рѣшить то очень просто.
Не вычитанье здѣсь; что бъ болѣе нажить,
Два нужны правила: умножить и сложить.
А естьли ихъ узналъ, на что другимъ учиться;
Уже и съ ними намъ легко обогатиться.
Немного выгоды вступить въ ученый кругъ;
Великій капиталъ есть сумма всѣхъ наукъ.
Кто сыплетъ тысячи, хоть смыслитъ азъ да буки,
Однакожъ говорятъ: прошелъ онъ всѣ науки,

Красноречивый мужъ, и вотъ другой Платонъ!
За что намъ похвалу плетутъ? — за милліонъ.
На богачей чины, достоинства ліются;
Надъ умнымъ бѣднякомъ всѣхъ болѣе смѣются.
Желаю я тебѣ отъ всей моей души
Идти въ правленіе финансовъ: тамъ пиши,
Гдѣ рудники сребра, гдѣ много мѣди, злата,
Какая тобакомъ провинція богата:
Все тамъ записывай, веди исправный щетъ;
Знай, сколько соль царю въ годъ выгодъ принесетъ.
Того оправдывай, кто щедръ и нескупенекъ,
И правду позабыть позволено для денегъ.
Богатымъ снизходи, о бѣдномъ не радѣй;
Бѣднякъ — безъ пользы членъ, для общества злодѣй.
Для выгодъ забывай законы, даже вѣру;
Сошлюсь я на другихъ, они тебѣ къ примѣру.
При разныхъ случаяхъ перемѣняй свой видъ,
Сегодни Армянинъ, а завтра будь хоть Жидъ.
Не бойся совѣсти несноснѣйшихъ упрековъ,
Она есть слабая узда для человѣковъ.
Трудами ближняго приобрѣтай добро,
На слезы сироты купи себѣ сребро.
Будь хитръ, коваренъ, золъ, и чрезъ пути неправы
Достигнешъ щастія, богатства, даже славы.
Тогда увидишъ ты, наступитъ та пора,
Что знатны Риторы, Піиты, Доктора
Тебя превознесутъ, хвалами препрославятъ,
Взнесутъ за облака, и выше звѣздъ поставятъ;
Героевъ сдвигнутъ съ мѣстъ, и не страшась меча
Сорвутъ вѣнки, чтобъ ихъ надѣть на богача
Піитъ хоть бѣденъ самъ, душа его богата,
Какихъ тебѣ похвалъ не сплететъ для злата?
Опишетъ съ глазъ до ногъ, пошлетъ поплощадямъ
Пѣть гимны въ честь твою и сотни епиграммъ.

За рубль всѣ похвалы, а за два цѣлу оду:
Льститъ до излишества, возноситъ честь, породу.
Нерѣдко говоритъ: о ты осьмой мудрецъ!
Хотябъ по истиннѣ богачь сей былъ глупецъ.
Заслуги хвалитъ, умъ, гиперболы лiются,
Вездѣ иронiя, однакожъ не смѣются.
Кто смѣетъ? богачу, хоть глупъ, но вѣчно льстятъ;
На вѣрно, думаютъ, тотъ знающъ, кто богатъ.
И такъ, сынокъ! когда ты будешъ житъ по барски;
Восхвалятъ всѣ тебя по Римски, по Татарски;
Всякъ съ богачемъ вступить желаетъ въ разговоръ,
И дѣвушки ему бросаютъ нѣжный взоръ.
Всѣ ищутъ дружества, знакомства и прiятства,
Какъ будто скрытый есть магнитъ внутри богатства;
Оно намъ придаетъ велики красоты.
Но добраго не жди себѣ отъ нищеты.
При бѣдности, сынокъ! тому я самъ свидѣтель,
Щитаютъ за порокъ чистѣйшу добродѣтель.
Сбирай сребро, жемчугъ, строй знатные дома,
Къ богатству кажется не надобно ума.
Нерѣдко тотъ большимъ сокровищемъ владѣетъ,
Кто пальцы на рукахъ едва сочесть умѣетъ."

Ты, Докторъ! бѣднячекъ, надъ спорами корпишъ:
Что пользы высидишъ; читаешъ ты и спишъ.
Привязанность твою не льзя назвать порокомъ;
Пусть такъ, ищи камней въ томъ морѣ преглубокомъ,
Скитайся съ ужасомъ среди обширныхъ странъ,
Разсѣй писанiя Калвиновъ, Лютеранъ;
Смѣшай всѣ споры ихъ, представь свои причины,
И объясни, что намъ оставили Равввины.
Потѣй, а въ старости за трудъ тебѣ ужъ вдругъ

Отвѣсять три словца: благодарю мой другъ!
Не лучше ли итти изъ Докторовъ въ отставку,
Оставить свой калпакъ, учительскую лавку?
Что пользы? двадцать лѣтъ за книгами сидѣлъ;
Къ банкиру лучше бы въ прикащики пошелъ.
Съ своими книгами богаче ты не будешь:
Разумный человѣкъ и самъ о томъ разсудишъ.
Солономъ не бывать; за чемъ ты весь изсохъ?
А твой каковъ карманъ? въ немъ только горсти крохъ.
Ты кажется еще не старъ, въ такую пору
Годишся въ писари къ судьѣ иль къ прокурору.
Купи заранѣе мешки для серебра,
Встань съ лавки и кричи: глупцы всѣ доктора!
„На докторовъ кричать! ужъ это слишкомъ смѣло,
Самъ о себѣ гласи, до насъ какое дѣло?
Ты тему позабылъ и началъ о другомъ,
Съ дороги своротилъ, пошелъ инымъ путемъ.
Ты началъ говорить, что въ людяхъ нѣтъ разсудка;
Ты сомнѣваешся, иль это только шутка?
Изволь, сомнѣнія твои отвергну въ мигъ.
Умъ нами дѣйствуетъ, онъ вѣрный нашъ кормщикъ "

Къ нещастію дѣла съ разсудкомъ несогласны:
Всѣ наши кормщики другимъ князьямъ подвластны.
А кто могущій князь? кто сильный царь нашъ? страсть!
Она поправши умъ, влечетъ людей въ напасть.
Оставя кормщика, плывемъ средь буръ чрезъ воды,
Несемся по волнамъ въ часъ страшной непогоды;
Гдѣ камни, гдѣ порогъ могули видѣть я?
Отъ скалы въ дребезги разрушится ладья...
Въ Котинѣ есть ли умъ? пустился на отвагу;
Вотъ только у него и дѣлъ, марать бумагу.
Какая прибыль въ томъ, что онъ рожденъ съ умомъ,

Когда дурачества всегда мы видимъ въ немъ?
Совѣты разума Котинъ пренебрегаетъ,
И вопреки уму вновь рифмы прибираетъ.
Какой разсудокъ въ немъ? стихи свои любя,
Онъ въ изступленіи, въ восторгѣ, внѣ себя
Перечитаетъ въ день сто разъ, потомъ смараетъ,
И такъ все исчертитъ, что самъ не разбираетъ.
По утру и въ полночь гремитъ нашъ Рифмотворъ,
Даетъ сонеты всѣмъ, кто ни придетъ во дворъ.
Какъ скоро дѣйствовать въ немъ дьяволъ начинаетъ,
Служанка въ ужасѣ куда бѣжать не знаетъ.
Сравнимъ же съ нимъ осла: природой наученъ,
Безъ ропота оселъ инстинкту покоренъ.
Баситъ — самъ чувствуетъ, что онъ немножко
вздоритъ,
И въ голосѣ за то со птицами не споритъ.
Хоть онъ безъ разума, бредетъ своимъ путемъ:
Насъ освѣщаетъ умъ, однакожъ мы и днемъ
Не видимъ ничего: терзаемся мечтами,
И часто мы хотимъ, чего не знаемъ сами.
Боимся иногда мечты, страшимся сновъ;
По этимъ странностямъ глупѣе мы скотовъ.
Однимъ намъ свойственны столь низкіе пороки.
Медвѣдь боится ли летающей сороки?
Намъ было бы весьма смѣшно, когда бы левъ
Увидя воробья, престрашный поднялъ ревъ
И въ ужасѣ во всѣ совался бы пещеры;
Но этимъ глупостямъ на насъ видны примѣры.
Когда и нѣтъ бѣды, опасность съ ноготокъ,
Мы къ небу вопіемъ: о злой, жестокой рокъ!
По что ты гонишъ насъ? твоя велика злоба
Нещастныхъ привела къ отверстымъ дверямъ гроба!
Отдавши въ плѣнъ страстямъ и волю и сердца,

Всѣмъ бѣдствіямъ своимъ виною чтимъ Творца.
И люди нѣкогда столь мало Бога знали,
Что тварь гнуснѣйшую Создателемъ щитали.
Прежалкій человѣкъ! ты сдаренъ умомъ,
Въ природѣ бытіе Творца видно и въ немъ;
Но глупости твои въ Исторіи открыты:
Кумиры кровію невинныхъ жертвъ омыты.
Какое адское безбожіе людей,
Терзать младенцамъ грудь и сожигать дѣтей!
Безумный сей обрядъ между людьми извѣстный
Служилъ бы ко стыду и твари безсловесной.
Найдемъ ли гдѣ нибудь безсмысленныхъ скотовъ;
Которы бъ идоловъ признали за боговъ,
И имъ соорудивъ великолѣпны храмы,
Для низкой выгоды курили ѳиміамы!
Кого не почиталъ Египетскій народъ?
Богами у него былъ полонъ огородъ. —
„За чемъ здѣсь приводить излишніе примѣры,
Египетскій народъ, не знавшій Бога, вѣры?
И можно ль доказать наборомъ пышныхъ словъ,
Что люди, доктора глупѣе всѣхъ ословъ?
Безсмысленную тварь умнѣе насъ щитаютъ,
Ословъ, чьи имена сатиру составляютъ?“
Такъ точно, господа. Но васъ спрошу о томъ,
Скажите, почему смѣетесь надъ осломъ?
О естьлибы Творецъ перемѣнилъ природу,
Далъ каждому ослу возможность и свободу
О всемъ томъ разсказать, что знаетъ про себя;
Хоть тварь безсмысленна, но истинну любя,
Въ какихъ бы подлостяхъ она насъ упрекнула,
И прямо бъ на людей тѣ мысли намекнула,
Что много глупостей въ разумныхъ существахъ.
Когда бы разсмотрѣлъ оселъ во всѣхъ мѣстахъ

Людей, пошелъ въ Парижъ, взглянулъ на булевары,
Увидѣлъ бы, — Жиды, Французы и Татары
Другъ друга превзойти въ дурачествахъ хотятъ;
Катоны вывелись, тутовъ преполный штатъ.
Вертится молодежъ, и рѣзвятся красотки,
Старушки въ сторонѣ перебираютъ чётки.
Согбенный старичекъ подъ тяжестію лѣтъ
Къ томуже зрѣлищу на костыляхъ бредетъ,
Бредетъ въ послѣдній разъ при смерти съ нимъ проститься.
Но многому еще скотъ можетъ подивиться.
Увидитъ, на примѣръ, убійца какъ верхомъ
На знатномъ рысакѣ летитъ къ больному въ домъ
Онъ въ дверь — а смерть за нимъ, недавши знать обмана,
На случай выдаетъ рецепты изъ кармана.
„Хоть безполезенъ онъ, нужды и въ этомъ нѣтъ;
Когда не хочетъ жить больной, такъ пусть умретъ;
Ахъ! нѣтъ, пусть полежитъ, и такъ больныхъ столь мало,
Что бѣднымъ лѣкарямъ кормиться нечемъ стало."
Здѣсь воздухъ тепелъ, чистъ, здоровъ, а намъ во вредъ;
Однѣми крошками питаемся въ обѣдъ.
Когда бы не было горячекъ и простуды,
Доходы лѣкарей весьма бы были худы.
Благодаря людей, разсудокъ ихъ хорошъ,
Себя не берегутъ, здоровье чтутъ за грошъ.
Предавшись роскоши, и пьянству и разврату,
Нещастнымъ лѣкарямъ путь проложили къ злату.
„Пусть истощается всегда здоровье ихъ;
Намъ больше прибыли, чемъ болѣе больныхъ." —

Поѣдемъ другъ на балъ, сегодни пиръ у Хана; —
„Конечно получилъ онъ милость отъ Султана:

Я думаю что чинъ, иль третій данъ бунчукъ,
Иль съ золотомъ мѣшки? "— нѣтъ! все не то мой другъ!
„Чемуже Ханъ столь радъ?"— не льзя не подивиться;
Недавно получилъ онъ петлю — удавиться.
„На чтожъ къ нещастію весь городъ собирать?"—
Жилъ въ обществѣ, одинъ не можетъ умирать.
Придворный человѣкъ уже привыкнулъ къ лести,
Ханъ увѣряетъ всѣхъ, что петля служитъ къ чести." —
И въ правду черезъ часъ въ присутствіи друзей
Скончалъ постыдну жизнь свою безумецъ сей.
Въ разумныхъ существахъ разсудокъ есть ли здравый?
Кто поношеніе себѣ щитаетъ славой?
Кто подло жизнь влачитъ, безумно кончитъ вѣкъ?
Кто глупостямъ отецъ? — не ты ли человѣкъ?..
Когда бъ оселъ взглянулъ на прокуроровъ важныхъ,
На страшныхъ приставовъ и на судей продажныхъ;
Когдабъ онъ обратилъ туда смиренный взоръ,
Гдѣ маленкихъ воровъ ихъ большій судитъ воръ,
О естьли бы когда оселъ изъ мизантропа,
Вдругъ сталъ говоруномъ, какъ былъ во дни Езопа;
Сказалъ бы истинну, каковъ есть человѣкъ!
Не захотѣлъ бы онъ ума во весь свой вѣкъ:
Не сталъ бы никогда завидовать сей долѣ,
Опять бы работать пошелъ пустынникъ въ поле,
Вскричавши: „пользы нѣтъ! что въ людяхъ есть умы,
„Такіе же скоты и люди, какъ и мы" —

Андрей Соловьевъ

XXI. ОТРЫВОКЪ

ИЗЪ ВТОРОЙ ПѢСНИ ВИРГИЛІЕВЫХЪ ГЕОРГИКЪ.

Прежде нивы подъ жатвой, вліянье созвѣздій, а нынѣ
Бахусъ румяный, тебя я пою, и вмѣстѣ съ тобою
Рощи, кусты и растущую медленно къ верьху оливу.
Бахусъ, гряди! здѣсь все полно твоими дарами;
Осень осыпала крупными гроздами холмы, и пѣна
Бьетъ изъ покаловъ налитыхъ алымъ, кипящимъ сикеромъ.
Бахусъ, гряди! и снявши котурны, въ багровомъ потокѣ
Выжатомъ только изъ грезновъ, омой божествен-ну голень.

Ты же, начало труда моего ободрившій вниманьемъ,
Ты красота моей лиры и лучшая часть моей славы,
О Меценатъ! и теперь мнѣ плывущему въ дальнее море
Будь моимъ кормчимъ; съ тобою въ челнѣ большое пространство
Мы облетимъ при вѣтрѣ попутномъ, брегъ не теряя изъ вида.
Я не желаю все описать и обнять всѣ предмѣты,
Еслибъ имѣлъ я сто устъ, сто языковъ, и изъ мѣди
Скованну грудь — и тогдабь не свершилъ столь чрезмѣрнаго дѣла.
Нѣтъ, не желаю тебя утомить красивымъ разсказомъ
Басней несбыточныхъ: мнѣ минуты твои драгоцѣнны.

Образъ деревьевъ, ростъ, плодъ, листъ, цвѣтъ разнообразны:
Многіе сами растутъ безъ всякихъ нашихъ стараній,

Сѣнью вѣтвей наклоненныхъ брега и поля украшая:
Такъ выростаетъ ракита, тополь, сребристая ива,
Гибкая верба. Другіе изъ семени скрытаго въ землю:
Такъ родится каштанъ, яворъ съ огромною тѣнью,
Дубъ, украшеніе рощей священныхъ, любимецъ Зевеса,
Древними Греками чтимый оракуломъ неба. Другіе,
Нѣжные дѣти родясь выростаютъ подъ матернимъ кровомъ:
Такъ парнасскій лавръ, и вишня, и вязъ зеленѣютъ.
Вотъ какимъ образомъ прежде искуства природа взрощала
Рощи, древа, кусты и лѣса, богамъ посвященны.

Опытъ открылъ человѣкамъ многіе новые средства:
Тамъ отрубя зарываютъ вѣтвь плодоноснаго древа;
Здѣсь расколовъ самый пень на четыре клина, и каждый
Клинъ заостря вбиваютъ въ мягкую землю; тутъ съ корнемъ
Переселяется древо бережно съ мѣста на мѣсто;
Тамъ пригнувъ сучёкъ живой засыпаютъ землею;
Здѣсь врываютъ древо вершиною въ землю, и чудо!
Древа вершина корни пускаетъ, а пень обращенный
Отпрыски свѣжи: но большее чудо являетъ олива —
Колъ расщепленный, безъ корня, безъ вѣтвей, поблеклый,
Въ землю посаженный — вновь отѣняя вѣтвями, и крѣпко
Корни свои углубляя. Часто и часто на древѣ
Чуждыя вѣтви; часто на яблони грушу, и часто
Сладкія сливы носящій кизилъ, на мѣсто какъ камень
Жесткихъ прежнихъ плодовъ его безвредно мы видимъ.

Знайтеже свойство растѣній, селяне! учитесь искуству
Плодъ улучшать и кряжъ обработывать всякій:
Гроздомъ одѣньте Исмаръ; табурнъ осѣните оливой.
Стройно и крѣпко хотя и безплодно дикое древо
Въ полѣ растетъ подъ надзоромъ единой природы.
Естьли же древо сіе перенесть на кряжъ удобренный,
Или искуствомъ привить къ нему сукъ плодовитый; то дикость
Прежняя скоро изчезнетъ. Тоже и съ отпрыскомъ юнымъ
Праздно подъ матерней тѣнью заглохшимъ, которому листья,
Вѣтьи и сучья вредятъ отнимая и росу и сольце,
Семени, павшу на землю оно разверзается тихо,
Внуковъ нашихъ покрыть общая тѣнью своею.
Яблонь отъ семени взросшая, скоро пріятныя свойства
Позабываетъ, и сладкихъ плодовъ одичавъ не приноситъ;
Грозды родятъ мелкія ягоды въ добычу птицамъ:
Трудъ и искуство плоды улучшаетъ: кряжъ плодоносный
Выбравъ, заступомъ взрой и разсаживай лозы
Въ равномъ одна отъ другой разстояньи: трудъ небездѣльный.
Пень производитъ оливу; гроздъ отъ череньевъ родится;
Миртъ Пафосскій отъ вѣтви здоровой посаженной въ землю,
Ясень высокій, орѣшина крѣпкая, дубъ посвященный
Зевсу, древо тѣнистое, коимъ вѣнчаютъ Геркулла,
Стройная пальма и съ бурями въ морѣ борющаясь сосна;

Всѣ отъ семенъ раждаясь подъ матернимъ милымъ покровомъ:
Переселяются, юные, съ корнемъ съ мѣста на мѣсто.

Многіе роды деревъ отъ прививокъ разводятъ, подъ вязомъ
Желуди дуба нерѣдко кабанъ разгрызаетъ; нерѣдко
Букъ осыпанъ каштанами зримъ — и нерѣдко кудрявый
Ясень прелестно зримъ оснѣженнымъ груши цвѣтами.
Знаетъ садовникъ древа прививать два разныя средства:
Первое, сдѣлавъ разрѣзъ на зеленой кожѣ древесной,
Гдѣ надувается почка, кладетъ туда вѣтвь плодоносну
Чуждаго древа: вскорѣ питаясь растительной влагой
Усыновленная вѣтвь привыкаетъ къ новому образу жизни;
Или отсѣкши старыя вѣтви, и скважину сдѣлавъ
Острымъ клиномъ на гладкой поверхности древа, влагаетъ
Въ оную сукъ благодатный — и скоро, великое древо
Къ небу густыя вѣтви свои простираетъ широко,
Новою сѣнью гордясь и чуждымъ плодамъ удивляясь.

Есть кипарисы, лотосы, крѣпкіе вязы,
Ивы разныхъ породъ; равно и оливы различны:
Продолговаты иль круглы, сухи бываютъ иль сочны;
Яблоковъ также безчисленность разныхъ и видомъ и вкусомъ;
Сирскія груши или Крустульскія тяжкія дули.
Рвемъ ли мы съ нашихъ деревъ виноградъ одинакій
Съ тѣмъ, который срываютъ Лесбійцы съ гроздій Метимна?

Есть Тизійскій грезнъ и бѣлый Мареотидскій;
Тѣ разводить на легкой землѣ, а другіе на жирной.
Есть виноградъ для крѣпкихъ винъ, для тонкихъ и слабыхъ;
Можно ль достойно въ стихахъ васъ прославить, Ретійскія вина?
Но вамъ не спорить съ Фалернскимъ! гроздъ знаменитъ Амминійскій
Крѣпостью винъ; но уступитъ на Тмолѣ растущему грозду;
Также тебѣ, о царь винограда, гроздій Фанейскій!
Славенъ Аргосъ виноградомъ; съ нимъ никакіе на свѣтѣ
Грозды не равны ни въ изобиліи, ни въ долголѣтьи
Васъ ли могу умолчать? о Бумастскіе крупные грозды!
Вы красота и честь пировъ у боговъ и у смертныхъ!
Или васъ?.... но возможно ль узнать всѣ различные роды,
Счесть всѣ названія гроздій и винъ? о, легче возможно
Счесть песчинки въ Ливійскихъ пустыняхъ носимыя вѣтромъ,
Легче возможно узнать сколь велико количество въ бурю
Волнъ раздробляется съ шумомъ объ брегъ Іонійскій гранитный.

1812 года
Сентября 17 дня
Тула.

Александръ Воейковъ

XXII. БЕЗСМЕРТІЕ.

Природы дѣйствія, причины;
Внутри насъ вопіющій гласъ;
Сознательность — нашъ другъ единый
Въ изгибахъ умственныхъ заразъ, —

Пять нашихъ чувствъ, орудья жизни;
Ходъ основательныя мысли;
Его въ безмѣрности конецъ;
Все намъ доказываетъ ясно,
Твердитъ, внушаетъ ежечасно;
Что мудръ великій нашъ Творецъ.

Премудрый можетъ ли безъ цѣли
Создать на свѣтѣ что нибудь?
Уже ли громы загремѣли,
Уже ли данъ свѣтиламъ путь,
Лишь только для игры единой
И бытія существъ причиной
Могла лишь праздность быть одна?
Премудрости ли то желанье,
Что бъ, видя твари пресмыканье,
Сказать: хоть есть, хоть нѣтъ она?

Содѣлавъ, кое что, отлично,
Заставя міръ себя хвалить,
И человѣку неприлично
Свой плодъ стараній истребить.
Не только геній, въ восхищеньѣ,
Цѣнитъ свое произведенье —
Хранитъ его, какъ самъ себя; —
Любитель всякъ своей заботы,
Никто и средственной работы
Не броситъ, трудъ употребя.

Внушитъ ли мудрость Рафаелю;
Что бъ онъ свои картины сжегъ;
Что бъ столкъ статуи, Праксителю;
Что бъ стеръ Державинъ оду Богъ;
Что бъ Нортоны часы топтали;

Что бъ Гайдны *времена* (*) марали;
Что бъ Гершель телескопъ разбилъ?
Гдѣ слыханы тому примѣры,
Что бъ шаръ гноили Монгольфьеры;
Компасъ Джіоіа истребилъ?

Такъ судитъ умъ несовершенной
И онъ въ своихъ разсчетахъ правъ.
Премудрости ль Творца вселенной
Припишется такой уставъ,
Что бъ лучшее его творенье
Могло низпасть въ уничтоженье,
Влача коротской, жалкой вѣкъ,
Объятый всюду хлопотами?
Уже ль быть съѣденнымъ червями
Здѣсь только созданъ человѣкъ?

Нѣтъ! мудраго Творца желанью
Законъ такой не будетъ любъ,
Что бъ лучшему его созданью
Преобразится въ гнусной трупъ!
Не здѣсь лишь нашей жизни точка:
Плотская наша оболочка
Земля и въ землю отойдетъ;
Но духъ ей правящій, чудесной —
Сокрытый въ ней, хоть неизвѣстной,
Конечно съ ней не пропадетъ.

Не льзя иначе будетъ, здраво,
Съ Творцемъ премудрость согласить;
Прилично ль дѣйствію дать право
Своей причины лучше быть:

(*) Извѣстное музыкальное твореніе Гайдена.

По правиламъ земли законовъ
Давно изтлѣлъ ужъ трупъ Невтоновъ;
Но что онъ сдѣлалъ, то живетъ
И будетъ жить на свѣтѣ вѣчно;
Когдажъ творенье безконечно,
То, какъ Творецъ его умретъ?

Природы сильный обладатель,
Стихій угрюмыхъ властелинъ,
Звѣрей свирѣпыхъ обуздатель,
Умомъ и дѣломъ исполинъ;
Котораго лишь мановенье
Даетъ перунамъ направленье,
Уставы пишетъ естеству;
Который мыслію единой,
Связуя дѣйствія съ причиной,
Себя приближилъ къ Божеству;

Кому прогулкой служатъ бездны;
Кто огнь палящій раздѣлилъ;
Кто смѣрилъ вѣрно округъ звѣздный,
Кто выше облакъ воспарилъ,
Отверзъ природы сокровенность,
Постигъ порядка постепенность,
Позналъ: что есть добро и зло;
Кто въ глубь спускался Океана;
Кто буйность испыталъ волкана,
Въ міры проникъ черезъ стекло;

Кто образъ творческія силы,
Рожденный свѣтомъ обладать, —
Не можетъ для одной могилы
Носить изящности печать —
Достоинъ лучшаго предмета. —
Не наша бѣдная планета

Его всѣхъ подвиговъ вѣнецъ —
Все грубо здѣсь предъ нимъ и мало! —
Не здѣсь стези его начало,
Не здѣсь ей будетъ и конецъ.

Но гдѣжъ тотъ край благословенной,
Обитель вѣчная духовъ,
Гдѣ въ жизни прочной, непремѣнной
Нѣтъ смерти, тлѣнія, вѣковъ;
Гдѣ безконечность во мгновеньѣ;
Гдѣ намъ судьбы предназначенье;
Гдѣ мы узнаемъ, что мы суть;
Гдѣ совершатся всѣ надежды
И наши собственныя вѣжды
Чудесный узрятъ жизни путь?

Стой слабый, сынъ земли доколѣ,
Не смѣй завѣсы поднимать!
Тебѣ довольно, здѣсь въ юдолѣ,
Безсмертіе лишь угадать.
Великъ ты въ кругѣ только тѣсномъ;
Но малъ на поприщѣ небесномъ;
Твой умъ созрѣть еще не могъ,
Что бъ тайны всѣ понять судьбины:
Хоть можешь знать ты часть средины,
Конецъ съ началомъ знаетъ Богъ.

Николай Арцыбышевъ.

XXIII. ПОСЛАНІЕ КЪ В.

О странникъ жизни, какъ и я,
Съ кѣмъ въ роздыхъ иногда видаюсь,
Словоохотствомъ наслаждаюсь,

Вотъ памятца тебѣ моя
На случай, какъ въ пути устану,
Далеко отъ тебя отстану,
А можетъ и близка отсель
Моихъ своясей вѣчныхъ цѣль.

Ступай легко — въ слѣдъ за судьбою,
Не черезъ чуръ обременяй
Запасомъ плечь: чти путь гульбою!
Любуйся розой, обоняй;
Но роза колется и вянетъ!
Со вздохомъ всякъ любовь помянетъ!
Въ распутьѣ подъ ноги гляди,
Въ раздольѣ тѣшъ свободой взоры;
Коль встрѣтишъ любочестья горы,
Не высься, мимо обходи.

Безъ спутниковъ потерпишъ скуку,
Въ толпу забиться — пыль и шумъ;
Кому же дружества дать руку?
На это есть глаза и умъ,
А лучше симпатіи чувства.
Нѣтъ убѣжденія любить,
Ни драгоцѣннаго искуства
Любимыми взаимно быть.
Коснемся дружества здѣсь правилъ,
Какія кто себѣ составилъ.

„Разсудокъ — собственныхъ лишь пользъ,
„Даръ — поклоненія, власть — службы
„Тихонько требуютъ отъ дружбы:
„Другой подъ ними хоть бы ползъ,
„Имъ надобны въ насъ для дороги
„Лишъ крѣпкія плеча и ноги.„ —
Хоть вѣкъ бы одинокимъ брестъ
Ни ѣхать не хочу, ни везть!

„ Согласный съ честью добродѣтель
„ Внушаетъ страннику обѣтъ:
„ Чтобъ другъ достойный былъ предметъ
„ И скромный подвиговъ свидѣтель." —
Легко ль такого обрѣсти?
Легко ль себя такимъ вести?
Ногою въ ногу чередиться,
И первому устать стыдиться?
Одинъ — но какъ хочу — иду,
Не въ трудъ другимъ, и упаду.

„ Но кто остръ взоромъ, твердъ стопою
„ И все несетъ въ себѣ самомъ (*),
„ Тотъ не ищи себя въ другомъ,
„ Ступай вождемъ передъ толпою;
„ Возвысь до героизма духъ,
„ И человѣчества будь другъ." —
Благоговѣю предъ героемъ;
Но, слабъ и робокъ, не дерзну
Величія на крутизну:
Тамъ оглушенъ проклятій воемъ
Наполеонъ, или Терситъ
Подъ багряницей свѣтъ смѣшитъ.

И такъ коль жизни сей прохожи
Ни въ силахъ межъ собой не схожи,
Ни въ направленіи пути,
Что намъ по своему нейти:
Держась лишь добрыхъ, умныхъ слѣду,
Дѣля съ любезными бесѣду?
Другимъ — поклонъ, привѣтный взоръ,
Куда бы ни брели — просторъ;

(*) Omnia secum portat.

На спросъ, сказать, что знаемъ — рады,
Поможемъ встать, но безъ надсады.

Любезность въ бѣломъ свѣтѣ — кладъ!
Я безъ нея уму не радъ;
И красоты не премѣчаю,
И строгой доблестью скучаю.
Она свободна и нѣжна,
Къ восторгамъ, къ наготѣ брезглива;
Стыдится быть одолжена,
Въ потребностяхъ не прихотлива.
Съ ней путь пріятно коротать,
Случайно невзначай встрѣчаться;
Наговориться — и опять
Съ пожатіемъ руки разставаться.

Николай Ибрагимовъ.

XXIV.

КЪ СЕРДЦУ.

О бѣдное сердце! что ты заываешъ?
Въ изтерзанной злыми бѣдами груди
Такъ бьешься уныло, какъ будто вѣщаешъ:
Нещастный! жди новой, лютѣйшей бѣды?

Ахъ! какъ мнѣ не биться печально, уныло,
Отвѣтствуетъ сердце съ кручиной, тоской:
Одно во вселенной безъ друга, безъ милой,
Какъ въ дикой пустынѣ живу сиротой.

Ты зришъ въ разрушеньи домъ отческій, милый;
Не люди въ немъ, враны зловѣщи живутъ;

Все мертво, лишь слышны ихъ крики унылы,
И воющи вѣтры въ дни бурны ревутъ.

Въ часы жъ полуночи, въ безмолвіи — грознымъ
И въ сребрянныхъ искрахъ мышиныхъ огней
Разрушенный зрится вертепомъ надгробнымъ,
Угрюмымъ, ужаснымъ жилищемъ тѣней.

Гдѣ прежде бывало цвѣты разцвѣтали,
Теперь тамъ репейникъ, крапива растутъ;
Веселья вспорхнули, взгнѣздились печали ......"
Здѣсь горькія слезы невольно текутъ.

Куда все дѣвалось? — въ тоскѣ вопрошаю:
Гдѣ ты, мой родитель, отъ сына сокрытъ?
Гдѣ ты, матерь нѣжна?... но тщетно взываю:
Въ природѣ какъ въ гробѣ, все тихо, молчитъ.

Съ лѣтъ юныхъ страдая, привыкъ я крушиться.
Веселье и смѣхи невѣдомы мнѣ —
Уныло лишъ сердце привыкло ты биться,
Не чувствовавъ радости — увы! — и во снѣ.

Но, бѣдное сердце! почто такъ страдаешъ?
Повѣдай въ подлунной что вѣчное есть?
Или, горемышно, того ты не знаешъ,
Что все что ни дышетъ, ѣстъ алчная смерть?

И царства огромны упали въ руины,
Какъ домикъ сей нашихъ любезныхъ отцовъ;
Безмольны и мрачны, какъ холмы могильны,
Сокрытыя въ дебряхъ дремучихъ лѣсовъ.

Планеты небесны, міры изчезаютъ;
Звѣздъ многихъ невидно уже и слѣда —
Горящія солнцы на вѣкъ потухаютъ,
Какъ бы не сіяли они никогда!

Все время уноситъ, все другъ мой, не вѣчно!
И мы Крона злова падемъ подъ косой!
Сей мѣсяцъ сребристой, свѣтило любезно
Возблещетъ надъ нашей могилой съ тобой.

Тогда насъ сокрытыхъ земли во утробѣ
Не станутъ ужь больше злы люди терзать. —
Спокойся, о сердце! жизнь мигъ — а во гробѣ
Забудешъ нещастья, перестанешъ страдать.

Николай Враскій.

XXV.

КЪ ЮНОШѢ,

оставляющему родину.

О Юноша! и ты стремишся за мечтами,
Которыми тебѣ незнаемый край льститъ,
Неопытность твой путь усѣяла цвѣтами,
Чужая сторона надеждою манитъ.

О юноша! и ты охотно оставляешъ
Родимый край, родныхъ, товарищей, друзей;
Въ очарованіи себѣ лишь представляешъ,
Что узришъ новый свѣтъ, найдешъ иныхъ людей.

О юноша! уже восторгомъ упоенный,
Не ѣхать, но летѣть желалъ бы вѣрно ты;
Ужели въ сердцѣ глась не слышишь сокровенный:
„Надежды юныхъ лѣтъ — прелестныя мечты."

О юноша! повѣрь, искать напрасно станешъ
Въ чужой странѣ эдемъ, которымъ ты плѣненъ;

Повѣрь, подъ часъ своихъ друзей, родныхъ вспомянешъ,
И тотъ суровый край, въ которомъ ты рожденъ.

О юноша! повѣрь, самъ опытомъ узнаешъ,
Что подъ луной нигдѣ безъ горя щастья нѣтъ;
Развратъ, которой здѣсь быть можетъ проклинаешъ,
Гораздо болѣе тебя тамъ ужаснетъ.

О юноша! тамъ болѣе друзей невѣрныхъ,
Безчувственныхъ людей и мнимыхъ мудрецовъ;
Тамъ болѣе еще любовницъ лицемѣрныхъ,
Неправедныхъ судей, коварныхъ и льстецовъ.

О юноша! и тамъ бываютъ непогоды,
И тамъ мрачитъ туманъ небесную лазурь;
Всѣ тѣ жъ увидишъ тамъ ты ужасы природы:
Нѣтъ, нѣтъ не избѣжишь и тамъ душевныхъ бурь.

О юноша! но тамъ, тоскою угнетенный,
Кому повѣдаешь печали ты свои?
Къ кому прибѣгнешь ты внутрь сердца огорченный,
Гдѣ будетъ нѣжный другъ — гдѣ сродники твои?

О юноша! когда надъ пропастью глубокой
Прикрытой розами ты будешь вкрай стоять,
Кому предостеречь тебя въ странѣ далекой?
Кто слабаго тебя тамъ будетъ подкрѣплять?

О юноша! но ты плѣнился такъ мечтою,
Что дружескихъ уже моихъ не внемлешь словъ,
Прости жъ, о юноша! прости, да надъ тобою
Всевышній свой простретъ невидимо покровъ.

Анна Наумова.

XXVI.

БАСНИ.

I. *Лафонтенъ и Стрекоза.*

О вы, кому дано къ красамъ природы чувство
И выражать его — пріятное искуство,
Любимцы Музъ! на васъ богатство не глядитъ,
Вамъ мудрость о быту хозяйственномъ твердитъ,
А умъ и быль сложилъ на счетъ вашъ, имъ въ подслугу:
Позвольте — бѣдному жъ — за васъ вступиться другу!
Однажды въ красный день,
Весною
Добросердечный Лафонтенъ
Имѣлъ бесѣду съ стрекозою.
Бѣда съ безпечностью твоей,
Сказалъ онъ ей:
Ты нѣжишъ вкусъ, поешь, гуляешъ,
Твое одно — теперь;
О будущемъ не помышляешъ.
Я съ завистью смотрю — и за тебя жъ повѣрь —
На муравья на скопидома:
Какъ онъ запасливъ для зимы! —
Различныхъ съ нимъ талантовъ мы,
Жузжитъ пѣвица несѣкома:
Онъ пресмыкается; я хоть куда порхну.
Онъ нѣмъ и безъ ушей, лишь копитъ лишь хлопочетъ
Въ свой долгой, скучной вѣкъ — я пропою весну,
Натѣшусь лѣтомъ и засну:
Такъ пусть его живетъ, и какъ, и сколько хочетъ.

Николай Ибрагимовъ

2. *Преступленіе и наказаніе.*

О живописецъ — моралистъ,
Гогардъ! пиши, иль мнѣ дай кисть.
Я вижу въ отдаленье
Бѣгуще преступленье:
Бѣжитъ, но всякой часъ назадъ
Отчаянный вращаетъ взглядъ,
И озираетъ разстоянье,
Не близко ль идетъ наказанье.
А наказаніе растетъ въ своемъ пути,
И начинаетъ все шагистѣе итти.
Я тяжкіе его слѣды глазами мѣрю,
И по прогрессіи сужу и твердо вѣрю,
Что рано ль, поздо ль, наконецъ
Настигнетъ беглеца ловецъ.

Его же

3. *Ягненокъ съ своей Матерью.*

(изъ Флоріана)

Ягненокъ на лугу близь матери рѣзвился,
Природы — и своей весною веселился;
А мать съ бугра на бугорокъ
Невинность взоромъ провожая,
Сказала воздыхая:
Играй, мое дитя! утѣхамъ кратокъ срокъ.
Увы! тебѣ жестокой рокъ
Насильной смертью угрожаетъ.
Вотъ, можетъ быть, теперь
Тебя въ лѣсу подстерегаетъ
Волкъ — кровожадный звѣрь.
Но пусть, первъ матерня надзора!

Не будешь ты добычей вора:
Увы! что ждетъ тебя потомъ?
Едва лишь подрастешь, и на челѣ младомъ
Рога — знакъ мужества и силы —
Приосанятъ твой образъ милый;
Тогда хозяинъ нашъ, опаснѣйшій злодѣй,
Мясникъ ножемъ вооруженный,
Не внемля горести моей,
Прерветъ твой вѣкъ несовершенный.
О! естьли бъ за тебя могла я послужить
Той жертвой, коею себя онъ насыщаетъ...
— Ахъ, маменька! въ слезахъ ягненокъ отвѣчаетъ,
Нѣтъ, нѣтъ! мнѣ васъ не пережить.

Любовь къ родителямъ, святой законъ природы!
Съ тобой мы ангелы въ младенческие годы;
Ты нравы, честь ростишь въ сердцахъ младыхъ людей,
Въ тебѣ лишь — полубогъ является Еней.

Его же.

4. *Лисица и Драконъ.*
(изъ Федра)

Лиса готовя нору,
Вкопалась въ гору,
И въ самой глубинѣ
Дорылась пропасти подземной,
Холодной, смрадной, темной,
Которыя на днѣ
Драконъ въ безмолвіи, наединѣ
Корпѣлъ надъ грудами сребра и злата.
Ахъ, государь! — прошу, — помилуй, — виновата:
Я твой
Нарушила покой!

Но, хоть сей часъ же смерть мнѣ бѣдной будь готова,
Все дѣло случая слѣпова,
А не намѣренія злова.
Сокровищъ ли хотѣть твоихъ?
Лиса не знаетъ толку въ нихъ!
Я даже бы спросить посмѣла, не въ досаду:
Какую можешъ самъ ты здѣсь вкушать отраду
Въ уединеніи, въ безсонницѣ, въ потьмахъ?
Иль чаешъ прибыли какой въ награду
За скуку и за страхъ? —
Нѣтъ удовольствія, нѣтъ пользы мнѣ ни мало,
Чудовище въ отвѣтъ сказало:
Я созданъ только лишь сокровище стеречь
И даже отъ себя беречь. —
И такъ оно тебѣ и ближнему безплодно? —
Что дѣлать! такъ судьбѣ угодно. —
О! съ позволенья твоего,
Будь проклятъ часъ рожденія того,
Кто на землѣ живетъ подобно....
Впередъ и духу здѣсь не будетъ моего!

Владѣнье... своего владѣнія
Мучитель.... самаго себя,
О скряга! здѣсь безъ затрудненья
Я намекаю на тебя.

Его же.

5. *Пѣтухъ и Жемчужина.*

Пѣтухъ прилѣжно соръ кохтями боронилъ,
Поживкой крохъ себя манилъ;
Вдругъ что то свѣтлое подъ соромъ
Своимъ озѣтилъ острымъ взоромъ:
„Не кладъ ли Богъ даетъ зерна

„Мнѣ сорочинскаго пшена? “
Мечтаетъ куролобъ голодный:
„Жемчужина . . . . о трудъ безплодный. “
И лапкою находку прочь. —

И между насъ точь въ точь
На перлъ таланта смотритъ сухо,
Кто не въ талантъ живетъ, а въ брюхо.

Его же

6. *Оселъ и Старикъ.*

Осла пасъ на лугу старикъ;
Вдругъ слышитъ въ отдаленьи крикъ.
„Не воры ли? Ахъ можетъ статься!
„Уйдемъ, оселъ! что бъ не попасться! “ —
Нѣтъ, господинъ!
Ступай одинъ:
Кому служить ни доведется,
Не по два мнѣ
Беремя на спинѣ
Носить придется. —
Ну, скотъ безмысленный! вьюкъ вьюку не чета;
„А можетъ быть, еще рубцы кнута
„Вопьются въ гладку спину
„И будешь жрать мякину. “

Его же

7. *Укушенный собакою и зритель.*

Прохожій невзначай бывъ укушенъ собакой,
Не перевѣдался съ зубастой забіякой
Ни палкою съ плеча,
Ни махомъ кирпича,
Но въ ранѣ хлѣба обмоча,
Далъ злому псу кусокъ въ подарокъ:
Онъ зналъ такой секретъ отъ бабушекъ лѣкарокъ! —

Ну ежели, дружекъ! при множествѣ другихъ,
Собакъ лихихъ —
Примолвилъ зритель —
Ты будешь етакой за зло благотворитель:
Тогда ужъ и житья не будетъ намъ отъ нихъ.

Что въ наше время такъ приказные кусаютъ?
Имъ изъстари куски бросаютъ!

Его же.

8. *ФиглярЪ и ПорокЪ.*

Заморскій фокусникъ ухватками фиглярства
Гремѣлъ по всей Москвѣ средь черни и боярства:
Ну чортъ, дескать, его искуствомъ надѣлилъ,
Иль тайно самъ его руками шевелилъ.
Вотъ не взначай Порокъ въ газетномъ прибавленьѣ
Увидѣлъ о его проказахъ объявленье,
И ревности нося внутрь сердца уязвленье,
Шасть на позорище, и въ голосъ: „ Господа!
„ На споръ, на споръ иду съ симъ мастеромъ предъ вами,
„ Кому между двоими нами,
„ По силѣ вашего суда
„ И приговора,
„ Впредь одному носить названіе провора." —
Исфоль, мой рапъ тякатца съ тфой
Притъ славна пуплика такой!
Пробормотавъ отвѣтъ осанистый нѣмчина,
Собранію кивнулъ и шаркнулъ въ знакъ начина.

Вотъ шарики съ стола беретъ въ виду гостей
Разжалъ — они исчезли изъ горстей,
А вмѣсто шариковъ вдругъ — карты очутились,
И — лентъ въ катушки обратились.
Потомъ коробочки пустыя, изподъ дна,
Невидимо наполнились пшена.

Тутъ кажетъ кошелекъ и руки всѣмъ пустыя:
Тряхнулъ — посыпались монеты золотыя.
И изъ того жъ пустаго кошелька
Его художная рука
Достала нѣсколько яичекъ
И вылупила — птичекъ.
Все словомъ дивности, съ рифалемъ въ перокоръ,
Представилъ публикѣ въ позоръ,
Какими въ зданіяхъ лубошныхъ при качеляхъ
Морочатъ о святой иль троицкой недѣляхъ.

Тогда соперникъ въ свой чередъ
Смиренно выступилъ въ передъ,
Исполнилъ должные пріемы и обряды,
Расклалъ свои снаряды.

Вотъ зеркало ко всѣмъ чудесное держитъ;
И кто въ него ни поглядитъ,
Оно обворожаетъ
Надеждой сладкой всѣхъ;
Всякъ въ будущемъ воображаетъ
Авось, удачу и успѣхъ.

Потомъ со знаками подслуги и заботы
Поддѣльное письмо своей работы
Въ оффиціи приказному вручилъ
И дунуть на него просилъ.
Лишь только сдѣлалъ фукъ сговорчивый подъячій,
Вдругъ на губы ему вскочилъ замокъ висячій.
Съ минуту посмѣшивъ народъ,
Расколдовалъ опять голодный ротъ.

Тутъ вытащилъ крехтя и на столѣ поставилъ
Корзину, винами и ромомъ полныхъ, флягъ,

И нѣсколько въ нее пакетовъ картъ прибавилъ:
Махнулъ — явился крестъ окровавленныхъ шпагъ.

Потомъ рукою мѣткой въ руку ловку
Мошну мошеннику метнулъ,
Тотъ цапъ, разжалъ, взглянулъ —
Анъ держитъ...... съ петлею веревку.

Тутъ обратясь съ жезломъ къ кому то не изъ баръ,
Прибывшему... подъ судъ съ глухова воеводства:
,, Возьмите, говоритъ, сей талисманъ господства,
,, Сей Государевой довѣренности даръ. "
Но только лишь за жезлъ Грабилинъ ухватился,
Въ сѣкиру жезлъ въ рукѣ дрожащей превратился.

Потомъ взвалилъ на столъ огромный пень,
И взоръ остановя на тучномъ Езуитѣ,
Сказалъ: ,, честной отецъ! приближтесь и тро-
нитe". —
Лишь только тронулъ пень смиренникъ и степень,
Онъ разсыпается въ драгія вина, снѣди,
И полнитъ запахомъ пріятнымъ домъ *камеди*.
Порокъ коробочку игорныхъ взялъ костей
И по правамъ удачнаго обмана
Всѣ деньги отъ гостей
Перемѣтались въ глубь его кармана.

Тутъ вынулъ маленькой портретъ
И подалъ моднику, которой въ цвѣтѣ лѣтъ
Смотрѣлъ уныло
И видѣлъ хило:
,,Не правда ль, что сіи черты
,, Видъ совершенной красоты?
,, Вотъ взоры пламенны и нѣжны,
,, Вотъ груди бѣлоснѣжны!

Возьмите же, я вамъ красавицу дарю."
Тотъ взялъ съ кивкомъ, съ словцомъ: благодарю!
И къ носу поднося портретецъ, жмуритъ вѣки,
Что жъ видитъ на рукѣ? — конфекты... изъ аптеки!

Червонецъ, спрятанный въ мошну ростовщика,
Вмигъ самъ-тридцатъ разкрытый уродился;
И шелегъ самъ тридцатъ въ рукахъ его сынка
Изъ тѣхъ червонныхъ очутился.

Въ рукахъ порока сей златой кружокъ
Хозяина или гостей съ соизволенья
Принять всѣ образы, какъ оборотень, могъ;
Окромѣ — къ ближнему любви и сожалѣнья;
И что ни видѣли, являвшееся вновь,
Ни мало съ прежнимъ не имѣло сходства.

Порокъ снискалъ себѣ всеобщую любовь
И въ мастерствѣ почтенъ достойнымъ превосходства;
Фигляръ и самъ признался напрямки,
Какъ бѣдный ни стыдился,
Что онъ въ ученики
Къ пороку не годился.

(Изъ Ге.)

Николай Ибрагимовъ.

9. *Волкъ и Лисица.*

Волкъ видя, что пастухъ овецъ своихъ стрижетъ,
Лисицѣ говорилъ: что кумушка ты скажешъ:
Ужель тому ушей ослиныхъ не привяжешъ,
Съ скотины кто своей вдругъ кожи не сдеретъ?
Лиса подумавши дала ему отвѣтъ:
Коль правду кумонекъ сказать не постыдимся;

Мы оба въ пастухи съ тобою не годимся.
Съ привычкой нашею кто стадо сбережетъ?

Савва Москотильниковъ.

10. *Притча. Дитя.*

Въ каретѣ золотой, открытой,
Съ блестящей свитой
Царь шествіе имѣлъ
Владѣнья своего въ предѣлъ
(Мнѣ прямо неизвѣстный)
Дорогой узинькой, проселочною, тѣсной,
Межъ малыхъ деревень,
Гдѣ въ рѣдкой рѣдкой день
Смиренныя крестьянки
Повозку видѣли иль санки.
Какъ слѣдовалъ сей пышный царскій ходъ,
У маленькихъ воротъ
Дитя играло,
И вовсе не видало,
Какъ царь настигъ.
Малютка въ тотъ же мигъ
Бѣжать съ дороги,
Но трусость слабы ноги
Подшибла у него какъ страшная гроза.
Дитя закрывъ свои рученками глаза,
Стоялъ такъ скрытый мнимо,
Пока Монархъ проѣхалъ мимо.
Какъ радъ дитя, что царь найти его не могъ!

Дитя въ сей притчѣ — мы, а царь всевидѣцъ Богъ.

Степанъ Руссовъ.

XXVII.

П Ѣ С Н И.

I.

Вопитъ бѣдная кукушечка,
Ни на часъ ей перемолку нѣтъ;
Стонъ пускаетъ во весь темный боръ;
Будто внемлетъ ей безмолвіе,
Листъ не шепчетъ, не шелохнется.
Грусть отрадна — слушать вопль ея!
Мнится, слышу мнѣ товарища;
Знать и ей противенъ бѣлой свѣтъ,
Бѣдно сердце змѣй-тоска сосетъ.

Ахъ! не вѣрить бы чувству льстивому;
Что на вѣкъ мила буду милому,
Не померкли бы у несчастныя
Отъ горючихъ слезъ очи ясныя,
Воздыханія бы тяжелыя
Не гнели моей груди бѣлыя.

Но тоска бѣдѣ не поможетъ:
Кто неволею милъ быть можетъ!
Утѣшаюсь лишь, что не вѣки
Мнѣ лить горькія слезны рѣки;
И несчастному легчитъ время;
И съ меня падетъ жизни бремя.

Тогда, о блаженство! — тоски свободясь,
Почію сномъ крѣпкимъ, на вѣкъ, безъ пробуду;
Иль, можетъ быть, къ жизни иной возродясь,
Иная и встану, любовь позабуду.

Николай Ибрагимовъ.

---

2. (*Пѣсня Гуанховъ*)

Молодыя красавицы! страшитесь лукавцевъ;
Не внимайте признанью ихъ, не вѣрьте ихъ клятвамъ.
Страсть прямая безмолствуетъ, робка и стыдлива:
Ненеданъ уговаривалъ склониться Зораю:
„О пастушка! давно моимъ ты сердцемъ владѣешъ;
„Не могу безъ твоей любви жить болѣ на свѣтѣ.„
Онъ вздохнулъ и съ умильностью пожалъ у ней руку.
Ахъ, могла ли противиться невинность красавцу?
Безразсудная — пить ему дозволила жадно
Медъ любви на устахъ своихъ: дыханье пастушки
Въ восхищеньи слiялось съ дыханьемъ счастливца.
Но увы! Ненеданъ потомъ сокрылся за горы,
И оставилъ на вѣки ту, которая сердцемъ
Провожала невѣрнаго. — Зорая въ разлукѣ
Должна вѣкъ горьки слезы лить, стенать и терзаться;
Ужъ блаженствомъ любови ей впредь не наслаждаться,
Ибо нѣтъ для другой любви другова въ ней сердца.
Одна смерть лишь несчастную на вѣкъ успокоитъ:
Но когда ея прахъ съ костьми смѣшается предковъ,
Будетъ ли Ненеданъ тогда могилы достоинъ?

Николай Ибрагимовъ.

3. (*Подражанiе польской*).

Вечеркомъ красна дѣвица
На прудокъ за стадомъ шла;

Черноброва, бѣлолица
Такъ гуськовъ своихъ гнала:
Тига, тига, тига
Вы гуськи мои домой.
Не ищи меня богатый,
Ты постылъ моей душѣ,
Что мнѣ, что твои палаты?
Съ милымъ рай и въ шалашѣ.
Тига, тига, тига
Вы гуськи мои домой.
Насъ однихъ для насъ довольно,
Все любовь намъ замѣнитъ;
А сердечны слезы больно
Черезъ золото ронить.
Тига, тига, тига
Вы гуськи мои домой.

Николай Ибрагимовъ.

4. (*Романсъ.*)

Какъ бѣдный странникъ я по свѣту
Брожу безъ цѣли, безъ конца;
Брожу — нигдѣ приюту нѣту,
Заперты двери и . . . . сердца.

Нѣтъ друга — спутника въ пустынѣ,
Ни молвить не съ кѣмъ, ни вздохнуть;
Среди толпы, какъ наединѣ
Моей свершаю жизни путь.

Однажды встрѣтилъ милы взоры,
Услышалъ ласковый привѣтъ,
Вступилъ съ довѣрьемъ въ разговоры
Нашелъ содружества предметъ.

Душа моя за ней стремилась
Съ обѣтомъ вѣрности, но вдругъ
Полина съ шуткой удалилась:
Ей по разщету нуженъ другъ!

О льстивый свѣтъ, воображенье!
Скорѣе въ пропасть заведи,
Окончи скучное блужденье,
Отъ бремя жизни свободи.

Николай Ибрагимовъ.

5

Ахъ, вы ясны очи,
Милы сердцу взгляды!
Ни во дни, ни въ ночи
Нѣту мнѣ отрады;
Нѣту мнѣ покою,
Все вы предо мною
Съ вашей красотою.
Я во снѣ васъ вижу,
На яву мечтаю,
Рвусь, крушусь, страдаю
И жизнь ненавижу.
Долго ль за тобою,
Милая ходити?
Милости просити?
Сжалься надъ судьбою
Моею несчастной,
Обрати взоръ страстный;
Молви мнѣ умильно,
Что я милъ взаимно.

Николай Ибрагимовъ.

6. Романсъ.

(подражаніе)

Я счастлива была въ невинности безпечной,
Когда, не знавъ людей, сама съ собой жила.
О дѣтства вѣкъ златой! ты мигъ былъ быстро-
течной . . . . .
Я счастлива была!

Я счастлива была и въ юношески годы,
Когда слезъ горестныхъ сердечныхъ не лила,
Каталась по рѣкѣ, играла въ хороводы.
Я счастлива была!

Я счастлива была, когда съ моей подругой
Сидя подъ липками, вѣночекъ ей вила;
За лаской ласка въ слѣдъ, услуга за услугой.
Я счастлива была.

Я счастлива была, когда бывъ вдохновенна
Безвѣстнымъ геніемъ, вдругъ лиру я брала,
Героевъ иль друзей воспѣть уединенно.
Я счастлива была!

Я счастлива была, когда часы златые
Въ бесѣдѣ дружеской съ любезными вела . . . . .
Ахъ, горько вспоминать потери дорогія,
Какъ счастлива была!

Анна Наумова.

7. (пѣснь пира)

Въ слѣдъ одинъ другому
Быстро дни летятъ;
Къ брегу такъ морскому
Вѣтры — волны мчатъ.

Младость пролетаетъ
Какъ веселый часъ;
Старость догоняетъ
Скорымъ шагомъ насъ.

Истощимъ утѣхи,
Пресытимся всѣмъ;
Радость, игры, смѣхи
Множьтесь съ каждымъ днемъ.

Насладившись міра
Такъ съ него уйдемъ,
Какъ съ роскошна пира
И потомъ — заснемъ.

Сергѣй Аксаковъ.

8.

За престолы въ мірѣ
Пусть льютъ бранну кровь;
Я на тихой лирѣ
Буду пѣть любовь.
Нелюбя на свѣтѣ
Лучше умереть
Естьли что въ насъ злѣе
Другъ друга губить,
Естьли что милѣе
Пламенно любить.
Нелюбя на свѣтѣ
Лучше умереть.
Въ юности ль прелестной
Должно тигромъ быть?
Нѣтъ! — Творецъ небесный
Создалъ насъ любить.

Нелюбя на свѣтѣ
Лучше умереть.
Сладкихъ восхищеній,
Щастія боговъ,
Райскихъ наслажденій
Ты творецъ — любовь.
Нелюбя на свѣтѣ
Лучше умереть.

Сергѣй Аксаковъ.

9.

Въ тишинѣ уединенной
Жизнь нещастную веду,
Позабытъ я всей вселенной,
Щастье въ смерти лишь найду.

Ты подруга лѣтней нощи,
Блѣдносвѣтлая луна,
Лѣсъ, луга — и темной рощи
Мракъ безмолвный — тишина!

Не услышите вы вѣчно
Вздоховъ горестныхъ моихъ,
Хоть страдаю я сердечно
Въ лютой грусти, въ мукахъ злыхъ.

Ручеекъ, что по лужечку
Быстро льешся и журчишъ
И подъ холмикомъ къ кусточку
Воду чистую струишъ!

О тоскѣ души унылой
Не скажу тебѣ, смолчу,
И тебя ручей мой милый
Я слезой не возмущу.

Не скажу я вѣтерочкамъ:
Мчитесь вы по всѣмъ мѣстамъ;
По дубровамъ, по лѣсочкамъ,
По долинамъ, по лугамъ.

Не скажу я вамъ: сыщите
Ту, которую люблю,
И тихонько ей шепните,
„Что я въ жизни адъ терплю,

Что съ унылою душою
Въ жалкой участи грущу
И сердечнаго покою
Тщетно я вездѣ ищу.

Что красотъ ея любезныхъ
Образъ въ памяти храня,
Я въ страданьяхъ безполезныхъ
Рвусь и мучусь жизнь кляня."

Нѣтъ въ моей ужасной долѣ
Не могу ее винить;
Нѣтъ, не въ нашей это волѣ,
Ненавидѣть и любить.

Не богатъ я и не знатенъ,
Не забавенъ, не остеръ,
Мрачный видъ мой непріятенъ,
Рѣчь уныла, томенъ взоръ.

Что роптать мнѣ на судьбину?
Не могу я счастливъ быть;
Но умѣю лишь Кларину
Страстно, искренно любить.

Гавріилъ Каменевъ.

XXVIII. О СЛОВЕСНОСТИ (Литтературѣ).

Часто случается намъ въ общежитіи знать кого либо только въ лице, не зная ни имяни, ни состоянія его. Тогда мы, говоря объ немъ съ другими, только такимъ же образомъ его знающими, стараемся какъ можно яснѣе отличать его отъ прочихъ по наружнымъ его примѣтамъ. Кто не чувствуетъ, сколько затруднителенъ такой способъ сообщенія своихъ понятій? Чемъ большее встрѣчается число сходныхъ между собою предметовъ, тѣмъ затруднительнѣе бываетъ такое объясненіе ихъ другимъ людямъ, кои сами обстоятельно не понимаютъ оныхъ. Для яснѣйшаго же понятія о вещахъ должно разсматривать оныя во *всѣхъ принадлежностяхъ, свойствахъ* и *отношеніяхъ*; ибо смѣшеніе разныхъ понятій бываетъ причиною многихъ заблужденій. Для избѣжанія таковой сбивчивости мы стараемся давать вещамъ и самымъ объ нихъ понятіямъ такія названія, которыя въ одномъ словѣ могли бы совмѣщать главнѣйщія принадлежности, свойства и отношенія называемыхъ предметовъ. Чемъ богаче какой либо языкъ такими словами, тѣмъ онъ ближе къ своему совершенству: но такой языкъ свойственъ только народу уже возмужавшему; ибо дѣти не умѣя съ точностію назвать вещь, или указываютъ на присутствующій предметъ или описываютъ отсутствующій многими уже затверженными словами.

Кто не говоритъ и не пишетъ о *словесности*? но всегда ли съ надлежащимъ вниманіемъ, разсмотрѣніемъ и съ точностію? На сей вопросъ отвѣ-

чать нетрудно. Ибо иногда унижают Словесность до однихъ упражненій въ языкѣ и слогѣ; а иногда возвышают ее на степень всеучености и требуют от словесника, чтобъ былъ обстоятельно знакомъ со всѣми отдѣленіями наукъ и человѣческихъ знаній. При такихъ требованіяхъ опять бывает довольно странное предубѣжденіе, будто какое нибудь произведеньице больше или меньше удачное въ стихахъ, или въ прозѣ, подражаніе ли оно, или переводъ, или собственное сочиненіе, должно почитать доказательством основательной учености или знанія достоинства и духа словесности; а что еще болѣе (когда въ прочихъ частяхъ наукъ согласно принято за важное правило: *дѣло мастеръ боится)*, то въ Словесности и въ томъ, что до нее касается, каждый почитает себя какъ бы уполномоченнымъ, а мечтанія свои неоспоримою истинною. А по тому не будет безполезно въ сословіи *общества Любителей Отечественной словесности* обратить вниманіе на сіе объясненіе столь сбивчиваго вообще понятія о Словесности; тѣмъ паче, что взирая съ ложной точки на сей предмет, можно опасаться совращенія съ истиннаго пути и въ самыхъ упражненіяхъ, къ нему относящихся.

Мало намъ здѣсь поможет знаніе первоначальнаго значенія слова: *Литтература* (*Litteratura*), которое рѣдко употребляли хорошіе Римскіе писатели: развѣ еслибы кто захотѣлъ введенное и въ новые языки, какъ увидимъ ниже, многозначеніе онаго показать въ самомъ источникѣ. — Такъ Цицеронъ въ одномъ изъ своихъ Риторическихъ писемъ подъ словомъ *Литтература* разумѣлъ не то

иное, какъ только науку *букволисанія*, помня, что оно происходитъ отъ слова *littera (буква письмо)*.

,, Num quidnam de oratore ipso restat? nil sane praeter memoriam, quae est gemina *litteraturae* quodammodo et in dissimili genere persimilis: nam ut illa constat ex *notis litterarum*, et ex eo, in quo imprimantur illae notae, sic confectio memoriae tanquam cera, locis utitur, et in his imagines, ut litteras, collocat. *Partit. Orat. c. 7.*	Развѣ что остается отъ самаго витіи? подлинно ничего кромѣ памяти, которая какъ бы подруга *Литтературы* и въ неподобномъ родѣ весьма подобна. Ибо какъ оная состоитъ изъ знаковъ литеръ (буквъ) и изъ того, на чемъ сіи знаки изображаются, такъ и память, подобно воску, требуетъ мѣстъ, и изображаетъ на нихъ виды, какъ буквы.

Въ подобномъ же значеніи оное слово встрѣчается и въ *Сенекѣ*:

,, Prima illa, ut antiqui vocant *litteratura*, per quam pueris elementa traduntur.	Первая, такъ называемая у древнихъ Литтература (азбука), по которой преподаютъ дѣтямъ начатки ученія.

Мартіанъ *Капелла* приводитъ сіе слово въ простомъ значеніи *букволисанія*. Грамматика говоритъ у него какъ лице:

,, Mihique attributum litterarum formas propriis ductibus lineare: hincque mihi Romulus Litteraturae nomen adscripsit. (de nupt. Philol. c. 3.)	А мое дѣло: изображать *литеры* свойственными чертами; и потому-то Римлянинъ наименовалъ меня Литтературою

Сія достойная Мартіана выдумка, если сравнить ее съ вышеприведенными словами Сенеки: *ut antiqui vocant* (такъ называемая, т. е. *Аиттература*, у древнихъ), кажется объясняетъ, что такое значеніе сего слова было самое древнее у Римлянъ, однакожъ не единственное; ибо у *Квинтиліана* находимъ уже оное дважды въ пространнѣйшемъ значеніи греческаго слова: *Грамматика* отъ корня: gramma — буква, littera, происходящаго.

„Et grammatice, quam latine transferentes *litteraturam* vocaverunt, fines suos „novit.	И Грамматика, которую въ Латинскомъ переводѣ называли *Аиттературою* знала свои предѣлы.

Quint. Instit. Orat II. I. 4.
Coll. II. 14. 3.

Цицеронъ, во 2-й своей Филиппикѣ, сравнивая Антонія съ Цезаремъ, употребилъ оное слово въ такомъ мѣстѣ и въ такомъ значеніи, что онъ не иное разумѣлъ, какъ только *науки вообще* и *просвѣщенность*, или образованіе ума:

„Fuit in illo (Caesare) ingenium, ratio, memoria, *Litteratura*, cogitatio, diligentia. C. 45.	Онъ (Цезарь) имѣлъ умъ, разсудительность, память, знаніе въ наукахъ (Литтературу), размышлялъ и былъ прилѣженъ.

Новѣйшіе образованные народы въ употребленіи слова *литтература* кажется придерживаются значенія латинскаго же слова: *Litterae*: въ пространнѣйшемъ смыслѣ означающаго *словесныя науки*, хотя примѣняютъ оное и ко многимъ понятіямъ. — Въ нашъ языкъ могло оно войти, вѣроятно, изъ нѣмецкаго или Французскаго языка и не ранѣе 2-й

половины 18-го вѣка, когда начали у насъ болѣе заниматься переводомъ иностранныхъ книгъ: названіе же литтературы словесностью появилось въ послѣдней четверти тогожъ вѣка, когда ощутительнѣе стало очищеніе Россійскаго языка отъ иностранныхъ словъ. Въ прочемъ, если бы можно было чѣмъ либо доказать правописаніе отца Россійской Исторіи Нестора, въ лѣтописцѣ коего Славяне именуются *Словене*; какъ сіе ближе подходитъ къ названію существующаго и нынѣ одного славянскаго племени *Словаковъ*: тогда можно было бы съ большею основательностію принять и то мнѣніе нѣкоторыхъ, что самое названіе предковъ нашихъ произошло не отъ *славы*, но отъ *слова*; ибо оно показывало бы только то, что они симъ названіемъ свои племена другъ друга понимающіе или свой языкъ, отличали отъ иноплеменныхъ, несловянъ, коихъ вообще называли *нѣмцами*, т. е. въ отношеніи въ себѣ какъ бы нѣмыми: такъ Греки и Римляне называли всѣхъ прочихъ народовъ *варварами*.

Но *Словесность* въ славено-россійскомъ языкѣ имѣетъ гораздо пространнѣйшее значеніе, нежели Литтература. Ибо чрезъ сіе слово можно разумѣть и *даръ слова*, то есть: то особенное преимущество человѣка, которымъ Творецъ благоволилъ отличить его отъ всѣхъ прочихъ живыхъ тварей, называемыхъ безсловесными. Сію словесность изображаемую на письмѣ нѣкоторые пытались у насъ назвать *письменностью*. Таковое выраженіе ближе было бы къ буквальному значенію слова: *Литтература*: но оно давало бы сбивчивое понятіе и смѣшивалось съ значеніемъ вообще *всего*

писаннаго, либо *переписки*, т. е. письменнаго сношенія, которое можетъ и не можетъ принадлежать къ словесности. Въ малороссійскомъ нарѣчіи есть прилагательное имя: *письменный*, т. е. грамотный человѣкъ: но сіе качество еще далеко отъ *словесника* (Литтератора) или отъ словесности (Литтературы).

Какъ бы то ни было, *Литтература* имѣетъ три главныя значенія: 1-е Словесность одного или многихъ народовъ. 2-е Словесность одной науки, одного искуства, или всѣхъ наукъ и искуствъ вообще. 3-е Риторика, Піитика и всѣ сочиненія подлежащія суду ихъ.

I. *Словесность одного народа* а) въ пространнѣйшемъ значеніи объемлетъ всѣ безъ изъятія умопроизведенія во все время его существованія, на природномъ или чужомъ, живомъ или мертвомъ языкахъ писанныя, хотя бы въ прочемъ писатели сего народа находились въ одной странѣ и подъ однимъ правительствомъ или въ разныхъ государствахъ. — б) Въ тѣснѣйшемъ смыслѣ Словесностью одного народа почитается собраніе только собственныхъ, т. е. на природномъ языкѣ письменныхъ его произведеній о разныхъ наукахъ. в) Въ самомъ тѣсномъ смыслѣ Словесность, иногда называемая изящною, заключаетъ произведенія *Поезіи*, *Риторики*, *Исторіи* и *Философіи*, изъясненныя общепонятнымъ образомъ на природномъ языкѣ: ибо въ нихъ-то наипаче изображается духъ вѣка и народа. Сію истину можно яснѣе видѣть при разсматриваніи нашей отечественной словесности въ семъ смыслѣ, наипаче въ теченіи послѣдняго бурнаго для

всей Европы четырехлѣтія. Храмы Божіи и храмы наукъ безпрестанно отзывались побѣдными пѣснями, когда вся Россія подвизалась на великомъ поприщѣ славы. Но во время благодатнаго мира въ оныхъ же храмахъ раздается гораздо сладостнѣйшій гласъ благодареній Вышнему за благоденствіе народа, которое одно только оживотворяетъ науки.

Въ сихъ разныхъ отношеніяхъ названіе словесника можетъ имѣть право единственно тотъ, кто пріобрѣлъ не только возможно обстоятельное свѣдѣніе о лучшихъ письменныхъ умопроизведеніяхъ какого либо народа, по собственному своему наблюденію, но и весь подвигъ на поприщѣ наукъ тогожъ народа, съ самаго начала обозрѣлъ философскимъ окомъ *внутренней* и *внѣшней* исторіи Словесности (*) онагожъ народа; кто во всѣхъ или только въ послѣдне означенныхъ частяхъ ея основательно ее изслѣдовалъ: кто важность и достоинство лучшихъ твореній, коихъ собраніе обыкновенно разумѣется подъ свойственнѣйшимъ названіемъ Словесности, способенъ оцѣнить обстоятельно и справедливо.

(*) Внѣшняя Исторія — здѣсь разумѣется историческое познаніе объ однихъ письменныхъ твореніяхъ, о писателяхъ, относительно къ жизни и свѣдѣніямъ въ наукахъ, къ обстоятельствамъ, въ коихъ они писали, наконецъ ко всему тому, что приготовляетъ къ порядочному полученію пользы отъ трудовъ и произведеній ихъ — къ наслажденію оными.

Внутренняя Исторія содержитъ въ себѣ основательное знаніе о началѣ, возрастаніи, процвѣтаніи и упадкѣ словесности въ разныхъ отрасляхъ ея.

Оба сіи отдѣленія составляютъ вмѣстѣ общую ученую Исторію и порознь обыкновенно называются біо и-библіо — графіею описаніемъ жизни и твореній ученыхъ) и Исторіею наукъ.

II. *Словесностью одной науки или одного искуства* называютъ собраніе большихъ или меньшихъ произведеній и такихъ сочиненій, въ коихъ представляются науки, или искуства во всемъ пространствѣ ихъ вмѣстѣ, или порознь главныя и побочныя части, отдѣленія и члены, съ большею или меньшею обстоятельностію бываютъ описываемы, разбираемы и объясняемы, и которыя почитаются или свойственными источниками, или вспомогательными и къ изученію оныхъ относящимися сочиненіями. Въ семъ значеніи, какъ удобно можно видѣть, и самая Словесность, принимаемая какъ предметъ человѣческихъ познаній, имѣетъ опять собственную *свою словесность*: т. е. разсудительное и систематическое свѣденіе какъ о тѣхъ сочиненіяхъ, кои составляютъ собственную общую и частную словесность, одного или многихъ народовъ; такъ равно и о тѣхъ, которые показываютъ путь къ основательному познанію и безпристрастному оцѣненію ихъ во всѣхъ отношеніяхъ, имѣющихъ столь сильное и значущее вліяніе на образованіе и свойство словесности. Колико важно и необходимо нужно такое ученое знаніе, а особливо, когда оно не составляетъ одной только росписи книжной, но представляетъ видъ и сущность главнѣйшихъ предметовъ, выбранныхъ, обсуженныхъ и въ надлежащій порядокъ приведенныхъ, такъ, что бъ сіе соотвѣтствовало цѣли и системѣ пріобрѣтенія познаній и самой словесности; — сіе весьма очевидно, и должнобы привлекать вниманіе наипаче учителей и учащихся въ высшихъ заведеніяхъ гораздо болѣе, нежели какъ обыкновенно бываетъ.

Въ семъ двоякомъ доселѣ изъясненномъ здѣсь значенiи названiя *Словесности* и *словесника* (литтературы и литтератора) наипаче и почти исключительно употребляются у Нѣмцовъ. И дѣйствительно ученымъ нѣмецкимъ должно воздать особенную честь, что они словесность въ семъ смыслѣ, во всѣхъ частяхъ оной обогатили болѣе или менѣе предметовъ объемлющими сочиненiями; они издавна отличаются основательностiю, точностiю и ученымъ въ собиранiи прилѣжанiемъ, разборчивымъ изслѣдованiемъ и философскимъ духомъ. Кому изъ словесниковъ не извѣстны имена и ученые въ семъ родѣ труды столь часто упоминаемыя: *Моргофа* (Morhof), *Геснера* (Gesner), *Геймана* (Heimann), Бруккера (Brucker), I. A. *Фабрицiуса* (Fabricius), *Гамбергера* (Hamberger), *Iехера* (Jöcher), *Сакса* (Saxe), *Гарлеса* (Harles), *Оберлина* (Oberlin), *Дениса* (Denis), *Мейзеля* (Meusel), *Ейхгорна* (Eichhorn), *Бредова* (Bredow), *Нессельта* (Nesselt), *Шпренгеля* (Sprengel), *Геерена* (Heeren), *Мейнерса* (Meiners), *Тидемана* (Tiedemann), *Теннемана* (Tennemann), *Буле* (Buhle), *Бутервека* (Bouterwek), и т. д. также *Беля* (Bayle), *Тирабоши* (Tiraboschi), *Денина* (Denina), *Монтукла* (Montucla), *Лагарпа* (Laharpe), *Баильи* (Baylly), *Дежеранда* (Degerando), и пр. и пр.

III. Наконецъ Французскiе писатели, которыхъ за раздѣленiе наукъ вовсе не логическое на *физическiя* и *моральныя* (Sciences physiques et morales) т. е. естественныя и нравственныя, нельзя поблагодарить, обыкновенно означаютъ названiемъ Словесности (Litterature) весь кругъ Поезiи и Красноречiя, который они иначе называютъ *Belles Lettres.* Буквальный переводъ сего названiя долго упо-

требляли Нѣмцы на своемъ языкѣ, на которомъ оно было еще страннѣе *Schöne Wissenschaften*, пока внимательнѣйшее разсужденіе не научило, что наука, какъ наука, не можетъ быть ни дурною, ни прекрасною: и для того вообще нынѣ Нѣмцы употреблять начали выраженіе *Rede-künste* — *словесныя науки*, въ соотвѣтственность названію *Bildende Künste изображательныя искуства*. Однакожъ должно здѣсь замѣтить, что на Россійскомъ языкѣ нѣмецкое названіе *Rede-künste*, буквально: *говорныя искуства* — показалось бы очень страннымъ: а словесныя науки также имѣютъ гораздо пространнѣйшее значеніе. И такъ мы подобно Французамъ и прежнимъ Нѣмцамъ употребляемъ выраженіе *изящныя науки* (Belles — lettres) для означенія піитической и риторической словесности, а для *Беллетриста* и *литтератора* не имѣемъ отличительныхъ названій, кромѣ общаго имени *словесника*. Нѣкоторые пыталась у насъ отличить прозаическую поезію отъ стиховъ, названіемъ *прекрасной прозы*; но сами тотчасъ почувствовали несвойственность сего названія. А посему намъ остается надѣяться, что когда наша отечественная словесность пріобрѣтетъ въ многоразличныхъ отрасляхъ своихъ дѣйствительно искусныхъ словесниковъ, тогда само собѣ уничтожится затрудненіе въ изобрѣтеніи свойственныхъ названій для отличенія разныхъ ихъ трудовъ и произведеній. Ибо какъ вообще самопроизвольно названіе литтературы или словесности, такъ равно представляется оно не выразительнымъ и непостояннымъ, отчасти потому, что недовольно вѣрно измѣрены предѣлы такъ названнаго *краснорѣчія*; а отчасти потому,

что невсегда извѣстно, что именно должна заключать въ себѣ словесность въ такомъ значеніи? однѣ ли вышеупомянутыя искусства или весьма хорошее знаніе піитическихъ и риторическихъ сочиненій или теорію Поэзіи и Риторики или искусное сужденіе (критику) о произведеніяхъ словесности, или наконецъ все сіе совокупно? Равнымъ образомъ невѣрно названіе словесника въ томъ смыслѣ, въ которомъ оно значитъ слишкомъ много, гдѣ только оно заимствовано съ Французскаго языка: т. е. *Литтератора.* Ибо множество встрѣчается такъ названныхъ словесниковъ, незнающихъ словесности въ первоначальномъ значеніи сего слова, т. е. такихъ, кои затвердивъ одну или двѣ едва ими понимаемыхъ пѣсенокъ, и съ трудомъ прочитавъ и переведши романъ или драму, или въ прочемъ скропавши и сами, съ высокомѣрнымъ уже чувствованіемъ своего имъ только извѣстнаго достоинства, жалостно посматриваютъ на тѣхъ медлительныхъ изслѣдователей, которые славу піита и остроумнаго писателя обыкновенно цѣнятъ гораздо дороже, и измѣряютъ иною мѣрою.

Однакожъ, когда словесность и въ семъ значеніи должна занять предназначенное ей мѣсто между науками и искуствами, изобрѣтенными и усовершенствованными человѣческимъ разумомъ, то сверхъ философски утвержденной и постояннымъ глубокомысліемъ о совершеннѣйшихъ образцахъ объясненной *Теоріи* искуствъ словесныхъ, предлежитъ ей съ тѣмъ вмѣстѣ объять и *практическое* неразлучное съ основательною критикою наставленіе о удобнѣйшемъ и успѣшнѣйшемъ въ нихъ упражненіи.

Безспорно, что *языкъ* и *слогъ*, какъ единственныя средства къ словесному и письменному представленію искуствъ со всѣми ихъ свойствами, пороками и совершенствами, должны обращать на себя въ семъ искуствѣ главнѣйшее вниманіе: но въ высочайшей степени страненъ и едва ли не смѣшонъ образъ мыслей тѣхъ людей, коимъ словесность въ семъ значеніи представляется, какъ *собраніе свѣденій, относящееся единственно къ воздѣланію языка и къ искуству хорошо писать*: т. е. это было бы тоже самое, естьли бы кто *живописью* считалъ умѣнье накладывать и подбирать краски, а пріятное росписаніе цвѣтами называлъ единственнымъ предметомъ усилій живописца въ своемъ искуствѣ. — Воображеніе, остроуміе, и ощущеніе подъ бдительнымъ и строгимъ надзоромъ проницательнаго разума и твердаго разсудка, который паче всего обнаруживается въ скоромъ постиженіи и соблюденіи приличности, т. е. во *вкусѣ*, суть истинныя творческія силы каждаго произведенія, представляемаго искуствомъ. Въ нихъ надлежитъ искать жизненныхъ стихій или того духа, который долженъ оживотворить сіи творенія. Но онымъ силамъ, чтобъ онѣ могли дѣйствовать вольнѣе и свободнѣе, какъ на пространнѣйшемъ поприщѣ, нуженъ умъ, знаніемъ и разсматриваніемъ *природы* и *человѣка*, *любомудріемъ* и *бытовѣдѣніемъ* многоразлично образованный, который по сему самому неоднократно долженъ быть многосвѣдущимъ или *измѣрять бездну всѣхъ наукъ*. Истина сего заключенія наиболѣе ощутительна при сличеніи словесности двухъ народовъ: *юнаго* или образующагося и *возмужавшаго*, или образованнаго

и просвѣщеннаго науками; и точно по одной же причинѣ, по которой замѣтна тотчасъ великая разность между сочиненіями молодаго человѣка, въ училищѣ своемъ наблюдающаго всѣ правила краснорѣчія, но пустоту свѣденій и мыслей своихъ наполняющаго, такъ сказать, однимъ *пухомъ* и *цвѣтами* выраженій, и между простымъ, но много заключающимъ письмомъ опытнаго мужа. Не оспоримо, что въ самомъ просвѣщенномъ народѣ всегда будутъ *школьники*; однакожъ мужи, зная свѣдѣнія своихъ соотечественниковъ въ наукахъ, не будутъ имѣть причины жаловаться на недостатокъ природнаго своего языка и потому писать на чужихъ языкахъ. Ибо всякой народный языкъ обогащается приобрѣтеніемъ большаго числа понятій о вещахъ, а не однимъ умноженіемъ числа писателей.

Василій Анастасевичъ.

О Д А
на
с м е р т ь
Д Е Р Ж А В И Н А.

Во вѣки Лирой будетъ славенъ
Анакреонъ и Флаккъ и Пиндаръ нашъ — ДЕРЖАВИНЪ.

„Ужъ нѣтъ его! — “ въ уныломъ стонѣ
Печальныхъ Музъ мнѣ слышенъ гласъ: —
„Ужъ нѣтъ его! — на Геликонѣ
„Россійскій свѣтлый Фаръ погасъ! —

„ Пѣвецъ любви, побѣды, — Бога
„ Чрезъ прагъ Плутонова чертога
„ Въ подземный Элизей грядетъ. —
„ На кругѣ звѣзднаго эфира
„ Затмилася небесна лира: —
„ И, ахъ! Державина ужъ нѣтъ!" —

Что слышу я? — о вѣсть жестока!
Ударъ сей душу мнѣ пронзилъ; —
И гнѣвъ непримирима рока
Вновь чашу золъ надъ мной излилъ:
Вновь вѣрнаго лишаетъ друга. —
Тамъ плачетъ нѣжная супруга,
Толпа тутъ бѣдныхъ и сиротъ. —
Неумолимая судьбина
Отъемлетъ у Россіи — сына,
У міра — образецъ добротъ.

О скорбь! — и скорби безотрадной
Мы въ горькихъ не смягчимъ слезахъ:
Рыдаемъ, — а въ могилѣ хладной
Безсмертнаго ужъ тлѣетъ прахъ:
Уста, что гимнами гремѣли,
И сердце въ коемъ пламенѣли
Любовь къ добру, — ко злобѣ гнѣвъ,
Уже холодный червь снѣдаетъ. —
Увы! все въ мірѣ поглощаетъ
Ненасытимый смерти зѣвъ. —

О смерть! и царь и рабъ презрѣнный,
Подданство всѣ равно твое;
И всѣ, какъ жертвы обреченны,
Падутъ на остро лезвее.
Равно сражая скорбь и радость,
И ветхость и красу и младость

Неприступленною косой,
Трофей ты пепломъ посыпаешь
И славны царства поращаешь
Пустыннымъ терномъ и травой.

Какъ быстрая рѣка въ долинѣ,
Черезъ кремнистый рѣя прагъ,
Коснувшися морской пучины,
Теряется въ ея зыбяхъ;
Древа, взрощенныя вѣками,
И зданья, срынуты волнами,
Мелькнувъ мгновенно, тонутъ въ ней:
Такъ вся мірская скоротечность,
Черезъ тебя вливаясь въ вѣчность,
Въ глубокой гибнетъ безднѣ сей. —

Но нѣтъ; — Мужъ Фебомъ увѣнчанный
Подъ общій не идетъ законъ: —
Какъ островъ близнеца Діаны,
Изъ безднъ морскихъ возникнетъ онъ;
На корнѣ лавра утвердяся,
Угрюмой бури не страшася,
Священное чело взнесетъ
Поверхъ пучины разъяренной;
И Аполлоновъ лѣсъ зеленой
Тамъ для вѣнковъ его взраститъ.

Или подобно водопаду,
Что съ горъ высокихъ въ долъ стремитъ
Хрустальну быстрыхъ водъ громаду,
И громомъ грома звукъ глушитъ;
Въ алмазахъ солнца лучь играетъ,
И радугу изображаетъ
Въ поднявшейся отъ брызговъ мглѣ; —
Жемчугъ клубами въ пѣнѣ льется,

И мрачный боръ сырой трясется,
Низвѣсясь на его челѣ. —

Но вдругъ зима, дохнувши мразомъ,
Падущи леденитъ ручьи:
Блестящи яхонтомъ, алмазомъ
Оцѣпенѣвъ, висятъ струи;
По нихъ сверкаетъ лучь игривый;
И разноцвѣтные отливы
Еще ярчѣе взоръ разятъ:
Ловецъ приближиться страшится,
И въ изумленьи лишь дивится,
Что не гремитъ ужъ водопадъ!

Но ты, подъ гробовой доскою,
Державинъ! гимнами гремишъ;
И поздній родъ твоей трубою,
Цѣвницей, лютнею плѣнишъ. —
Гдѣ сыщется въ пространномъ мірѣ,
Ктобъ такъ какъ ты, на звонкой лирѣ
Воспѣлъ величество Творца,
Побѣды Росса знамениты,
Волшебны прелести Хариты
И блескъ Фелицына вѣнца?

Поборникъ правды, ты святую
Всѣмъ гласно истину вѣщалъ;
Разилъ коварство, хищность злую;
Гордыни буйство унижалъ.
Въ картинахъ рѣзкихъ, иль игривыхъ,
Представилъ страсти душъ строптивыхъ,
И щастья льстиваго мечты: —
Вождей и грозныхъ память боевъ,
Монарховъ мудрыхъ и Героевъ,
И славу, обезсмертилъ ты.

Пока сіять Россія будетъ
Въ торжественныхъ вѣнкахъ побѣдъ,
Тебя потомство не забудетъ,
И имя Барда вознесетъ. —
Злый Хронъ, все въ мірѣ истребляя,
Твой памятникъ истнить желая,
Преткнется о ступень его;
И вѣчною покрытый тьмою,
Плутонъ, забвенія рѣкою
Не смоетъ лавра твоего.

Пергамъ трава ужъ заростила;
Ограды снесъ морскій разливъ;
Но славу сохраня Ахилла,
Омиръ средь насъ донынѣ живъ. —
Такъ ты, хотя бъ лѣса, пустыни,
Покрыли Росскія твердыни,
Какъ лавръ священный процвѣтешъ
Надъ падшею во прахъ державой: —
Державинъ! ты своею славой
И славу Росса переживешъ. —

Почто же слабыми стихами
Дерзнулъ безсмертнаго я пѣть? —
Омывши памятникъ слезами,
Въ молчаньи должнобъ мнѣ скорбѣть. —
Увы! — прости мнѣ, другъ любезный!
Что съ томной жалобою слезный
Изъ сердца проливаю токъ:
Прости; — и пѣснь сію унылу
Пріими, о другъ мой! на могилу,
Какъ скорбью брошенный цвѣтокъ. —

Василій Капнистъ.

Примѣчанія.

4. Фаръ — Фаросъ — небольшой островъ, близь Александріи; на немъ Птоломей построилъ высокую башню, служившую маякомъ для руководства плавателей. — Таковыя построенныя въ другихъ мѣстахъ приняли названіе фара. —

7. Элисей — жилище, опредѣляемое древними для умершихъ добродѣтельныхъ людей. —

9. Небесна лира. — На звѣздной сферѣ, въ сѣверномъ отдѣленіи находится созвѣздіе, лирою именуемое.

53. Островъ близнеца Діаны. — Мифологи повѣствуютъ, что Нептунъ воздвигъ изъ моря островъ Делосъ, для убѣжища Латонѣ, гонимой супругою Юпитера, при рожденіи Аполлона и Діаны. — По сей-то причинѣ островъ Делосъ посвященъ былъ Богу стихотворства. —

105. Злый Хронъ — Сатурнъ, означаетъ время —

109. Забвенія рѣкою. — Леѳе извѣстная адская рѣка, которой имя значитъ забвеніе. —

111. Пергамъ — тоже что Иліонъ и Троя. —

Василій Капнистъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

Въ книгѣ: *торжество общества Декабря* 12 *дня* 1814 *года.*

страни.

1. Описаніе сего торжества . . . . . 3.
2. Рѣчь Предсѣдательствующаго старшаго члена, Ильи Яковкина . . . . 5.
3. Предложеніе Его Превосходительства Г. Попечителя и отношеніе къ нему Его Сіятельства Г. Министра о утвержденіи Устава общества - - - . . . . . 7.
4. Уставъ общества . . . . 8.
5. Списокъ членовъ общества . . . . 17.
6. Историческое обозрѣніе общества и о пользѣ онаго, Секретаря Петра Кондырева — 24.
7. Списокъ членовъ общества по вступленію ихъ 51.
8. Разсужденіе о вліяніи словесности въ нравственное образованіе человѣка, Осипа Срезневскаго - - . . . . . . 56.
9. Стихи на всерадостный день рожденія Киргизкайсацкаго Царевича Хлора, Николая Ибрагимова - - . . . . . . 70.
10. Похвальное слово Всемилостивѣйшему Государю ИМПЕРАТОРУ АЛЕКСАНДРУ ПЕРВОМУ, — Владиміра Панаева - . 74.
11. Ода на Всерадостный день рожденія ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА АЛЕКСАНДРА ПЕРВАГО, — Григорья Городчанинова - . - - . . . . 104.
12. Рѣчь Г. Предсѣдательствующаго . 108.

Списокъ членовъ общества въ началѣ 1817 года 109.

Списокъ почетныхъ членовъ общества въ Августѣ мѣсяцѣ 1815 года

Въ первой книжкѣ:

I. Опытъ о средствахъ плѣнять воображеніе, Василья Перевощикова . . . . . 1.
II. Ода къ Музамъ, Графа Дмитрія Хвостова 76.
III. Ода на день коронованія Государя ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I. — Саввы Москотильникова . . . . 82.
IV. Переводъ Гораціевой оды о достоинствѣ стихотворства, кн. IV од. VIII. Василья Капниста . . . . . . 88.
V. Гимнъ любви, Озерова 94
VI. Переводъ Горація: 1) книг. I. оды XXXI. . 96.
2) Кн. II. од. X, ... 98.
3) Кн. I. од. XXXII. — Всѣ три Ивана Срезневскаго 99
VII. Міръ. — Θедора Рындовскаго. . . 100.
VIII. Отрывокъ изъ Делиллевой поэмы: сады, Александра Воейкова . . . . 115.
IX. О многознаменательности и общемъ измѣненіи словъ, Николая Ибрагимова . 120.
X. Замѣчанія о разборѣ сослововъ, Петра Кондырева . . . . 130.
XI. Опытъ разбора Россійскихъ сослововъ, Александра Лубкина . . . . 144.
XII. Разсужденіе о самолюбіи, Ивана Запольскаго . . . . 166.
XIII. Ничтожество богатствъ. Горац. Кн. II. од. I. Василья Капниста . . . 208.
XIV. Рыцарь золотой брони, баллада, Алексѣя Протекинскаго . . . . . . 214.
XV. Стихи на изображеніе Сафы и проч. Василья Капниста . . . . . . 224.
XVI. Превращеніе Дафны въ лавръ, (Овид. книг. I. басня IX) Николая Ибрагимова . 225.
XVII. Хлоя и Филлида, идиллія, Владиміра Панаева . . . . 230.

XVIII. Дафнисъ и Милонъ, идиллія, его же 235.
XIX. Меналкъ и Тирсисъ, идиллія, его же 240.
XX. Сатира на человѣка, Андрея Соловьева 245.
XXI. Отрывокъ изъ второй пѣсни Виргиліевыхъ Георгикъ, Александра Воейкова . 263.
XXII. Безсмертіе. Николая Арцыбышева . 267.
XXIII. Посланіе къ В. Николая Ибрагимова 271.
XXIV. Къ сердцу. Николая Враскаго . . 274.
XXV. Къ юношѣ. Анны Наумовой . . 276.
XXVI. Басни: 1) Лафонтень и Стрекоза. Н. Ибрагимова . . . . . . 278.
2) Преступленіе и Наказаніе, его же 279.
3) Ягненокъ съ своей матерью, его же 279.
4) Лисица и Драконъ, его же . . 280.
5) Пѣтухъ и Жемчужина, его же . 281.
6) Оселъ и старикъ, его же . . 282.
7) Укушенной собакою и зритель, его же 282.
8) Фигляръ и порокъ, его же . . 283.
9) Волкъ и лисица, Саввы Москотильникова 286.
10) Притча: Дитя. Степана Руссова 287.
XXVII. Пѣсни. 1) Вопитъ бѣдная кукушечка. Н. Ибрагимова . . . . . 288.
2) Пѣсня Гуанховъ: молодыя красавицы! страшитесь лукавцевъ . . . 289.
3) Подражаніе Польской: Вечеркомъ красна дѣвица . . . . . . 289.
4) Романсъ: Какъ бѣдный странникъ я по свѣту . . . . 290.
5) Ахъ, вы ясны очи. — Всѣ четыре Николая Ибрагимова . . . . . 290.
6) Романсъ: я счастлива была. А. Наумовой 292.
7) Пѣснь пира. Сергѣя Аксакова . . 292.
8) За престолы въ мірѣ, — его же . . 293.
9) Въ тишинѣ уединенной, — Гавріила Каменева . . . . . . 294.
XXVIII. О Словесности (Литтературѣ). Василья Анастасевича . . . 296.
XXIX. Ода на смерть Державина. — Василья Капниста . . . . . . 308.

Погрѣшности въ первой книгѣ:

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ поставлены ошибкою a) начальныя буквы въ названіяхъ наукъ вмѣсто большихъ малыя, а ученыхъ людей большія вмѣсто малыхъ, b) въ глаголахъ изъявительнаго наклоненія настоящ. и будущ. врем. во второмъ лицѣ един. числа вмѣсто ь поставл. ъ, на пр. имѣешъ, а должно: имѣешь и с. п. c) лишъ вмѣсто лишь, d) въ возврат. глагол. во второмъ лицѣ един. числа шся вмѣсто шься, напр. стремишся д. стремишься и с. п. e) въ сравнительн. період. вмѣсто чѣмъ иногда пост. чемъ.

Стран. 8 строка 1. обнажили д. обнажали 12,3 говорить д. *тъ*: 31, 8 существенныя д. ныя, 33,25 исаконъ д. и законъ 57,19 разт д. *с* 58,11 украшаетъся д. *шься* 59,20 лись д. , 74,12 момъ д. *ы* 76,25 мн д. мно 77,9 ду ду, 86,4 реютъ ѣ 86,19 ждѣле—гѣ 94,11 ніе, д. ніе 95,21 рыхъ рыхъ, 100,19 *тому*, кто д. 1 К 102,11 отъ свѣта С 103,21 *духъ Д* 104,11 тся тся, 104,13 тъ? д. тъ! 104,19 тъ—тъ, 106,24 тся д. тся; 107,3 *ты* д. *Т* 117,1 дный д. , 117 8 вѣтв д. вѣтьв 117,10 рѣки трубъ д. , , 118,11 той— , 119,28 взглядъ д. , 139,3 грамоты д. *а* 149,2 чело—*г* 160,3 не когда д. нѣк 169,21 ні*я* д. е 171,26 в*лякой* д. *с* 196, 21 *бы*чаемъ д. *обы* 197,3 но д. не 197, 23 осо*б*—*бу* 198,20 труость д. трусость 199,2 каое—какое 199, 15 гиво д. *о* 200,13 предст—предост 204,9 вымышляе ыми—*ем*ыми 215,24 дуг*й*; д. *гой* 227, 11 безмятежно*ић* д *мъ*, 229,12 тъ д. тъ; 231,8 хотѣ*ла* д. *ла*, 234,17 слва д. слова 235,5 собо*о* д. *ою*? 238,17 вѣнча*ла* д *ла*, 238,20 овеч*ьной* д. *чкой* 239 22 разсердил*ась*! д. *лась*? 240,1 терп*лю*? д. *лю*: 240,5 люби*ли*: д. *ли*? 241 послѣ первой строки поставить другую слѣдующую:

Оставя хижину, и дряхлою рукой

241,16 водъ д сводъ 242,33 боговъ? д. боговъ! 245 5 блистая д. *я*, 245,9 ре*въ*, д. *въ*. 250, 19 поешь д. *ѣ* 251,25 громами, д. *ми*; 251,31 ро*бѣ* д. *бъ*? 254,25 нѣтъ д. нѣтъ! 255, 29 учить

ся; д. *ся*? 256, 29 мета д. *та*, 256, 30 богата д. *та*. 257, 25 высидить; д. *ть*? 261, 4 *ту*товъ д. *шу* 262, 2 по д. по, 262, 28 нѣ*ть*! д. *ть*, 265, 23 улучшаеть д. *ю* 267, 14 лѣ*тьи* д. *тьи*. 267, 15 умолчать? д. *чать*, 267, 16 грозды! д. *ды*? 267, 31 вопіютій д. *щ* 259, 19 зится д. *ться* 269, 26, здраво, д. здраво 270, 6 То, д. То 270, 31 луч*т*аго д. *ш* 275, 30 оні д. *ѣ* 280, 26 темой д темной 281, 22 нія д. нья 282, 3 ный. д. ный! 283, 1 гихъ, д. гихъ 287, 4 пригта д. *тча* 287, 12 въ рѣдкой д. *кой*, 290, 29 разговоры д. *ры*, 293, 24 любить. д. любить? 295, 17 нѣтъ д. нѣтъ! 298 1 бквписанія д. буквописанія 298, 2 буква письма д. буква, письмя 309, 22 сердце д. сердце . —

Прим. Сверхъ того въ книгѣ: Торжество Общества на стран. 65 строк. 11 поставлено *рѣченія* вмѣсто *рѣчія*. —

I.

1814 года, Декабря 12 дня, во Всерадостнѣйшій день рожденія Государя Императора, Казанское Общество Любителей Отечественной Словесности по случаю преобразованія своего и утвержденія Устава имѣло въ четыре часа по полудни въ одной изъ Университетскихъ залъ торжественное собраніе.

Къ оному приглашены были печатными программами всѣ почетнѣйшія особы города и преимущественно Любители учености и Россійскаго слова. Съ удовольствіемъ должно сказать, что число таковыхъ простиралось до трехъ сотъ человѣкъ. Въ четвертомъ часу по полудни вся пространная зала наполнилась посѣтителями обоихъ половъ и разныхъ званій; кромѣ приглашенныхъ было весьма много и другихъ пожелавшихъ усердно быть свидѣтелями сего торжества.

Впереди предъ кафедрою на столѣ на бархатной подушкѣ лежалъ подлинный Уставъ Общества и другой таковой же печатный; самая зала была убрана и освѣщена. Когда у кафедры вокругъ стола члены Общества заняли свои мѣста, тогда актъ открылся симфоніею.

По окончаніи оной Г. Предсѣдательствующій Профессоръ и Кавалеръ Яковкинъ сказывалъ посѣтителямъ *привѣтствіе*, въ коемъ изъяснилъ цѣль сего собранія.

Г. Секретарь Общества Профессоръ Кондыревъ читалъ предложеніе Его Сіятельства Г. Министра Просвѣщенія отъ 8 Іюля 1814 года къ Его Превосходительству Г. Попечителю объ утвержденіи Устава Общества Комитетомъ Гг. Министровъ.

Г. Секретарь читалъ *Уставъ Общества* и *списокъ* членовъ.

Онъ же Г. Секретарь читалъ *Историческое обозрѣніе Общества* и о *пользѣ* онаго.

По окончаніи сего игралъ хоръ музыки.

Г. Членъ Общества Магистръ Срезневскій произнесъ разсужденіе: *о вліяніи Словесности въ нравственное образованіе человѣка.*

Г. Членъ Общества Инспекторъ Гимназіи Ибрагимовъ читалъ стихи: *на день рожденія Киргизъ-Кайсацкаго Царевича Хлора.*

Послѣ того опять игралъ хоръ музыки.

Г. Членъ Общества Кандидатъ Панаевъ читалъ: *Похвальное слово Государю Императору* АЛЕКСАНДРУ ПАВЛОВИЧУ.

Г. Членъ Общества Профессоръ Городчаниновъ читалъ на сей случай сочиненную имъ *Оду*.

—

За тѣмъ Г. Предсѣдательствующій сказывалъ благодарственную рѣчь Посѣтителямъ.

Симъ кончился актъ торжественнаго собранія. Съ особеннымъ удовольствіемъ должно упомянуть, что Гг. Посѣтители принимали въ семъ собраніи таковое же участіе, какъ и члены Общества. Присутствовавшіе угощаемы были въ продолженіе акта приличнымъ образомъ, а весь домъ, въ коемъ произходило собраніе, былъ весьма хорошо освѣщенъ даже до полуночи.

II.

Почтеннѣйшіе Посѣтители!

Человѣческія познанія, равно какъ и общественныя заведенія для приобрѣтенія ихъ и распространенія основанныя, усовершаются временемъ и стеченіемъ благопріятныхъ обстоятельствъ. Изобрѣтаетъ одинъ, распространяютъ пользу его изобрѣтенія уже многіе и совокупными силами. Прозорливое же Правительство снабдѣваетъ потребными къ тому пособіями. Вотъ ходъ народнаго просвѣщенія, вотъ начало способствованія оному. Россія, любезное наше Отечество, хотя и въ прежнія, но особенно въ наши времена, наипаче же въ благословенное

царствованіе достославнаго ея Монарха, Государя Императора АЛЕКСАНДРА I, должна достойно хвалиться безпримѣрными попеченіями о распространеніи просвѣщенія между всѣми сословіями Его вѣрноподданныхъ. Благотворная и щедрая Его десница однимъ мановеніемъ отверзла Государственныя сокровища на учрежденіе Университетовъ, высшихъ и низшихъ училищъ во всей пространной Его Имперіи. Для вящаго споспѣшествованія сему Божественному Его намѣренію предположены и при Университетахъ разныя общества ученыхъ мужей, имѣющія цѣлію своею усовершеніе разныхъ отраслей познаній человѣческихъ. Единодушное многихъ содѣйствіе, устремленное къ одному и томуже предмету, ускоряетъ всякое теченіе дѣлъ. Въ семъ-то намѣреніи основалось въ 1806 году и сіе Общество Россійской Словесности, которое умножаясь въ сочленахъ, распространило кругъ своихъ упражненій и удостоилось утвержденія его Устава высшею властію. Въ сей день совершается торжественное его преобразованіе въ присутствіи Вашемъ, Почтеннѣйшіе Посѣтители. — Сочлены Общества! Мы въ полной мѣрѣ чувствуемъ важность сего событія, и потому потщимся при-

лагать силы къ силамъ, дабы совершить предположенное намѣреніе и возлагаемую на насъ священную обязанность.

III.

Обществу Любителей Отечественной Словесности Казанскаго Университета.

Препровождаю при семъ въ копіи отношеніе ко мнѣ Г. Министра Просвѣщенія за No. 2082 и Уставъ сего Общества, утвержденный Комитетомъ Гг. Министровъ.—Императорскаго Казанскаго Университета Попечитель и Дѣйствительный Камергеръ Михаилъ Салтыковъ.

No. 415.
Іюля 21 дня 1814 года.

Милостивый Государь мой Михаилъ Александровичь!

Доставленный отъ Вашего Превосходительства Уставъ Общества Любителей отечественной Словесности при Казанскомъ Университетѣ, по учиненіи въ ономъ нѣкоторыхъ перемѣнъ, представленъ былъ отъ меня въ Комитетъ Гг. Министровъ, который сообщилъ мнѣ ны-

нѣ положеніе свое, что Обществу дозволяется на основаніи Устава открыть свое дѣйствіе. Въ слѣдствіе чего препровождаю къ надлежащему исполненію означенный Уставъ, который слѣдуетъ быть напечатанъ.

Пребываю съ истиннымъ почтеніемъ
Вашего Превосходительства
Покорнымъ слугою
Графъ Алексѣй Разумовскій.

№. 2082
Іюля 8. 1814 года.
Его Превосходительству
М. А. Салтыкову.

IV.

УСТАВЪ

Казанскаго Общества Любителей отечественной Словесности

ГЛАВА I.

Объ обществѣ вообще.

1.

Цѣль Общества есть споспѣшествованіе распространенію успѣховъ отечественной Словесности.

2.

Общество споспѣшествуетъ отече-

ственной Словесности, либо изданіемъ собственныхъ занятій, либо сужденіями о постороннихъ предмѣтахъ, до Словесности касающихся.

3.

Общество состоитъ при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ въ силу §. 9. Высочайше утвержденнаго о немъ Устава.

4.

Попечитель Казанскаго Университета есть Покровитель Общества.

5.

Оно состоитъ: a) изъ членовъ дѣйствительныхъ, b) иногородныхъ и c) почетныхъ.

6.

Для внутренняго управленія дѣлъ своихъ оно избираетъ четырехъ членовъ, въ числѣ коихъ должны быть такъ же Секретарь и Казначей Общества.

7.

Для текущихъ дѣлъ своихъ, для чтенія упражненій и другихъ занятій Общество имѣетъ собранія.

ГЛАВА II.

О членахъ Общества.

8.

Дѣйствительнымъ членомъ называется

тотъ, кто присутствуетъ въ собраніяхъ.

9.

Иногороднымъ, — который по мѣстопребыванію не можетъ присутствовать въ собраніяхъ.

10.

Число дѣйствительныхъ и иногородныхъ членовъ не опредѣляется.

11.

Въ члены принимаются: 1) кто извѣстенъ по своимъ отличнымъ сочиненіямъ и переводамъ, 2) кто представитъ сочиненіе или переводъ, который одобренъ будетъ Обществомъ.

12.

Желающій вступить въ Общество представляется членами или самъ проситъ о томъ письменно и утверждается по большинству голосовъ.

13.

Иногородные члены, сверьхъ общихъ обязанностей, исполняютъ и препорученія Общества по части Словесности.

14.

Почетные члены суть особы, расположенныя къ покровительствованію отечественной Словесности. Они избираются также по большинству голосовъ.

15.

Членамъ на званіе ихъ выдаются сви

дѣтельства, имѣющія силу дипломовъ, за подписаніемъ Старшаго члена и Секретаря Общества; и для того Общество имѣетъ свою особую печать.

16.

Членъ Общества по полученіи имъ Монаршей милости за заслуги по части Словесности, увѣдомляетъ о семъ собраніе.

17.

На издержки Общества каждый членъ при вступленіи вноситъ 15, а потомъ ежегодно по 5 рублей.

18.

Изъ членовъ избираются два Старшіе члена чрезъ три года; а Секретарь, Казначей и два Издателя избираются ежегодно.

19.

Одинъ изъ Старшихъ членовъ *предсѣдательствуетъ* въ Обществѣ. Онъ избирается изъ дѣйствительныхъ членовъ по большинству голосовъ, созываетъ собранія, предлагаетъ дѣла на сужденіе, сносится именемъ Общества съ мѣстами и особами, когда требоваться будетъ, по постановленіямъ онаго; наблюдаетъ установленный порядокъ и подписываетъ акты.

20.

Вторый Старшій членъ, въ отсутствіе Перваго занимаетъ его мѣсто.

21.

Секретарь ведетъ записки засѣданіямъ Общества, хранитъ печать и письменныя дѣла его, скрѣпляетъ изходящія бумаги и пишетъ Исторію трудовъ Общества.

22.

Казначей: 1) хранитъ денежную казну; 2) принимаетъ и отпускаетъ въ продажу книги; 3) ведетъ записку прихода и расхода суммъ на законномъ основаніи; 4) чрезъ каждые полугода представляетъ казну къ свидѣтельству въ собраніи, а по окончаніи года даетъ отчетъ во всемъ хранимомъ имъ; 5) выдача денегъ производится имъ по дневнымъ запискамъ Общества, изъ коихъ и дается ему выписка.

23.

Издатели: 1) обязаны приготовлять одобренные собраніемъ къ напечатанію труды Общества, утвержденные Попечителемъ; 2) въ случаѣ ежели усмотрѣны ими будутъ мѣста сомнительныя, то сужденіе свое о нихъ представляютъ собранію Общества; 3) выправляютъ листы печатныхъ сочиненій.

ГЛАВА III.

О собраніяхъ Общества.

24.

Для текущихъ и прочихъ дѣлъ Обще-

ства учреждаются собранія: обыкновенныя, чрезвычайныя, годичныя и торжественныя.

25.

Засѣданія сихъ собраній бываютъ въ Университетской залѣ Отдѣленія словесныхъ наукъ.

26.

Обыкновенныя собранія бываютъ въ определенное время однажды въ началѣ каждаго мѣсяца.

27.

Чрезвычайныя — бываютъ, когда нужда настоятъ въ томъ будетъ.

28.

Занятія сихъ собраній суть: 1) разсмотрѣніе входящихъ и исходящихъ бумагъ; 2) упражненій членовъ; 3) присылаемыхъ сочиненій и переводовъ постороннихъ, либо на судъ Общества, либо для помѣщенія въ трудахъ его; 4) избраніе членовъ и 5) чтеніе и разсужденіе о предмѣтахъ до Словесности касающихся.

29.

Къ обыкновеннымъ засѣданіямъ собираются члены безъ всякихъ извѣщеній; естьли же по какому либо обстоятельству собраній въ опредѣленное время быть не можетъ: то предсѣдательствующій членъ чрезъ Секретаря Общества извѣщаетъ о семъ членовъ.

30.

Къ собраніямъ чрезвычайнымъ созываются члены чрезъ письменное обвѣщеніе Секретаря Общества, съ означеніемъ времени собранія.

31.

Годичныя собранія бываютъ въ исходѣ Декабря мѣсяца; въ нихъ разсматривается теченіе дѣлъ въ продолженіе года, счеты о приходѣ, расходѣ и остаткѣ денежной суммы. Секретарь, Казначей и Издатели представляютъ каждый отъ себя о дѣлахъ Общества по своей части. Изъ сего составляются годовые отчеты къ поднесенію Попечителю для представленія Министру.

32.

Торжественныя собранія бываютъ чрезъ каждые три года въ день утвержденія Устава Общества. Тогда читаетъ Секретарь Исторію общества, а прочіе члены изготовленныя ими сочиненія; назначаются задачи и представляются для избранія въ Почетные члены.

33.

Дѣла рѣшатся по большинству голосовъ; при равенствѣ жъ оныхъ мнѣніе Предсѣдательствующаго члена дѣлаетъ перевѣсъ.

34.

Въ торжественныхъ собраніяхъ мо-

гутъ присутствовать и посторонніл особы.

ГЛАВА IV.

О трудахъ и занятіяхъ членовъ Обществс.

35.

Сочиненія и переводы, до Словесности относящіеся, суть предмѣты занятій членовъ Общества.

36.

Разборъ выходящихъ въ свѣтъ сочиненій и переводовъ, сообщеніе объ ученыхъ обществахъ, Россійскихъ и иностранныхъ писателяхъ, о выходящихъ примѣчанія достойныхъ книгахъ, суть такъ же предметы занятій членовъ Общества.

37.

Въ теченіи года каждый членъ Общества обязывается представить собранію сочиненіе или переводъ, предпочтительно касающіеся до Словесности.

38.

Каждый членъ Общества обязывается представить въ библіотеку онаго по два экземпляра издаваемыхъ имъ на сторонѣ сочиненій.

39.

Могутъ такъ же и посторонніл лица представлять свои труды въ Общество

для напечатанія въ его изданіяхъ или для сужденія.

40.

Упражненія членовъ разсматриваются, какъ выше сказано, въ обыкновенныхъ собраніяхъ.

41.

Общество издаетъ въ свѣтъ свои труды, когда и какъ позволятъ обстоятельства.

42.

Труды Общества печатаются на иждивеніи Университета въ силу §. 9. Высочайше утвержденнаго Устава съ одобренія Университетской цензуры; изъ вырученныхъ денегъ отъ продажи книгъ употребленныя издержки возвращаются въ казну, а прочее остается въ разпоряженіи Общества.

43.

Общество за особенныя заслуги по Словесности изъ складочныхъ своихъ денегъ можетъ назначать соразмѣрныя награды.

44.

Дѣла отъ имени Общества въ иногородныя мѣста отправляются за печатью Общества и принимаются безъ платежа вѣсовыхъ денегъ.

Графъ Алексѣй Разумовскій.

Утверждено Комитетомъ
Гг. Министровъ. 1814 года
Іюля 8 дня.

V.

СПИСОКЪ

Членовъ Казанскаго Общества Любителей Отечественной Словесности, по времени ихъ вступленія.

(Состояніе чиновъ до 1815 года, 24 Марта].

I. *Дѣйствительные члены.*

1. *Илья Федоровичъ Яковкинъ — Предсѣдательствующій Старшій членъ*; Императорскаго Казанскаго Университета Публичный Ординарный Профессоръ Исторіи, Географіи и Статистики Россійской Имперіи, Императорской Казанской Гимназіи Директоръ и ордена св. Владиміра 4 степени Кавалеръ.

2. *Архимандритъ Епифаній — Второй Старшій членъ*; Казанской духовной Академіи Ректоръ и Богословіи учитель, Казанской духовной Консисторіи присутствующій, Спасопреображенскаго въ Казани монастыря Архимандритъ и ордена Св. Анны 2 степени Кавалеръ.

3. *Петръ Сергѣевичъ Кондыревъ — Секретарь Общества*, — Императорскаго Казанскаго Университета Публичный Экстраординарный Профессоръ наукъ Историческихъ и Политической Экономіи, Университета Суббибліотекарь и Издатель Казанскихъ извѣстій.

4. *Николай Мисаиловичъ Ибрагимовъ* — *Издатель въ Обществѣ*; Императорской Казанской Гимназіи Инспекторъ и Старшій учитель Высшихъ классовъ Россійскаго и Математики, Титулярный Совѣтникъ.

5. *Василій Матвѣевичъ Перевощиковъ* — *Издатель въ Обществѣ*; Императорскаго Казанскаго Университета Публичный Экстраординарный Профессоръ Краснорѣчія, Стихотворства и языка Россійскаго и С. П. бургскаго Общества Словесности, наукъ и художествъ членъ.

6. *Григорій Борисовичъ Никольскій* — *Казначей Общества*; Императорскаго Казанскаго Университета Публичный Экстраординарный Профессоръ Математики, Университета Безсмѣнный засѣдатель.

7. *Карлъ Федоровичъ Фуксъ* — Императорскаго Казанскаго Университета Публичный Ординарный Профессоръ Естественной Исторіи и Ботаники, Докторъ Медицины и Хирургіи, и многихъ ученыхъ Обществъ, Россійскихъ и иностранныхъ, членъ.

8. *Архимандритъ Іизраиль* — Казанской Консисторіи Присутствующій, Свіяжскаго Первокласнаго Богородицкаго монастыря Архимандритъ и ордена Св. Анны 2 степени Кавалеръ.

9. *Григорій Николаевичъ Городчаниновъ* — Императорскаго Казанскаго Университета Публичный Ординарный Профессоръ Краснорѣчія, Стихотворства и языка Россійскаго, Надворный Совѣтникъ.

10. *Александръ Степановичъ Лубкинъ* — Императорскаго Казанскаго Университета Публичный Экстраординарный Профессоръ Философіи, Надворный Совѣтникъ.

11. *Петръ Андрѣевичъ Бужаниновъ* — Почетный смотритель Чистопольскихъ училищъ, Чистопольскаго уѣзда Дворянства Предводитель, Капитанъ.

12. *Протоіерей* Кафедральнаго въ Казани собора *Борисъ Герасимовичъ Поликарповъ* — Казанской духовной Академіи Префектъ и Философіи учитель, Казанской духовной Консисторіи Присутствующій и ордена Св. Анны 2 степени Кавалеръ.

13. *Протоіерей* Петропавловскаго собора *Гурій Іевлевичъ Ласточкинъ* — Казанской духовной Академіи учитель чистой Математики, Латинскаго и Россійскаго Краснорѣчія и Церковной Исторіи.

14. *Степанъ Сергѣевичъ Петровскій* — Императорскаго Казанскаго Университета Адъюнктъ Военной и Гражданской Архитектуры, Гимназіи учитель Артиллеріи и Фортификаціи и Библіотекарь.

15. *Савва Андрѣевичъ Москотильниковъ* — Казанскаго Губернскаго правленія Совѣтникъ, Надворный Совѣтникъ.

16. *Протоіерей* Богоявленской церкви *Петръ Ивановичъ Таліевъ* — Казанской духовной Академіи учитель высшаго Французскаго и Географическаго классовъ.

17. *Іосифъ Евсевьевичъ Срезневскій* — Императорскаго Казанскаго Университета Магистръ Философіи, Секретарь отдѣленія Нравственно-Политическихъ наукъ.

18. *Гавріилъ Ильичъ Солнцевъ* — Императорскаго Казанскаго Университета Докторъ правъ.

19. *Владиміръ Ивановичъ Панаевъ* — Императорскаго Казанскаго Университета Кандидатъ Россійской Словесности.

20. *Михаилъ Алексѣевичъ Юнаковъ* — Императорскаго Казанскаго Университета Магистръ Историческихъ наукъ, Секретарь Отдѣленія Словесныхъ наукъ, Помощникъ Инспектора студентовъ.

II. Иногородные члены.

1. *Александръ Ивановичъ Васильевъ* — служащій въ Экспедиціи о Государственныхъ доходахъ, Титулярный Совѣтникъ — въ С. П. бургѣ.

2. *Порфирій Васильевичъ Безобразовъ* — служащій въ Экспедиціи путей сообщенія, Титулярный Совѣтникъ и ордена Св. Владиміра 4 степени Кавалеръ — въ С. П. бургѣ.

3. *Дмитрій Максимовичъ Княжевичъ* — въ Экспедиціи о Государственныхъ доходахъ, С. П. бургскаго Общества Любителей Словесности, наукъ и художествъ членъ, Коллежскій Ассессоръ и ордена Св. Владиміра 4 степени Кавалеръ — въ С. П. бургѣ.

4. *Иванъ Ивановичъ Кужелевъ* — Коллежскій Ассессоръ, Уѣздный судья въ Горбатовѣ.

5. *Александръ Ивановичъ Панаевъ* — Лейбгвардіи Уланскаго полка Порутчикъ — въ Санктпетербургѣ.

6. *Дмитрій Матвѣевичъ Перевощиковъ* — Симбирской Гимназіи старшій учитель Математики и Физики, Титулярный Совѣтникъ — въ Симбирскѣ.

7. *Афонасій Григорьевичъ Пятницкій* — 28 военной дивизіи дивизіонный Докторъ, Надворный Совѣтникъ и ордена Св. Владиміра 4 степени Кавалеръ — въ Оренбургѣ.

8. *Василій Григорьевичъ Анастасевичъ* — служащій въ Коммисіи о составленіи за-

коновъ и при Попечитель Императорскаго Виленскаго Университета, Надворный Совѣтникъ — въ С. П. бургѣ.

9. *Сергѣй Тимофѣевичъ Аксаковъ* — Губернскій Секретарь, въ Санктпетербургѣ.

10. *Федоръ Михайловичъ Рындовскій* — Штабъ лѣкарь — въ Кіевѣ.

11. *Николай Ильичъ Федоровъ* — служащій въ Экспедиціи о Государственныхъ доходахъ, С. П. бургскаго Общества Любителей Словесности, наукъ и художествъ членъ, Коллежскій Ассессоръ, — въ С. П. бургѣ.

12. *Дмитрій Михайловичъ Соколовъ* — Императорской Россійской Академіи членъ и Казначей, Надворный Совѣтникъ, — въ Санктпетербургѣ.

13. *Александръ Васильевичъ Карсунскій* — 28 военной дивизіи Оберъ Аудиторъ 7 класса, ордена Св. Владиміра 4 степени Кавалеръ — въ Оренбургѣ.

14. *Николай Сергѣевичъ Арцыбышевъ* — Почетный Смотритель Ядринскихъ училищъ, членъ разныхъ ученыхъ Обществъ, Титулярный Совѣтникъ — въ городѣ Цывильскѣ.

15. *Патрикій Симоновичъ Политковскій* — служащій въ Экспедиціи о Государственныхъ доходахъ, Титулярный Совѣтникъ, въ С. П. бургѣ.

16. *Иванъ Евсевьевичъ Срезневскій* — Императорскаго Харьковскаго Университета Публичный Ординарный Профессоръ Краснорѣчія, Стихотворства и языка Россійскаго, Харьковскаго Общества наукъ членъ, Надворный Совѣтникъ — въ Харьковѣ.

17. *Никита Саввичъ Поповъ* — Директоръ Пермскихъ народныхъ училищъ, Надворный Совѣтникъ — въ Перьми.

18. *Степанъ Васильевичъ Руссовъ* — Правительствующаго Сената 7 Департамента въ должности Оберъ Секретаря, Надворный Совѣтникъ и ордена Св. Владиміра 4 степени Кавалеръ — въ Москвѣ.

19. *Архимандритъ* Спаскаго въ Астрахани Монастыря *Діонисій* — Астраханской Семинаріи Ректоръ — въ Астрахани.

20. *Николай Амосовичъ Менделѣевъ* — служащій въ 7 Департаментѣ Правительствующаго Сената, Титулярный совѣтникъ — въ Москвѣ.

21. *Александръ Өедоровичъ Воейковъ* — Императорскаго Дерптскаго Университета Ординарный Профессоръ Краснорѣчія, Стихотворства и языка Россійскаго, Надворный совѣтникъ-въ Дерптѣ.

22. *Яковъ Васильевичъ Орловъ* — С. Петербургской духовной Академіи Профессоръ Исторіи и Статистики, Коллеж·

скій Ассессоръ и ордена Св. Владиміра 4 степени Кавалеръ — въ С. П. бургѣ.

3. *Александръ Дмитріевичъ Агафи* — служащій въ Астрахани.

VI.

Историческое обозрѣніе Казанскаго Общества Любителей Отечественной Словесности и о пользѣ онаго.

Торжествуя въ сей день, почтенные сочлены, преобразованіе нашего Общества, мы вмѣстѣ торжествуемъ и день, въ который Провидѣнію угодно было къ отрадѣ любезнаго Отечества низпослать съ небесъ его Ангела Хранителя, даровать ему славу и благоденствіе.

Въ сугубомъ торжествѣ возносясь мыслію ко Всевышнему, устроеніе Общества начинаемъ мы возкуреніемъ сему Ангелу Хранителю жертвы сердечныхъ чувствованій на алтарѣ Отечества, облеченнаго въ величіе. Начинаемъ сіе въ вашемъ, Почтенные посѣтители, присутствіи, которое есть лестный знакъ особеннаго вниманія вашего къ Обществу, учености и Просвѣщенію и Вы сохраните навсегда въ памяти своей таковыя наши чувствованія. Щастливы будемъ,

когда наши усилія вознаградятся успѣхомъ. Но одушевляемы собственнымъ усердіемъ и попеченіемъ достопочтенныхъ Покровителей Общества Графа Алексѣя Кириловича Разумовскаго и Михаила Александровича Салтыкова, мы надѣемся на таковый успѣхъ. Намъ пріятно изъявлять свою искреннюю благодарность симъ Покровителямъ, виновникамъ настоящаго торжества. Сіе же самое торжественное собраніе и присутствіе почтенныхъ любителей учености и Словесности побуждая воспоминать прошедшее, доставляетъ приличнѣйшій случай представлять отчетъ въ дѣлахъ своихъ. Званіе мое, Секретаря Общества, налагаетъ на меня пріятный долгъ, по желанію членовъ онаго, представить кратко: *историческое обозрѣніе Казанскаго Общества любителей Отечественной Словесности отъ начала его до нынѣшняго времени* и вмѣстѣ упомянуть *о пользѣ онаго*. Вниманіе Ваше, почтенные посѣтители, какъ соотечественниковъ, пріятно будетъ для насъ, къ пользѣ Отечественной устремляющихся.

Казанское Общество Любителей Отечественной Словесности воспріяло начало свое уже девятый годъ. 1806 года, 23 Апрѣля было первое собраніе онаго, со-

стоявшее изъ пяти членовъ. Сколько взаимное усовершенствованіе сочленовъ въ Словесности чрезъ подобныя совѣщанія, столько и другія причины были предметомъ устроенія сихъ собраній. Составленное положеніе бывъ представлено по начальству Его Сіятельству бывшему Г. Министру народнаго Просвѣщенія Графу Петру Васильевичу Завадовскому, заслужило похвалу и одобреніе: о чемъ извѣщено Общество отъ 20 Ноября покойнымъ Г. Попечителемъ Его Превосходительствомъ Степаномъ Яковлевичемъ Румовскимъ. Общество находилось при Университетѣ; но поелику управленіе Университета и Императорской Казанской Гимназіи тогда было соединено, то и почитали оное учредившимся при сей Гимназіи. Положеніе его состояло въ 11 ти пунктахъ. Опредѣлены были правила, по коимъ кто либо могъ быть принятъ въ члены, и означены занятія засѣданій; главою Общества былъ Первый членъ, а помощниками ему Второй членъ и Секретарь. Собранія происходили еженедѣльно по понедѣльникамъ и уподоблялись дружескимъ совѣщаніямъ. Упоминаемое положеніе имѣло силу свою до 1810 года.— Хотя Общество до законнаго утвержде-

нія своего положенія и не долженствовало бы имѣть собраній; но какъ всѣ члены его были одного учебнаго вѣдомства и даже мѣста, а собранія имѣли видъ болѣе домашнихъ собраній, то и не было препятствій къ подобнымъ засѣданіямъ. Таковыхъ 1806 года было тридцать одно, а имянно: 23 и 30 Апрѣля; 7, 14, 21 и 28 Маія; 4, 11, 18 и 25 Іюня; 2 и 11 Іюля; 13, 20 и 26 Августа; 3, 10, 20 и 24 Сентября; 1, 11, 18 и 25 Октября; 1, 8, 15, 19 и 26 Ноября; 3, 10 и 17 Декабря. Въ собраніяхъ сихъ занимались разсужденіями, относящимися къ Россійской Словесности, критическимъ чтеніемъ журналовъ, особенно жъ задаваемы были сочиненія и разбираемы собственныя умопроизведенія. Піесъ поступило тридцать; изъ сего въ стихахъ осьмнадцать и въ прозѣ двѣнадцать; разсмотрѣно двадцать одна, а девять осталось къ 1807 году; мелкія стихотворенія не входили въ счетъ сей. — Въ первое собраніе избранъ Первымъ членомъ Г. Ибрагимовъ, а Секретаремъ Г. Кондыревъ. Когда вступилъ въ Общество 10 Декабря Г. Профессоръ Яковкинъ, то по желанію Перваго члена Г. Ибрагимова избранъ онъ вмѣсто его въ сію должность. Вновь избрано членовъ 6 дѣйствительныхъ и о-

динъ иногородный; въ послѣдніе поступилъ одинъ изъ первыхъ и въ концѣ года Общество имѣло уже всего двѣнадцать членовъ. Г. Попечителю представленъ годовый отчетъ о дѣлахъ Общества. — Собраній въ сей годъ было несравненно болѣе, нежели въ послѣдующія; Гг. члены ревностно посѣщая собранія, сдѣлали критическій разборъ многихъ піесъ, усовершали постановленіе и задали на рѣшеніе сочиненія. Ревность членовъ очевидна. Таково было начало Общества!

1807 года имѣло оно кругъ своего дѣйствія во многомъ несходный съ прошлогоднимъ. Сношенія его распространялись съ иногородными членами. Собраній было двадцать девять, а имянно: 14, 22 и 29 Генваря; 5, 12, 19 и 26 Февраля; 5, 19 и 26 Марта; 2, 9, 23 и 30 Апрѣля; 14 и 28 Маія; 11 и 25 Іюня; 8 Іюля; 13 и 27 Августа; 10 и 24 Сентября; 8 и 22 Октября; 5 и 19 Ноября; 3 и 18 Декабря. Подобныя бывшему 1806 года 17 Декабря собранію Общество имѣло въ 1807 году 8 Іюля и 18 Декабря для разсмотрѣнія дѣлъ своихъ и составленія отчета. Собранія Общества, какъ и всегда потомъ, произходили въ одной изъ Университетскихъ залъ, 1806 года по понедѣльникамъ въ шесть часовъ по полудни, послѣ нѣ-

сколько времени по четверткамъ въ два часа по полудни, съ 22 Генваря сего 1807 года по вторникамъ въ 6 часовъ по полудни; 30 Апрѣля положено собраніямъ быть въ двѣ недѣли разъ, по встрѣчающимся же надобностямъ и болѣе, а съ 3 Декабря, по причинѣ многихъ должностныхъ занятій членовъ, разъ въ мѣсяцъ.— Въ собраніе поступило шестдесятъ пять піесъ, въ прозѣ 23 и въ стихахъ 42, да отъ прежняго года 9, всего было 74 піесы: изъ нихъ разсмотрѣно 56, и осталось къ разсмотрѣнію 18. Къ 12 членамъ присовокупилось вновь три и въ концѣ года Общество состояло изъ семи членовъ дѣйствительнымъ и осьми иногородныхъ (въ кои изъ дѣйствительныхъ поступило четыре и вновь два), всѣхъ пятнадцати.— Предложено было также одно сочиненіе для рѣшенія. Общество и въ семь году продолжало ревностно свои занятія; но дѣйствительныхъ членовъ было менѣе прошлогодняго и изъ нихъ болѣе вновь вступившихъ.

1808 года усилія членовъ Общества къ пользѣ его не могли уже равняться бывшимъ въ предъидущія два года. Собраній было десять: 21 Генваря, 4 Февраля, 3 и 10 Марта, 14 Апрѣля, 5 Маія, 2 Іюня, 6 Октября, 3 Ноября и 16 Декабря. Въ

оныя поступило тридцать одна піеса; 24 въ стихахъ и 7 въ прозѣ; разсмотрѣно 25 піесь. Въ концѣ года было четыре дѣйствительныхъ и одиннадцать иногородныхъ членовъ (къ онымъ присовокупилось трое изъ дѣйствительныхъ). Подтверждено, что бы собранія были разъ въ мѣсяцъ.

1809 года Общество обращало особенное вниманіе на два предмета: сочиненіе Устава и издаваніе своихъ трудовъ. Оно усмотрѣло многіе недостатки прежняго положенія, особенно когда болѣе и болѣе распространяло кругъ своего дѣйствія, и потому необходимымъ нашло сочиненіе новаго Устава: въ семъ году положено сему только начало. Не менѣе того Общество желало издавать свои занятія, но, къ сожалѣнію, многія обстоятельства полагали сему преграду. Его Превосходительство покойный Г. Попечитель приглашалъ Общество содѣйствовать преднамѣреваемому изданію періодическаго сочиненія отъ Университета: для чего въ слѣдующемъ году въ трудахъ своихъ положило оно имѣть особенное отдѣленіе. Въ теченіе сего года собраній было тринадцать, а имянно: 12 Генваря, 9 Февраля, 2, 9, 16 и 23 Марта, 6 и 13 Апрѣля, 11 Маія, 1 Іюня, 6 Іюля,

7 Сентября и 7 Декабря. Сочиненій поступило 15 и разобрано 9. Общество приобрѣло въ дѣйствительные члены одного вновь и одного изъ иногородныхъ, а лишилось смертію одного иногороднаго и двое уволены, такъ, что въ концѣ года оно состояло уже изъ 6 дѣйствительныхъ и 7 иногородныхъ, всего 13 человѣкъ.

1810 года сочиненный Секретаремъ Уставъ Общества разсмотрѣнъ, исправленъ и 18 Іюля представленъ Г. Попечителю на усмотрѣніе и ходатайство о законномъ утвержденіи. Между тѣмъ касательно и изданія трудовъ сдѣланы вновь нѣкоторыя распоряженія. Его Превосходительство покойный Г. Попечитель оказалъ свое содѣйствіе и покровительство постановленіемъ, что бы труды Общества печатались на казенномъ иждивеніи съ нѣкоторыми условіями, представленными отъ самаго Общества. Для попеченія о составленіи и печатаніи книжекъ трудовъ избраны 1 Марта два члена подъ именемъ Издателей, Гг. Ибрагимовъ и Перевощиковъ. Общество при семъ никакъ не предполагало изданію трудовъ постановить срочное время, опасаясь, что въ семъ случаѣ иногда по необходимости могутъ входить въ оное сочиненія надлежащимъ образомъ не обработанныя, да

и члены имѣя по Государственной службѣ должности, заниматься съ успѣхомъ таковымъ изданіемъ не въ состояніи. Положено, чтобъ труды сіи имѣли три отдѣленія: Словесность, науки и искуства и ученыя извѣстія. Къ послѣднему относились также ученыя записки, исторія Общества, и т. п. По ходатайству Его Превосходительства покойнаго Г. Попечителя и по докладу Его Императорскому Величеству Г. Министра Народнаго Просвѣщенія Его Сіятельства Графа Алексѣя Кириловича Разумовскаго для Общества Высочайше предназначено отпустить изъ хозяйственной Университета суммы денегъ четыреста рублей на печатаніе трудовъ онаго. — Въ бывшія сего года 14 собраній: 1 и 10 Февраля, 1 Марта, 5 Апрѣля, 3 Маія, 30 Іюня, 11 и 12 Іюля, 20 Сентября, 11 и 18 Октября, 1 Ноября, 9 и 21 Декабря, — получено 17 піесъ, кромѣ мелкихъ. Въ сей годъ начали поступать въ дѣйствительные члены и непринадлежащіе къ учебному вѣдомству особы; Общество избрало пять членовъ, но смертію двухъ другихъ дѣйствительныхъ оно лишилось достойныхъ сотрудниковъ, о коихъ воспоминаетъ съ соболѣзнованіемъ. — Общество соотвѣтственно своему вновь на-

черпанному Уставу съ сего года имѣло только Перваго члена и Секретаря. Оно въ одно изъ своихъ засѣданій постановило также ввести въ употребленіе, чтобы въ ученыхъ извѣстіяхъ трудовъ его съ опредѣленія Общества помѣщаемо было каждаго умершаго члена краткое жизнеописаніе, также соразмѣрно заслугамъ установить въ память оныхъ приличныя почести, каковы суть: чтеніе рѣчей въ похвалу умершихъ при торжественномъ собраніи, выставленіе въ комнатѣ собранія портрета, помѣщеніе извѣстія о смерти сихъ членовъ въ Исторіи Общества, сочиненіе стиховъ и т. д. — Къ 1811 году было членовъ 9 дѣйствительныхъ и 7 иногородныхъ, всего 16 человѣкъ.

1811 года было шесть собраній. Въ оныя поступило сочиненій и переводовъ 24, изъ нихъ 17 въ прозѣ и 7 въ стихахъ; также получено три небольшія рукописи и прислано нѣсколько печатныхъ піесъ, отчасти и на судъ Общества. Составленная первая книжка трудовъ 17 Іюля представлена была Его Превосходительству покойному Г. Попечителю на разсмотрѣніе и утвержденіе печатать; при чемъ Общество вторично просило ходатайствовать о Высочайшемъ утвержденіи представлен-

наго устава, безъ коего ничего дальнѣйшаго предпринять было не возможно. — Число членовъ значительно приумножилось; вновь избрано 6 дѣйствительныхъ и 10 иногородныхъ и въ концѣ года было 15 первыхъ и 17 вторыхъ, всего 32 члена.

1812 года было только три собранія: 6 Февраля, 9 Апрѣля и 17 Декабря; перестройка и поправка въ Университетскихъ зданіяхъ, особенно гдѣ собиралось Общество, и военныя обстоятельства нашего Отечества, были главнѣйшими причинами малаго числа оныхъ. Въ сіи собранія поступило, отчасти и на разсмотрѣніе, 20 печатныхъ сочиненій, три отдѣленія тетрадей и сверхъ того четыре піесы. Гг. Издателямъ препоручено заняться составленіемъ второй книжки трудовъ Общества. При семъ положено, что бы въ труды сіи помѣщать и предметы учености, не прилагая впрочемъ особеннаго старанія о непремѣнномъ наполненіи оными таковыхъ трудовъ; также для помѣщенія впредь въ нужныхъ случаяхъ жизнеописаній членовъ опредѣлено, чтобы каждый членъ доставилъ и доставлялъ о себѣ къ тому всѣ нужные матеріалы. Вновь избрано три дѣйствительныхъ и два иногородныхъ, одинъ изъ иногородныхъ въ дѣйствительные и о-

динъ дѣйствительный въ иногородные; въ концѣ года было по сему 18 дѣйствительныхъ и 19 иногородныхъ, всего 37 членовъ. Между тѣмъ Общество съ соболѣзнованіемъ и горестію воспоминаетъ о послѣдовавшей 7 Іюня кончинѣ своего Попечителя и Покровителя Его Превосходительства Степана Яковлевича Румовскаго, ученостію знаменитаго и основательнымъ знаніемъ Рускаго слова истинную славу снискавшаго: миръ праху твоему мужъ добродѣтельный, сынъ Отечества вѣрный и Гражданинъ полезный! Но Общество имѣя Покровителемъ своимъ Его Превосходительство Михаила Александровича Салтыкова, благорасположеніе свое и попечительность на пользу онаго явившаго, утѣшается въ сей потерѣ.

1813 года вновь представленъ отъ Общества Его Превосходительству Г. Попечителю Уставъ на законное утвержденіе, для чего отъ Его Сіятельства Г. Министра Просвѣщенія и внесенъ оный въ Комитетъ Гг. Министровъ. Громъ войны, удалявшійся отъ востока къ западу, еще отдавался по всей Россійской имперіи и каждый гражданинъ отечества, какъ вѣрный сынъ, подобно правительству, на сіе обращалъ особенное свое

вниманіе: все слѣдовало тогдашнему умовъ направленію. Собраній было шесть: 11 и 27 Февраля, 13 и 27 Марта, 12 Іюня и 7 Ноября, а 27 Марта въ присутствіи Его Превосходительства Г. Попечителя. Поступило на разсмотрѣніе 17 піесъ, изъ сего въ прозѣ 7 и въ стихахъ 10; кромѣ того доставлено нѣсколько печатныхъ. Въ Февралѣ мѣсяцѣ получена первая книжка трудовъ, представленная 1811 года 17 Іюля на разсмотрѣніе. Изъ членовъ дѣйствительныхъ одинъ уволенъ, одинъ въ оные вновь поступилъ, а изъ иногородныхъ одинъ умеръ и потому въ концѣ года было 18 дѣйствительныхъ и 18 иногородныхъ, всего 36 членовъ.

1814 года въ шесть засѣданій: 22 Генваря, 28 Іюля, 29 Октября, 18 Ноября, 5 и 8 Декабря, получены на разсмотрѣніе 21 піеса, изъ сего 17 въ стихахъ и 4 въ прозѣ. Вновь избраны въ дѣйствительные 2 и въ иногородные 6 членовъ, а уволенъ изъ иногородныхъ одинъ: нынѣ щитается 20 членовъ дѣйствительныхъ и 23 иногородныхъ. По случаю полученія утвержденнаго Комитетомъ Гг. Министровъ 8 Іюля Устава, Общество 28 Іюля имѣло собраніе, Уставъ сей положило напечатать и разослать ко всѣмъ Гг. Членамъ, а 12 Декабря по сему случаю

назначить торжественное собраніе. Въ засѣданіи 5 Декабря избраніемъ подтверждены Первый членъ, Секретарь и два Издателя, а избраны вновь Вторымъ членомъ Архимандритъ и Кавалеръ Епифаній и Казначеемъ Профессоръ Никольскій.

Въ числѣ представленныхъ сочиненій и переводовъ не упомянуты многіе принесенные въ даръ Обществу печатные отъ Отцовъ Архимандритовъ Епифанія и Діонисія, Гг. Кондырева, Городчанинова, Анастасевича, Арцыбышева, Срезневскаго, Попова, Руссова, кои съ благодарностію приняты обществомъ. Съ достодолжною же благодарностію, какъ знакъ усердія и благорасположенія къ обществу, приняты принесенные въ даръ творенія Его Сіятельствомъ Графомъ Дмитріемъ Ивановичемъ Хвостовымъ.

Такимъ образомъ Общество достигло до настоящаго своего положенія. Въ 1806, 1807 и 1808 годахъ собранія онаго уподоблялись болѣе домашнимъ, частнымъ, нежели общественнымъ. Дѣятельность и усердіе въ первые два года были примѣрны. Малое число дѣйствительныхъ членовъ 1808 года нѣсколько разстроило оное. 1809 года кругъ его дѣйствій перемѣнился. Общество видѣло необходимость выступить изъ прежнихъ предѣловъ

и въ слѣдующіе 1810, 1811, 1812, 1813 и 1814 годы приобрѣло оно многихъ членовъ; въ послѣдніе два года ожидало оно разрѣшенія о представленной первой книжкѣ трудовъ и утвержденія Устава. 1814 годъ есть достопримѣчательнѣйшій годъ для общества: въ оный получило оно новый кругъ дѣйствія и возрожденіе.

Хотя Общество наше и не принесло еще особенной пользы для публики; однакожъ оно многихъ Любителей словесности соединяя дружественно бесѣдовать о своихъ занятіяхъ, чрезъ то возбуждало въ нихъ большую любовь къ изящному и непримѣтно содѣйствовало къ распространенію правильнаго и лучшаго вкуса, равномѣрно поощряло нѣкоторыхъ молодыхъ людей къ дальнѣйшему себя усовершенію и старалось не быть безполезнымъ для высшаго ученаго мѣста, при коемъ находится. Правда, что Общество доселѣ не издало въ свѣтъ и трудовъ своихъ; причиною сему было во первыхъ то, что члены онаго первоначально имѣли бесѣды не съ таковымъ намѣреніемъ, и во вторыхъ — обстоятельства, воспрепятствовавшія намъ доселѣ сдѣлать болѣе, нежели сколько желали. Но сіе торжество и сіе собраніе многихъ членовъ подаютъ поводъ питаться пріятною на-

деждою, что круг действія Общества распространяется к большему онаго усовершенствованію. Почтенные сочлены! из Вас я вижу здѣсь только двух сотоварищей, положивших начало сей дружеской бесѣдѣ, которая нынѣ, как Общество, среди многочисленнаго собранія почтенных Посѣтителей, Любителей учености и Рускаго слова, торжествует день своего преобразованія! Сравненіе сіе с одной стороны доставляет Нам удовольствіе, а с другой показывает, чего мы достигли и можем достигнуть. Всѣ из нас, здѣсь присутствующіе и иногородные, не раздѣляющіе с нами общей радости, имѣя различныя способности и знанія, соединятся вкупѣ дѣйствовать для достиженія сей предположенной цѣли. Вам не непріятно будет пред почтенным Собраніем повторить ваши мысли о таковой цѣли, о том, чѣм можем заняться, *чѣм Общество наше может быть полезно.*

Во всѣх образованных государствах находятся разныя ученыя Общества, во всѣх столицах таковых держав и в знатнѣйших городах по учености или искуствам или торговлѣ оныя устрое-

ны. Озарившее Европу просвѣщеніе, подобно животворному солнцу питающему растѣнія, возродило таковыя Общества; и наоборотъ Общества сіи чрезвычайно содѣйствовали быстрымъ успѣхамъ наукъ, искуствъ, просвѣщенію, народной образованности, даже торговлѣ, промышленности и сельскому домоводству. Время не позволяетъ мнѣ упомянуть здѣсь о знаменитыхъ Академіяхъ и Обществахъ наукъ, словесности, и искуствъ, своими трудами славу себѣ и Отечеству своему снискавшихъ, познанія человѣческія распространившихъ и усовершившихъ. Весьма явственно, сколь онѣ важны были для успѣховъ просвѣщенія особенно и потому, что люди съ знаніями и дарованіями, одушевляемы патріотическимъ желаніемъ къ распространенію свѣденій и лучшихъ понятій, самопроизвольно соединялись дѣйствовать для достиженія сей цѣли, другъ друга побуждали, другъ друга усовершенствывали. Наше любезное Отечество, Россія, также давно имѣетъ многія ученыя Общества, какъ въ обѣихъ столицахъ, такъ въ Харьковѣ, Або, Ригѣ, Вильнѣ и другихъ нѣкоторыхъ городахъ. Кромѣ того воля Государя Императора есть, чтобы при Университетахъ составились

общества, какъ упражняющіяся въ Словесности Россійской и древней, такъ и занимающіяся распространеніемъ наукъ опытныхъ и точныхъ, основанныхъ на достовѣрныхъ началахъ. Государь Императоръ прилагаетъ попеченіе о просвѣщеніи повсемственномъ; само правительство то на своемъ иждивеніи содержитъ ученыя Общества, то усердно покровительствуетъ онымъ, то старается о умноженіи ихъ. Устроеніе таковыхъ Обществъ въ знатнѣйшихъ городахъ имперіи и попеченіе о нихъ суть явныя доказательства ожидаемой пользы оныхъ. Ученое Общество, при здѣшнемъ Императорскомъ Университетѣ учрежденное, имѣетъ съ прочими Обществами общую цѣль и пользу. Но сверхъ того оно учреждено еще на пользу *ученаго высшаго мѣста*, при коемъ находится, *учебнаго его округа, на пользу многихъ Любителей словесности, Отечества и наукъ.*

Здѣшнее Общество Любителей Отечественной словесности тѣмъ благонадежнѣе будетъ шествовать къ предположенной цѣли, что устроено при Университетѣ, который осѣняетъ его своимъ покровительствомъ, ручается въ прочности его существованія и доставляетъ ему средства къ успѣхамъ. Да и

дѣйствительно, гдѣ приличнѣе быть Обществу, какъ не при высшемъ Государственномъ ученомъ мѣстѣ, каковъ Университетъ, гдѣ всѣ вѣтви учености питаются, растутъ, укрѣпляются, усовершаются и процвѣтаютъ, гдѣ образованіе не одностороннее и вообще совершенно, гдѣ удобнѣе познаютъ предметъ со всѣхъ сторонъ. Но и Общество съ своей стороны полезно можетъ быть для самаго Университета. Занимаясь для успѣховъ словесности, оно содѣйствуетъ тѣмъ успѣхамъ и наукъ: весьма извѣстно, сколь важна словесность для наукъ. Ни чрезъ какую вѣтвь учености можетъ быть, не льзя такъ успѣшнѣе дѣйствовать на просвѣщеніе народа, какъ чрезъ словесность, которая занимаетъ пріятно и наше сердце и умъ и воображеніе, питаетъ наше любопытство и доставляетъ намъ пользу. Общество имѣя членами своими особъ разныхъ званій и классовъ, сближаетъ оныхъ и съ Университетомъ, при коемъ находится; выгода отъ сего взаимная, но тѣснѣйшая связь Университета чрезъ членовъ оныхъ съ публикою распространяетъ болѣе кругъ его дѣйствій, содѣлываетъ его для просвѣщенія плодотворнѣе и поселяетъ въ согражданахъ любовь къ учености, каковая господствуетъ уже

издавна во всѣхъ образованныхъ государствахъ. — Равномѣрно многіе изъ учащихъ въ учебномъ округѣ Императорскаго Казанскаго Университета занимались долгое время Словесностію съ успѣхомъ, приобрѣли познанія и получили къ тому вкусъ; кромѣ своей должности вѣроятно пожелаютъ они заниматься и для публики, чрезъ то содѣйствовать успѣхамъ просвѣщенія и усовершать себя болѣе. Таковые Любители словесности хотябы и не доставляли сочиненій важныхъ, не были писателями отличными; однакожъ они не менѣе того полезны. Всякой изъ нихъ принесетъ трудъ посильный и общество приметъ его съ признательностію. Весьма нужно быть мѣсту, къ которому бы притекали или присоединялись бесѣдовать упомянутые любители слова или даже иногда и учености, для предметовъ коей Общество въ трудахъ своихъ назначило особыя двѣ статьи. И сколь велика польза, отъ разныхъ ученыхъ изслѣдованій, наблюденій, опытовъ, усовершеній, открытій и изобрѣтеній произойти могущая: но для сего какая богатая и обильная жатва въ учебномъ округѣ Казанскаго Императорскаго Университета! Такъ, сей Университетъ чрезвычайно удобенъ про-

свѣщенію, человѣчеству и Отечеству принести на алтарь безсмертные заслуги: какую отрасль учености не приму въ разсужденіе, куда не обращу взоръ на пространство отъ Тамбова до Кавказа, до полудикихъ народовъ, до Китая и Америки, вездѣ вижу необозримое плодоносное поле, способное наградить труды съ изобиліемъ и восхищаюсь духомъ при сей мысли! — Собственное занятіе Общества Словесностію также многообразно. Изслѣдованія Россійскаго языка и касательно Россійской Грамматики, истолкованія сослововъ или синонимовъ, значеній разныхъ словъ, изобрѣтеніе техническихъ терминовъ, переводы и разборъ твореній классическихъ древнихъ и новыхъ писателей, критическій разборъ примѣчательнѣйшихъ сочиненій, извѣстія о таковыхъ твореніяхъ, о знаменитыхъ писателяхъ, свѣденія по части Исторіи словесности нашей и иностранной, въ разсужденіи Обществъ словесности, отечественная и часто чужеземная Исторія, изслѣдованія касательно древностей и изящныхъ искуствъ, Славенскій языкъ и славенская словесность вообще, суть предметы таковаго занятія. Краткость времени не позволяетъ мнѣ, почтенные Посѣтители, представить, сколь много изъ сказанна-

го можно извлечь пользы для нашей Словесности. — Кромѣ общихъ предметовъ занятій мы имѣемъ еще нѣкоторые такіе, кои ближе къ намъ по обстоятельствамъ и на кои можемъ иногда съ пользою обращать вниманіе. Мы живемъ между многими иноплеменными народами, въ древнемъ Татарскомъ царствѣ, въ виду бывшей древней Болгарской столицы. Татары, Чуваши, Черемисы, Мордва, Вотяки, Зыряне окружаютъ насъ. Армяне, Персіане, Башкирцы, Калмыки, Бухарцы и Китайцы ближе къ намъ, нежели къ другимъ Обществамъ. Мы удобнѣе можемъ имѣть касательно языка или и Словесности ихъ сношенія и изъ онаго дѣлать употребленіе. Какъ полезно собирать различныя пѣсни сихъ народовъ, сказанія, записки, повѣсти, книги, надписи и т. п. и все сіе еще весьма ново. Въ Астрахани можно познакомиться болѣе съ древностями Кавказскихъ горъ, съ Грузинскою, Армянскою и Персидскою словесностію; въ Оренбургѣ, съ Бухаріею и Хивою; въ Иркутскѣ и Троицкосавской крѣпости съ Китайскою словесностію, въ первомъ городѣ съ Бурятскими и другихъ народовъ памятниками. Составленіе словарей сихъ языковъ, филологическое ихъ изслѣдованіе также не безполезно.

Многіе изъ Обществъ имѣютъ единственною цѣлію усовершеніе науки или словесности; одни извѣстные писатели, слѣдуя правиламъ оныхъ, принимаемы могутъ быть въ сочлены. Будемъ откровенны и съ сей стороны; скажемъ, что Общество наше кромѣ цѣли содѣйствовать усовершенію словесности, равномѣрно желаетъ быть полезнымъ какъ для своихъ сочленовъ, такъ и для многихъ другихъ особъ, хотя отличными знаніями своими свѣту по обстоятельствамъ и не извѣстныхъ, но особенное усердіе къ обществу являющихъ, или для такихъ кои по дарованіямъ своимъ со временемъ могутъ заслужить вниманіе въ области учености и словесности. Сіе предположеніе въ здѣшнихъ странахъ важнѣе, нежели одна цѣль усовершенія какой либо вѣтьви учености; мы должны стремиться къ тому, въ чемъ истино можемъ быть полезны. — Многіе въ публикѣ особы имѣютъ наклонность къ ученымъ занятіямъ и особенно къ Отечественной словесности, они охотно занимались и занимаются предметами учености и словесности. Изданіе въ свѣтъ трудовъ ихъ принесло бы пользу; но безъ таковаго назначенія къ изданію труды сіи большею частію не бываютъ тщательно об-

работываемы. Чрезъ дружескій судъ сколько можно усовершенствоваться, очистить вкусъ: благоразумная и безпристрастная критика необходима для улучшенія таковыхъ умопроизведеній. — Кромѣ упомянутыхъ любителей Рускаго слова, сколько находятся молодыхъ людей съ дарованіями по части словесности отличными: часто какъ прекрасный цвѣтокъ въ пустынѣ, дарованія сіи увядаютъ въ неизвѣстности! Общество наше постарается цвѣтки сіи пересаживать въ свой садъ и воспитывать.

Отечественная словесность есть весьма важный предметъ не для одной народной образованности, но и для нравственности.

Любовь къ Отечественному слову также поселяетъ не примѣтно въ сердцѣ нашемъ безпристрастную приверженность къ Отечественнымъ нравамъ, народному собственному характеру, коимъ приобрѣтается уваженіе чужеземцовъ, къ вѣрѣ предковъ своихъ, полезнымъ Общественнымъ постановленіямъ, однимъ словомъ, любовь къ Отечеству. И сколь величественъ повсюду патріотъ: любя Отечество превыше всего, доказывая то своими дѣлами и бывъ вмѣстѣ другъ правды и высокой добродѣтели, онъ есть другъ

человѣчества, ревностный исполнитель воли правительства и опора престола Государя. Осмѣливаюсь утверждать, что патріотизмъ таковый господствуетъ во всѣхъ ученыхъ заведеніяхъ и обществахъ. Сколь много разныя обстоятельства дѣйствуютъ на слово, показывается тѣмъ, что слово почитаютъ способнымъ къ изображенію духа народнаго; въ твореніяхъ Грековъ и Римлянъ есть духъ отличный отъ духа въ твореніяхъ другихъ народовъ; равномѣрно Англичане, Нѣмцы, Французы, Италіацы и восточные народы послужатъ тому примѣромъ. Но съ другой стороны и слово имѣетъ вліяніе въ духъ народный и въ семъ отношеніи какую пользу принесетъ прилѣжное занятіе словесностію нашего языка, коего богатство и сила, величественность и пріятность, гибкость и другія достоинства весьма уже извѣстны. И сей ли языкъ, нашъ родной, не должны мы предпочитать какому иностранному? Пристрастившіеся много къ языку чужеземному и слѣпо пренебрегающіе свой, привыкаютъ къ чужеземнымъ нравамъ, образу мыслей, даже иные къ вѣрѣ и къ чужой землѣ; — и на сихъ ли безнадежныхъ опорахъ можетъ стоять твердо престолъ царскій, величіе Отечества, бла-

годенствіе сограждан? Сожалѣть должно о томъ, когда въ семъ иногда за большими слѣдуютъ малые, за столицами провинціи, за языкомъ моды, за модою роскошь, за роскошью бѣдность и развратъ! Въ сердцахъ и умахъ поселяется вредное направленіе. Но съ другой стороны надлежитъ радоваться, видя патріотовъ, безпристрастно любящихъ родной страны просвѣщеніе и языкъ и содѣйствующихъ возвышенію оныхъ. Общество наше уважая сихъ истиныхъ сыновъ Отечества, трудами и занятіями своими постарается усердно споспѣшествовать успѣху таковыхъ дѣлъ.

Естьли занятіе своею Словесностію способно возбуждать болѣе любовь къ Отечеству; то упражненіе въ оной Россіянокъ принесетъ также не маловажную пользу. Усердно пожелаемъ имъ сего занятія, изъ учености самаго приличнаго прекрасному полу и приложимъ стараніе о распространеніи сихъ занятій. Многіе Европейскіе народы имѣютъ уже своихъ писательницъ и у насъ являются таковые. Полъ сей будучи образованъ истино, а не мнимо и только для блеску и моды, будетъ полезенъ тѣмъ для семейственнаго щастія и общественнаго удовольствія, равномѣрно для просвѣщенія

и Отечества; изъ подъ руки его выходятъ первоначально сыны Отечества, въ сердцахъ коихъ раннее посѣяніе любви къ нему содѣлываетъ ихъ полезными.

Многое можно бы еще сказать о предметѣ настоящаго разсужденія, естьли бы время позволяло о томъ распространяться. Изобразивъ ходъ нашего Общества, показавъ его занятія и упомянувъ о пользѣ, какую можетъ принести оно, намъ пріятно, почтенные Посѣтители, содѣлывать Васъ своими судьями, и вмѣстѣ по приемлемому Вами участію почитать споспѣшествователями цѣли нашего Общества. На сіе участіе отвѣтствуемъ мы искреннею своею благодарностію: настоящая бесѣда съ вами содѣлается для насъ навсегда пріятнѣйшимъ воспоминаніемъ. День сей пребудетъ для насъ достопамятнымъ и потому, что мы имѣли щастіе въ присутствіи Вашемъ, Почтенные любители просвѣщенія, къ радостнымъ восклицаніямъ во всей пространной Россійской Имперіи многочисленныхъ и многообразныхъ племенъ народныхъ, къ возсылаемымъ мольбамъ Всевышнему разными языки, — присоединять и свой гласъ радованія о великомъ по сердцу и дѣламъ нашемъ Государѣ Императорѣ. И мы, Почтенные соч-

лены, вмѣстѣ съ родомъ человѣческимъ торжествуемъ день сей, вмѣстѣ съ восторгомъ отечества возносимся къ небесамъ, и мы на востокѣ привѣтствуемъ наше солнце, освѣщающее и грѣющее седьмую часть свѣта. Благословляемъ имя Твое, Утѣшитель Вселенныя, Отрада Европы, Просвѣтитель Отечества! Воспламененныя дѣяніями твоея славы сердца наши одушевятся всѣмъ великимъ, высокимъ и изящнымъ! Сими дѣлами Твоими не престанутъ питаться и возгараться въ груди нашей усердіе и ревность къ пользѣ общей, къ просвѣщенію, для сердца твоего любезному!

СПИСОКЪ ЧЛЕНОВЪ

Казанскаго Общества Любителей Отечественной Словесности, показывающій ихъ вступленіе съ начала онаго до 1815 года.

1806 года

23 Апрѣля 1) Николай Ибрагимовъ.

2) Василій Перевощиковъ, выбылъ въ Пензу иногороднымъ членомъ 1807 года 11 Октября, а поступилъ опять въ дѣйствительные 1810 года въ Іюлѣ мѣсяцѣ.

3) Петръ Кондыревъ.

4) Александръ Васильевъ, выбылъ иногороднымъ въ Санктпетербургъ 1812 года въ Февралѣ.

5) *Данила Богдановъ*, выбылъ иногороднымъ въ Балахну 1807 года, умеръ 1809 года въ Ноябрѣ мѣсяцѣ.

30 Апрѣля 6) Порфирій Безобразовъ, выбылъ въ иногородные члены въ Санктпетербургъ 1807 года.

11 Іюля 7) Дмитрій Княжевичь, иногороднымъ въ Санктпетербургѣ.

27 Августа 8) *Иванъ Панаевъ*, выбылъ въ иногородные члены въ Санктпетербургъ 1807 года, умеръ 1813 года.

9) *Семенъ Бѣлоусовъ*, выбылъ въ иногородные 1808 года и потомъ изъ Общества 1814 года.

26 Ноября 10) Александръ Панаевъ, выбылъ иногороднымъ въ Санктпетербургъ 1807 года.

10 Декабря 11) Илья Яковкинъ.

12) Григорій Городчаниновъ, выбылъ въ иногородные 1808 года, изъ Общества 1809, 7 Декабря, вновь принятъ 1811 года 7 Марта.

1807 года

22 Генваря 13) Сергѣй Аксаковъ, иногороднымъ въ Санктпетербургѣ, уволенъ 22 Іюня, вновь принятъ 1811 года 2 Маія.

14) *Павелъ Протопоповъ*, иногороднымъ въ Оренбургѣ, уволенъ 1809 года Декабря 7 дня.

23 Апрѣля 15) Иванъ Кужелевъ, иногороднымъ въ Нижнемъ Новгородѣ.

10 Сентября. 16) Дмитрій Перевощиковъ, выбылъ иногороднымъ въ Симбирскъ 1808 года

1809 года

6 Іюля 17) *Иванъ Запольскій*, умеръ 1810 года Декабря 20 дня

1810 года.

11 Октября 18) Архимандритъ Іизраиль.

19) *Иванъ Сокольскій*, уволенъ 1813 года.

20) Архимандритъ Епифаній

21) Карлъ Фуксъ.

	22) *Григорій Яковкинъ*, умеръ 12 Ноября сего года.
1811 года. 7 Марта	23) Александръ Лубкинъ, иногороднымъ въ Оренбургѣ, дѣйствительнымъ въ началѣ 1812 года.
	24) Афонасій Пятницкій, иногород. въ Оренбургѣ.
	25) Петръ Бужаниновъ.
2 Маія	26) Василій Анастасевичь, иногороднымъ въ Санктпетербургѣ.
6 Іюня	27) Федоръ Рындовскій, иногороднымъ въ Кіевѣ.
	28) Николай Федоровъ, иногороднымъ въ Уфѣ и потомъ Санктпетербургѣ.
21 Декабря	29) Дмитрій Соколовъ, иногороднымъ въ Санктпетербургѣ.
	30) Протоіерей Борисъ Поликарповъ.
	31) Прот. Гурій Ласточкинъ.
	3) Степанъ Петровскій.
	33) Григорій Никольскій.
	34) Александръ Карсунскій, иногороднымъ въ Оренбургѣ.
	35) Николай Арцыбышевъ, иногород. въ Цивильскѣ.

36) Патрикій Политковскій, иногороднымъ въ Санктпетербургѣ.

1812 года.

17 Декабря 37) Иванъ Срезневскій, иногороднымъ въ Харьковѣ.

38) Савва Мосмтильниковъ.

39) Іерей, послѣ Протоіерей, Петръ Таліевъ.

40) Осипъ Срезневскій.

41) Никита Поповъ, иногороднымъ въ Перьми.

1813 года

7 Ноября 42) Гавріилъ Солнцевъ.

1814 года.

22 Генваря 43) Степанъ Руссовъ, иногороднымъ въ Москвѣ.

28 Іюля 44) Архимандритъ Діонисій, иногороднымъ въ Астрахани.

45) Александръ Воейковъ, иногороднымъ въ Рязани, а потомъ Дерптѣ.

46) Николай Менделѣевъ, иногороднымъ въ Москвѣ.

18 Ноября 47) Владиміръ Панаевъ.

48) Михаилъ Юнаковъ.

49) Яковъ Орловъ, иногороднымъ въ Санктпетербургѣ.

50) Александръ Агафи, иногороднымъ въ Астрахани

VII.

РАЗСУЖДЕНІЕ

О вліяніи Словесности въ нравственное образованіе человѣка.

Мыслить и мысли свои сообщать себѣ подобнымъ научаетъ насъ первоначально сама природа. Соединивъ противоположныя побужденія въ слабомъ существѣ нашемъ и для удовлетворенія онымъ надѣливъ насъ нужными способностями, она открываетъ предъ нами многообразную картину явленій, и тѣмъ производитъ въ душѣ нашей безчисленныя представленія, возбуждаетъ различныя чувствованія и хотѣнія, и раждаетъ попеременно разныя намѣренія, склонности и страсти Устроивъ тѣлесный органъ нашъ способнымъ сообразоваться со внутренними перемѣнами духа и подражать нѣкоторымъ дѣйствіямъ окружающихъ насъ предметовъ, она поставила насъ въ обществѣ, гдѣ мы нужды свои взаимно знать, радости и горести чувствовать и желанія предупреждать обязаны, и тѣмъ привела насъ въ необходимость напрягать всѣ усилія, дабы чрезъ различныя внѣшнихъ орудій движенія открывать и сообщать другъ другу внутрен-

нія душевныя ощущенія. Такимъ образомъ нескладный крикъ обращаетъ на насъ вниманіе другихъ; плачь и смѣхъ вдыхаетъ въ нихъ соучастіе; различныя положенія и движенія тѣла и членовъ его изъявляютъ нужды и желанія; измѣненія въ чертахъ лица и во взорахъ воспламеняютъ въ нихъ чувствованія и страсти. Таковъ языкъ природы, языкъ необходимости! И онъ можетъ быть даже кракрасноречивъ, можетъ переливать и съ силою впечатлѣвать въ душу другихъ тѣ живыя чувствованія и пламенныя страсти, которыми мы сами объяты и проникнуты. Не смотря на то, онъ не можетъ быть достаточенъ для изражения всѣхъ перемѣнъ, которыя мы въ душѣ своей ощущаемъ, не можетъ проводить высшихъ познаній, въ коихъ мы вещи представляемъ себѣ подъ общими имъ примѣтами. Чувствуя сей недостатокъ его при первомъ ума раскрытіи, люди по необходимости должны были напрягать болѣе свои органы, дабы составить обширнѣйшій кругъ знаковъ, который бы можно было примѣнить ко всѣмъ многоразличнымъ оттѣнкамъ своихъ умопредставленій, и такимъ образомъ мало помалу произвели наконецъ языки искусственные. Знаки сихъ языковъ хотя по

необходимости первоначально должны были образоваться изъ природныхъ, но тѣмъ существенно отъ нихъ разнятся, что не имѣютъ, подобно имъ, необходимой связи съ означаемыми чрезъ нихъ предмѣтами, а всю силу свою заимствуютъ единственно отъ произвольнаго людей согласія. Вотъ причина, для чего мы не иначе можемъ научаться таковымъ языкамъ, развѣ чрезъ обращеніе съ людьми, оные употребляющими. Сіе доказываетъ намъ собственный нашъ опытъ. Не говоря о разныхъ языкахъ дѣйствія, мы должны признаться, что искуство сообщать мысли и чувствованія свои посредствомъ членовныхъ звуковъ единственно отъ другихъ перенимаемъ. Люди, въ отдаленіи отъ извѣстнаго общества человѣческаго живущіе, бываютъ не способны понимать употребляемый ими образъ выраженія, равно какъ и сами для него не вразумительны. Сіе разсужденіе ведетъ насъ далѣе. Изъ него ясно мы видѣть можемъ, что ни самое распространеніе и усовершенствованіе слова человѣческаго безъ взаимнаго людей сообщенія быть не могло и никогда не можетъ. Даръ словесности ниспосланъ человѣку для общежитія; но общежитіе раскрываетъ его, питаетъ, возращаетъ и при-

водитъ въ зрѣлость. Такимъ образомъ языки и словесность всѣхъ образованныхъ народовъ только чрезъ взаимное весьма частое сообщеніе и тѣсное и почти дружеское между собою обращеніе просвѣщеннѣйшихъ особъ приходили и нынѣ приходятъ въ новое и высшее совершенство. И такъ посильное споспѣшествованіе къ усовершенствованію языка и словесности Отечественной — вотъ цѣль, для которой съ Высочайшаго соизволенія въ семъ храмѣ наукъ священный союзъ мы заключили. Цѣль благородная, намѣреніе высокое и благотворное! И тѣмъ для насъ святѣе и ненарушимѣе будетъ сія наша обязанность, чѣмъ болѣе мы будемъ чувствовать, сколь *велико и сильно вліяніе, которое изящныя науки и особенно Словесность Отечественная оказываютъ въ образованіи человѣческой природы.*

Почтеннѣйшіе Посѣтители! Позвольте мнѣ остановиться на семъ предметѣ и по возможности изложить его нѣсколько подробнѣе. Сердечное ваше удовольствіе при сугубомъ нынѣ свѣтло празднуемомъ торжествѣ ободряетъ духъ мой надеждою на благосклонное вниманіе Ваше къ слову сему, которое произнести искреннее мое въ Вашей радости участіе слабые таланты мои возбуждаетъ.

Изящная словесность состоитъ не въ одномъ только искусномъ подборѣ словъ, согласнымъ звукомъ и стройнымъ теченіемъ слухъ услаждающемъ. Нѣтъ! это одно только ея наружное качество, которое хотя и бываетъ для нея необходимо, съ тѣмъ однакожъ, чтобъ оно всегда произтекало изъ существеннаго оной свойства. Истиннуюже сущность всякаго краснорѣчія составляютъ живыя и съ силою впечатлѣвающіяся представленія фантазіи, очищенное и вѣрное чувство красоты и высокости, благородныя побужденія духа, открытыя и душу въ восторгъ приводящія страсти, и наконецъ ясныя и съ природою вещей сообразныя ума познанія. Только сихъ красотъ исполненное слово можетъ плѣнять воображеніе, трогать сердце, обворожать умъ и человѣка восхитивъ, увлекать на сторону писателя и витіи. Безъ таковыхъ совершенствъ сколькобы оно исправно обработано ни было, всегда останется мертвымъ и не дѣйствительнымъ. Итакъ упражненіе въ изящныхъ наукахъ требуетъ вопервыхъ глубокаго познанія природы и въ особенности человѣческаго сердца; желаніе отличиться на семъ поприщѣ славы само собою влечетъ людей къ просвѣщенію, и стараніе дѣйствовать

языкомъ надъ другими побуждаетъ употреблять всѣ усилія къ снисканію навыка скоро соображать и въ наилучшемъ видѣ представлять свои понятія. По сей то, кажется, причинѣ во всѣхъ почти просвѣщенныхъ народахъ сперва показывались обворожающіе поэты, сладкорѣчивые повѣствователи и сильные витіи, и въ слѣдъ уже за ними появлялись тонкіе Философы и глубокомысленные испытатели природы. И неудивительно Словесность сама собою составляетъ обильный источникъ просвѣщенія и дѣйствительнѣйшее средство къ распространенію человѣческихъ познаній. — Представляя себѣ природную ограниченность нашего разума и безчисленныя развлекающія насъ попеченія житейскія, смѣетъ ли кто нибудь изъ насъ похвалиться, что онъ одинъ, безъ всякаго содѣйствія другихъ, самъ собою умѣлъ раскрыть свои дарованія и приобрѣсти обширныя и основательныя свѣденія? Нѣтъ! Не каждое тѣло можетъ быть освѣщаемо лучами солнца, и весьма рѣдкіе изъ разумныхъ тварей піютъ свѣтъ божественной мудрости. Люди всѣ ученики и вмѣстѣ наставники другъ друга. Умы ихъ занимаютъ свѣтъ познаній одинъ отъ другаго, подобно какъ свѣтильники одни отъ

другихъ возжигаются. И самые высокіе таланты гибнутъ въ бездѣйствіи и неизвѣстности, когда нѣтъ человѣка, который бы сообщилъ имъ благотворную искру просвѣщенія. Такъ всякое тѣло, на которое не могутъ упадать лучи свѣта, остается въ вѣчный мракъ погруженнымъ.

Но дѣйствіе умовъ человѣческихъ далеко превосходитъ свѣтъ лучей солнечныхъ. Сей по отраженіи своёмъ становится слабѣе; а лучи просвѣщенія тѣмъ болѣе усиливаются, чѣмъ далѣе отъ предковъ въ потомство переливаются, и чѣмъ болѣе производятъ новыхъ отраженій. Ибо умъ человѣческій по безпрерывной дѣятельности своей рѣдко можетъ быть доволенъ занятыми отъ другихъ познаніями. И такъ когда взаимное нашихъ свѣденій сообщеніе служитъ если не единственнымъ, по крайнѣй мѣрѣ дѣйствительнѣйшимъ къ распространенію ихъ средствомъ; то можноли найти лучшій способъ къ сему между людьми соотношенію кромѣ человѣческаго слова? Никакого. Всѣ прочіе знаки мыслей, каковы бы они нибыли, естественные, или искуственные, и состоятъ ли въ различныхъ положеніяхъ и движеніяхъ тѣла и внѣшнихъ частей его, или въ разныхъ какъ

существенныхъ, такъ и эмблематическихъ предметовъ изображеніяхъ и произвольныхъ чертахъ; — всѣ они, кромѣ чувствованій нашихъ и непосредственныхъ вещей представленій могутъ иногда выражать и нѣкоторыя общія понятія, но весьма не многія, и тѣ очень не явственно и двусмысленно. По сему естьли всякой словесный языкъ столь важенъ и необходимъ для распространенія нашихъ познаній; то коль несравненно болѣе содѣйствуетъ къ тому *рѣчь* посредствомъ изящныхъ наукъ сообразно сей цѣли обработанная и усовершенствованная! Въ семъ не могутъ не признаться даже и тѣ великіе, сильные, парящіе и всеобъемлющіе умы, которые въ тихомъ уединеніи испытывая и наблюдая природу и собственное сердце и въ глубокомъ безмолвіи выводя умозаключенія изъ своихъ изслѣдованій, надѣются сами собою открыть важныя для свѣта истины и невѣдомыми до нихъ изобрѣтеніями принести ему пользу и удивить вселенную. И они чувствуютъ необходимость въ языкѣ обильномъ, правильномъ, гибкомъ и, сколько возможно, обработанномъ; не потому только, что онъ способнѣе для сообщенія ихъ высокихъ и утонченныхъ умопонятій, но потому даже, что безъ

него таковыхъ выспреннихъ представленій никогда имѣть они не будутъ. Безъ него всѣ труды ихъ останутся тщетными и всѣ таланты погибнутъ безъ дѣйствія. Ибо всѣ ихъ общія и отвлеченныя понятія сутъ одни только отношенія разума къ познаваемымъ предметамъ и сами по себѣ ничего не имѣютъ такого, что бы могло ихъ впечатлѣвать въ воображеніи и памяти, столь тѣсно сопряженныхъ съ чувственностію. По сему хотя безъ языка и можно иногда по сообраҗенію чувственныхъ представленій составить для себя выспреннія идеи; но всѣ они скоро изчезаютъ изъ головы нашей, особливо когда подавлены будутъ множествомъ новыхъ впечатлѣній. Такъ взошедъ на высокую гору мы теряемъ прежніе слѣды наши, коль скоро низпавшій изъ облаковъ обильный снѣгъ ихъ покрываетъ. Но естьли совершая трудный путь сей были мы столь предусмотрительны, что не оставили замѣтить оный какими нибудь признаками; то безъ затрудненія возвратимся по немъ къ мѣсту, откуда прежде его начали. Подобнымъ образомъ употребляя слова, мы легко приводимъ себѣ на память и самыя означаемыя ими понятія, по закону сообраҗенія, находящаго омношеніе между

знаками и означаемыми вещами. Слѣд. чѣмъ знаки сіи будутъ совершеннѣе и обильнѣе, тѣмъ удобнѣе и большее количество понятій возбудить въ насъ могутъ. Вотъ причина, для чего народы, имѣющіе бѣдный и необработанный языкъ, бываютъ недостаточны и грубы въ своихъ понятіяхъ; равно какъ и необразованныя племена не могутъ хвалиться обиліемъ и стройностію своего нарѣченія.

И самое познаніе законовъ, на коихъ основывается выраженіе человѣческихъ мыслей и чувствованій, не составляетъ ли уже высокаго ума образованія и благороднѣйшаго занятія? Не знать, что такое значитъ, что мы другимъ открываемъ, и то, чѣмъ мы оное имъ сообщаемъ, не естьли постыдное и унизительное для существа разумнаго невѣжество, и особливо для тѣхъ, которые составляютъ высшій и образованнѣйшій кругъ человѣчества? Не тожели это значитъ, какъ не вѣдать, что мы такое на свѣтѣ, для чего въ немъ существуемъ, и что намъ здѣсь дѣлать?

И сколь сладостныхъ, сколь благородныхъ и возвышенныхъ чувствованій лишаетъ людей таковое невѣжество! Каждая истинная красота изящныхъ Слове-

сности произведеній есть источникъ неизъяснимыхъ удовольствій, занимающихъ умъ, обаяющихъ воображеніе, плѣняющихъ вкусъ и душу и сердце въ восторгъ приводящихъ. Можно ли не воспламеняться духомъ отъ восторговъ Ломоносова, не плѣняться изображеніями Хераскова и Державина, не млѣть сердцемъ отъ нѣжностей Карамзина, не трогаться меланхолическими чувствованіями Капниста и простосердечіемъ Хемницера и Богдановича, не содрогаться отъ сценъ Сумаронова, Княжнина и Озерова, не смѣяться острымъ шуткамъ Фонъ-Визина и Крылова, и не очистить и не возвысить вкуса своего красотами Дмитріева? Могутъ ли съ сими, истинно природѣ человѣческой свойственными, удовольствіями сравняться тѣ забавы свѣта, которыя льстятъ только или одной глупой чувственности, или страстямъ необузданнымъ, которыхъ источникомъ часто бываетъ или грубость необразованнаго вкуса, или развратъ утонченный, и которыя истребляютъ въ человѣкѣ послѣднее достоинство, его самочувствіе, а часто на вѣкъ погубляютъ его здравіе и душевное спокойствіе? Нѣтъ, никогда! Пріятности отъ упражненія въ Словесности произтекающія

подобны только неизъяснимому блаженству, которое одна добродѣтель въ сердца человѣческія вливать можетъ.

Такъ! Ибо добродѣтель есть единственная цѣль всѣхъ произведеній истинно изящной Словесности. Ее проповѣдуютъ Златоусты въ священныхъ храмахъ, ей научаютъ Гомеры и Лукіаны въ своихъ вымыслахъ, ее внушаютъ Плиніи и Томасы въ торжественныхъ собраніяхъ и вдыхаютъ Дмитревскіе и Шушерины въ великолѣпныхъ домахъ общественныхъ зрѣлищъ. Острыя насмѣшки надъ глупостію, искусное изображеніе подлыхъ страстей и поступковъ, плѣнительное описаніе благородныхъ дѣйствій, трогательность, нѣжность, ужасъ, словомъ: все соединяется въ изящныхъ ума произведеніяхъ, чтобъ возбудить въ насъ ненависть и омерзѣніе къ пороку и вдохнуть любовь къ добродѣтели.

И такъ образованіе ума, вкуса и сердца — вотъ польза, отъ упражненія въ изящныхъ наукахъ произтекающая! И никакія другія искусства столь драгоцѣннаго плода произвести не могутъ. Они дѣйствуютъ на нашу чувственность и не достигаютъ тайнаго души святилища. Одна словесность проницаетъ въ сію глубину и тамъ для человѣка образуетъ

свойственный ему характеръ. Такъ на сладостный гласъ Орфея дикія и звѣроподобныя племена Ѳракіи вышли изъ глухихъ лѣсовъ и мрачныхъ пещеръ и составили свойственное человѣчеству Общество, и звукомъ Амфіоновой лиры плѣненные грубые обитатели Віотіи создали стѣны Ѳивскія. Казалось, звѣри внимали ихъ пѣснямъ, лѣса преклонялись на ихъ голосъ и самые камни двигались по ихъ внушеніямъ. Таково вліяніе изящнаго слова; таково на *нравственное образованіе человѣка дѣйствіе наукъ словесныхъ*, особливо если онѣ будутъ обработываемы на *языкѣ Отечественномъ*. Тогда каждый съ удовольствіемъ будетъ читать изящныя произведенія особъ, дарованіями и просвѣщеніемъ отличившихся, каждый будетъ озаряться свѣтомъ выспреннихъ познаній, который прогоняя мало по малу мракъ невѣжества, очиститъ вкусъ отъ грубыхъ наклонностей, разумъ освободитъ отъ закоренѣлыхъ и низкихъ предразсудковъ, въ душѣ будетъ истреблять подлое себялюбіе и сердце согрѣвать и воспламенять любовію къ общественному благу.

Вотъ мѣта, на которую Общество Любителей Отечественной Словесности взоръ свой постоянно устремляетъ! Сія

высокая цѣль да обратитъ вниманіе стремящихся къ просвѣщенію особъ на предметы трудовъ нашихъ; а для насъ, Почтеннѣйшіе сотрудники, да будетъ она залогомъ не разрывнаго единодушія и неусыпной ревности! Тогда исполненныя опытныхъ наставленій Ваши бесѣды будутъ служить наилучшимъ руководствомъ для юныхъ и мало еще въ дѣлѣ краснорѣчія искусившихся любителей Отечественной Словесности, а изящныя произведенія ума Вашего доставятъ лучшіе примѣры для подражанія въ ихъ занятіяхъ.

Такимъ образомъ всѣ другъ за другомъ стремяся къ большему отъ времени до времени усовершенствованію себя въ языкѣ Россійскомъ, исполнимъ благотворное намѣреніе, которое предполагалъ великій и премудрый нашъ Самодержецъ, воздвигая сіе святилище наукъ и утверждая при немъ союзъ нашъ Высочайшею Своею волею. Сей лучь промыслительной Его о насъ благости никогда не затмится въ памяти и сердцахъ нашихъ, и первые труды наши да будутъ первою и чистѣйшею нашея искренныя къ нему благодарности жертвою. И на что приличнѣе истощить красоты Россійской словесности, какъ на прославленіе доблестей

высокаго ея Покровителя, Коего день рожденія съ толико радостнымъ торжествомъ усердно нынѣ воспоминаемъ? Да будетъ Ему пріятна нелестная хвала и благодарность сердецъ, ободренныхъ и восхищенныхъ его щедротами, и да исполнятся волею Всевышняго искренняя ихъ желанія и обѣты о долгоденственномъ его и щастливомъ обладаніи славнѣйшимъ во вселенной царствомъ!

VIII.

СТИХИ
НА ВСЕРАДОСТНЫЙ ДЕНЬ РОЖДЕНІЯ КИРГИЗКАЙСАЦКАГО ЦАРЕВИЧА
Х Л О Р А.

Стремятся слезъ пріятныхъ рѣки
Изъ глубины души моей:
О сколь счастливы человѣки
Тамъ быть должны судьбой своей,
Гдѣ Ангелъ кроткой, Ангелъ мирной,
Сокрытый въ свѣтлости порфирной,
Владѣетъ областью какой.

Державинъ.

* *

Питомецъ и любимый внукъ
Богоподобныя Фелицы,
О *Хлоръ* склонись на новый звукъ
Киргизкайсацкія цѣвницы

* *

Вотъ тридцать семь свершилось лѣтъ,
Какъ орды Сѣверо-Востока
Съ *Твоимъ* рожденьемъ видятъ свѣтъ
И молятъ за *Тебя* Пророка.

* *

Мурза Татарской описалъ
Сей день перомъ достойнымъ славы;
Какъ на ладони показалъ
Блаженство *Твоея* державы:

* *

Онъ ясно видѣлъ впереди,
Я настоящимъ ослѣпляюсь;
Но *Хлоръ*! хоть въ этомъ снизойди:
Я съ нимъ въ любви къ *Тебѣ* равняюсь.

* *

Мы здѣсь живемъ въ дали, въ глуши,
Счастливы подъ *Твоимъ* владѣньемъ;
Другой хвалы *Тебѣ* пиши,
Мы хвалимъ молча — наслажденьемъ.

* *

Однако, какъ *Тобой* же данъ
Вездѣ ходъ разуму и вкусу,
То не въ одинъ глядимъ Коранъ;
Плетемъ и вирши по улусу.

* *

А въ станѣ золотой Орды
Тобою Музамъ храмъ воздвигнутъ,
Наукъ тарабарски склады
Въ немъ тщатся юноши постигнуть.

* *

Сей храмъ, какъ храмы двухъ столицъ,
Мнѣ представляется разсадомъ;
Отъ множества такихъ теплицъ
Нашъ Сѣверъ будетъ вертоградомъ,

* *

И влагой Царственныхъ щедротъ
Взраститъ, взлелѣетъ въ краи изъ края
Цвѣты ума, плоды добротъ,
Душевны чувства услаждая.

* *

Вотъ сколько, *Хлоръ*! Ты прочныхъ благъ
Засѣялъ для временъ грядущихъ;
Но жезлъ судьбы въ *Твоихъ* рукахъ
И ради насъ въ *Твой* вѣкъ живущихъ.

* *

Довольство всѣхъ, досугъ, покой
Ты цѣлью дѣлъ *Своихъ* поставилъ.
Такъ *Зороастръ*, прапрадѣдъ *Твой*,
Минувшій вѣкъ Собой прославилъ.

* *

Отъ тѣхъ геройственныхъ временъ
Въ чудесныхъ подвигахъ военныхъ,
Среди различныхъ внутрь премѣнъ,
Имперіи скрѣпились члены.

* *

Она Лунѣ отмстила, льву,
На Альпы возносила стопы,
И подняла свою главу
Въ міро-судилищѣ Европы.

Тебя сопровождалъ на тронъ
Восторгъ сладчайшихъ ожиданій:
Что кротость будетъ *Твой* законъ,
И опочіемъ свѣтъ отъ браней.

* *

Ты далъ обѣтъ сей не вотще;
Но время кары не приспѣло
Злодѣйствамъ — и еще, еще
Имъ провидѣніе терпѣло.

* *

Оно свершало свой совѣтъ:
„Да мужъ кровей превознесется,
„Насилій всюду слѣдъ прострешъ;
„Салима *Твоего* коснется....

* *

„И ископаетъ ровъ себѣ
„Орудіемъ своей гордыни,
„Возмнитъ быть Богъ“.... и се не бѣ
Ругатель дерзостный святыни.

* *

Кто Юга, Запада былъ страхъ,
Днесь сталъ посмѣшище вселенны,
И возвратился въ прежній прахъ,
Напутственъ клятвой озлобленныхъ.

* *

Въ *Тебѣ* же Промыслъ искушалъ
Твоихъ нань злато упованій,
Твое смиреніе вѣнчалъ,
Приближилъ край *Твоихъ* желаній.

* *

Желаній край: дать міру миръ,
Уму и совѣсти — свободу,
Честь - доблестямъ, законамъ - скиптръ,
Санъ человѣчества — народу.

* *

И *Ты* достигъ сей цѣли *Хлоръ*,
Подвижникъ поприща верховна!
Взошелъ на крутизну тѣхъ горъ,
Гдѣ дышетъ роза безшиповна.

* *

Снеси ее! — *Твой* къ намъ приходъ
Съ возвратомъ солнечнымъ сравнится,
И сей *Твой* новый жизни годъ
Въ потомствѣ вѣкъ благословится.

IX.

ПОХВАЛЬНОЕ СЛОВО ВСЕМИЛОСТИВѢЙШЕМУ ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ *АЛЕКСАНДРУ ПЕРВОМУ*.

Принося чувствительную Обществу благодарность за избраніе, коимъ удостоило оно меня чести соучаствовать въ трудахъ его, приличнѣйшимъ дню сему и бесѣдѣ нашей, милостивые государи, почитаю излить въ присутствіи Вашемъ чувствованія глубочайшаго благоговѣнія,

одушевляющія меня къ Августѣйшему виновнику настоящаго торжества и нашего благоденствія. Сознаюсь въ слабости талантовъ моихъ, но надѣюсь на ваше снисхожденіе; вижу здѣсь многихъ уже на поприщѣ наукъ и Словесности отличившихся, которые съ большимъ искуствомъ и славою могли бы совершить предпріемлемое мною дѣло, но хочу научиться отъ нихъ, воспользоваться ихъ опытностію. Знаю, что одинъ изъ лучшихъ нашихъ писателей предупредилъ меня въ моемъ намѣреніи: не дерзаю оспоривать у него пальмы оратора, но осмѣливаюсь думать, что пылаю стольже чистою и нелицемѣрною любовію къ Благословенному АЛЕКСАНДРУ; не оскорблюсь даже неудачею, ибо водимъ не честолюбіемъ, но усердіемъ. Если любить своего Монарха, удивляться его подвигамъ, славиться его славою, прилично и свойственно каждому гражданину въ каждомъ государствѣ; то сколь въ превосходной степени должны мы, Россіяне, питать любовь сію, удивленіе, сію благородную гордость? И можемъ ли таить ихъ въ глубинѣ сердецъ нашихъ? Небо даровало намъ рѣдкаго, несравненнаго Монарха: да воскурится же ему изъ среды нашей ѳиміамъ нелицемѣрнаго хваленія.

Какое обширное поле добродѣтелей и великихъ дѣяній представляется глазамъ моимъ! Могули объять его? Взоръ мой теряется въ неизмѣримомъ пространствѣ; едва успѣетъ остановиться на одномъ предметѣ, какъ новый, изящнѣйшій его привлекаетъ. Хотѣлъ бы все сіе слить во едино; хотѣлъ бы представить вамъ полную, совершенную картину преславныхъ дѣлъ АЛЕКСАНДРА; но внутренно испытывая себя, чувствую, что сіе превыше силъ моихъ, вижу что долженъ ограничиться токмо важнѣйшими изъ его подвиговъ, и слѣдовательно болѣе примѣтными для обыкновеннаго наблюдателя.

Тяжко бремя правленія! Трудна наука царствовать! Что бы умѣть достойно судить о Государяхъ въ отношеніи къ государствамъ, надобно или самому быть на престолѣ, или покрайней мѣрѣ близко стоять къ нему; заключенные судьбою въ кругу посредственности, мы не можемъ имѣть о томъ надлежащаго понятія, не можемъ однако же быть и совершенно несвѣдущими. Были люди, которымъ могло быть сіе извѣстно. Они передали намъ свои мысли; ими должны въ семъ случаѣ руководствоваться. Государь, говорятъ они, какъ назида-

тель внутренняго благоденствія, должен быть милосерд, правосуден, должен имѣть мудрость законодательную, неослабно пещись о благѣ подданных; государь, как блюститель внѣшней безопасности должен быть храбр, мужествен, свѣдущ в дѣлѣ военном, искусен в политикѣ. С сих-то двух главнѣйших точек дерзаю и я слѣдовать взором моим за вѣнценосцем АЛЕКСАНДРОМ.

Всевышній промысл, коего милосердіе издревле пребывало над главою Россіи, кажется с сугубым намѣреніем длил закатом того величественнаго свѣтила, которое тридесять и три лѣта освѣщало полунощь, что бы древо, Всемогущею рукою его насажденное, возрасло, возвысилось и нѣкогда простерло благосѣнолиственныя вѣтви свои над безчисленными народами, да обрѣтут под его кровом защиту и безопасность. Скажу яснѣе, Великая Екатерина, от проницательных взоров Которой ничто не могло укрыться, прозрила в юном царевичѣ АЛЕКСАНДРѢ достойнаго преемника высоких качеств своих и обратила на него всѣ попеченія, всю заботливость матери. Она положила образовать в нем Государя, коего дѣла были

бы предмѣтомъ подражанія для владыкъ земныхъ. Природа, одарившая Его вмѣстѣ съ прелестною наружностію, ангельскою душею, облегчила труды Ея: и сердце АЛЕКСАНДРА облеклось кротостію, и разумъ Его озарился премудростію, и десница Его научилась владѣть скиптромъ.

Ни одинъ изъ Государей, какъ АЛЕКСАНДРЪ, можетъ быть, не былъ сопровождаемъ на престолъ толикою любовію своихъ подданныхъ. Всѣмъ уже извѣстны были рѣдкія свойства великой души Его; а торжественная клятва царствовать по духу и сердцу Екатерины еще болѣе въ томъ удостовѣрила и оживила надежды патріотовъ. О сколь они не обманулись!

Милосердіе, первѣйшее изъ совершенствъ Божеству нами приписываемыхъ! Если ты когда являлось на землѣ въ образѣ человѣка; то конечно АЛЕКСАНДРЪ есть сей избранный, единственный смертный. Едва возшелъ Онъ на прародительской престолъ, какъ уже и пролилъ обильною рѣкою свои щедроты (а). Чья рука, нещастливецъ, отворила твою темницу, гдѣ лишенный свѣта дневнаго и всѣхъ радостей жизни, ты страдалъ и томился,

---

(а) Манифестъ при вступленіи на царство, коимъ дарованы различныя льготы и милости.

воображая себя на вѣки погребеннымъ въ стѣнахъ сихъ, ужаснѣйшихъ самаго гроба? Чей сладостный голосъ достигъ ушей твоихъ, бѣдный страдалецъ, уже столько лѣтъ скитавшійся въ пустыняхъ Сибири, или въ подземныхъ пропастяхъ ея изтощевающій свои силы, тщетно возводящій къ небесамъ слезный взоръ свой и утружденные руки, чей, спрашиваю, голосъ возвѣстилъ тебѣ свободу? АЛЕКСАНДРА! Вы отвѣчаете, и цѣлые милліоны повторяютъ съ вами: да благословитъ Господь Его Царствованіе! Такъ восхитительно было утро того прекраснѣйшаго дня, коего лучезарный полдень нынѣ насъ освѣщаетъ. Но давноли вновь неизреченныя милости намъ дарованы (b)?

Въ мрачныя времена невѣжества, когда Цари, окруженные страхомъ и ужасомъ, робко, съ недоступныхъ престоловъ своихъ, взирали на подвластные имъ народы, воображая въ каждомъ подданномъ видѣть злобнаго умыслителя противу жизни ихъ или Величества, чудовище, подобное Инквизиціи, грозило всякъ часъ жесточайшими мученіями и преступленію и самой невинности. Оно стрегло гражданина — и въ домѣ его и на торжищахъ; не толь-

(b) Таковый же 30 Августа 1814 года.

ко говоришь, никшо не смѣлъ чувствовать, думашь свободно. АЛЕКСАНДРЪ видѣлъ въ подданныхъ дѣшей своихъ, умѣлъ цѣнишь досшоинсшво человѣка и положилъ конецъ сему варварскому заведенію, которое шщешно предшесшвенники его уничшожишь намѣревались." *Да „изгладится навсегда изъ памяти народ„ной,* вѣщалъ онъ, *самое названіе пытки, „стыдъ и укоризну человѣчеству нанося„щее!„* (а) Безсмершныя слова! Вы перейдеше къ пошомсшву вмѣсшѣ съ изреченіемъ Великія Екашерины (b)!

Удовлешворивъ шакимъ образомъ пошребносши своего сердца, къ добру ошверсшаго, юный Монархъ обращаешъ вниманіе на внушреннее усшроеніе Государсшва. Онъ нашелъ Россію на довольно высокомъ сшепени просвѣщенія, или по крайней мѣрѣ на гораздо высшемъ, нежели каковою была она въ царсшвованіе Екашерины; онъ зналъ, что кругъ дѣйсшвій прежняго правленія, я разумѣю власшь исполнишельную, былъ слишкомъ ограниченъ и недосшашоченъ, между шѣмъ какъ пошребносши къ благоденсшвію Государсшва необходимыя и исшо-

(а) Указъ 1801 года Сентября 27 дня

(b) Лучше проститъ десять виновныхъ, нежели наказать одного невиннаго.

чники народнаго богатства безпрестанно открывались и увеличивались, чувствовалъ, что одного помощника къ приведенію всего въ надлежащій порядокъ было ему не довольно и потому, избравъ опытныхъ, свѣдущихъ и достойныхъ мужей, раздѣлилъ между ними, соотвѣтственно талантамъ каждаго, предметы государственныхъ занятій. Вотъ причина учрежденія Министерствъ (а). Геніи Колбертовъ, Вяземскихъ и другихъ родятся вѣками; можетъ ли одинъ человѣкъ совершить то, что произведутъ соединенные труды нѣсколькихъ? Гдѣ возметъ онъ столько силъ и терпѣнія? Къ тому же времена и обстоятельства между собою различествуютъ: что казалось прежде

(а) 1802 года Сентября 8. „Учреждая Министерство на таковыхъ правилахъ, *мы* имѣемъ лестную надѣжду, что оно споспѣшествовать намъ будетъ къ утвержденію народнаго спокойствія, сего истиннаго и ненарушимаго оплота Царей и Царствъ, къ сохраненію и возвышенію общаго всѣхъ благосостоянія и къ воздаянію каждому должнаго отъ лица правосудія, къ оживленію трудолюбія, промышленности и торговли, къ распространенію наукъ и художествъ, столь необходимыхъ для благоденствія народовъ: словомъ, къ приведенію всѣхъ частей Государственнаго управленія въ прочное и намѣренію нашему соотвѣтственное устройство.„ и проч.

чрезвычайнымъ, сдѣлалось нынѣ обыкновеннымъ. Геркулесъ достигъ Гесперіи и полагалъ обрѣсти здѣсь предѣлъ вселенныя.

Таковое, первое еще въ Россіи учрежденіе Министерствъ послужило токмо основаніемъ другаго, гораздо важнѣйшаго. Если сіи различныя части управленія, были отдѣлены одна отъ другой и ввѣрены, каждая особенно кому либо изъ достойнѣйшихъ и извѣданныхъ гражданъ, для скорѣйшаго приведенія оныхъ въ совершенство; то надлежало быть мѣсту, гдѣ бы опять всѣ они соединялись и подвергались бы новому испытанію, подобно широкой рѣкѣ, которая въ срединѣ теченія раздѣляясь на многія отрасли, приемлетъ въ себя другія мѣлкія рѣки и вторично сливаясь, изобильными водами впадаетъ въ море. Государь видѣлъ сію необходимость; зналъ, что въ лицѣ Монарха соединяются всѣ возможныя власти; но всегда, неподражаемымъ смиреніемъ облеченный, хотѣлъ, что бы дѣла Е. и намѣренія подвергались сужденію избраннѣйшихъ изъ его подданныхъ Сего ради созываетъ Онъ Государственный совѣтъ и подъ личнымъ предсѣдательствомъ Своимъ его открываетъ. Кому не извѣстны правосудіе и мудрыя начи-

нанія сего верховнаго судилища? Каждый день болѣе и болѣе въ томъ удостовѣряемся; развѣ токмо отсутствіе Высочайшей главы онаго полагаетъ нынѣ нѣкоторые предѣлы его дѣятельности (a).

Никогда еще отъ временъ Петровыхъ, ни который изъ Государей не прилагалъ толькихъ заботъ и попеченій о любезномъ нашемъ отечествѣ, какъ АЛЕКСАНДРЪ, справедливо всѣми обожаемый; никогда Россія не сдѣлала столь быстрыхъ шаговъ къ своему благоденствію. Требовалось ли оживить промышленность, сію душу народнаго благосостоянія; и безчисленные выгоды даны земледѣльцамъ, ремесленникамъ, художникамъ, фабрикантамъ (b): здѣсь зрѣютъ необозримыя поля благословенной жатвы, поощреннымъ трудолюбіемъ угобженныя; тамъ пестрѣются безчисленныя стада породъ донынѣ въ Россіи неизвѣстныхъ; тамъ прозябаютъ растѣнія доселѣ климату нашему чуждыя; здѣсь совершенствуются и вновь изобрѣтаются раз-

---

(a) Манифестъ объ образованіи Государственнаго Совѣта послѣдовалъ 1 Генваря 1811 года.

(b) 1803 года Февраля 20 дня о учрежденіи вольныхъ земледѣльцовъ. 1807 года Генваря 1 дна о правахъ и преимуществахъ купечества.

6*

личныя мануфактуры. Нужно ли было обезпечить торговлю, и обитатель Крыма, разпоряженіями мудраго правительства обеззабоченный, смѣло шлетъ издѣлія свои къ обитателю Сибири, взаимно произведенія сѣвера получая; а корабли Нева и Надѣжда совершивъ достославное свое кругомъ свѣта плаваніе, прокладываютъ нашему купечеству путь къ самымъ отдаленнымъ народамъ, сближаютъ Россіянина съ Американцемъ? Всѣ отрасли Государственнаго хозяйства получаютъ новое, лучшее образованіе, и новыми милліонами доходовъ подкрѣпляютъ финансы. Поселянамъ, городамъ, дворянству подтверждаются прежнія права ихъ и иными преимуществами распространяются (а). Остъ-зейскія Провинціи, угнѣтенныя самовластіемъ господъ своихъ, видятъ въ АЛЕКСАНДРѢ своего избавителя; всеобщая терпимость распространяется по всему Государству и народъ жестоко за преступленіе предковъ наказанный, повсюду гонимый, которому

(а) 1801 года Апрѣля 2 дня о утвержденіи и возстановленіи городоваго положенія и грамоты городамъ во всей силѣ ихъ и пространствѣ. Тогожъ дня о возстановленіи и утвержденіи преимуществъ въ грамотѣ дворянской содержащихся съ отмѣною и уничтоженіемъ противупостановленнаго оной.

самыя образованныя націи отказали даже въ достоинствѣ человѣка, получаетъ у насъ право гражданства (b).

Что скажу о просвѣщеніи? Тщетно въ Исторіи человѣчества стараюсь найти Государя, который бы въ пользу его принесъ столько пожертвованій и попеченій; напрасно ищу времени, когда бы сдѣлало оно столь скорые и невѣроятные успѣхи. Куда ни обращу любопытный взоръ мой, вездѣ вижу великолѣпные храмы въ честь божеству сему воздвигнутые, гдѣ юношество всѣхъ званій и состояній, благословляя Высокаго виновника толикихъ благъ, обогащаетъ умъ свой всѣми возможными свѣдѣніями, а сердце добродѣтелями. И сыну знатнаго вельможи и сыну бѣднаго ремесленника открыта одна дорога къ образованію. О любезное отечество! Какая прелестная будущность тебя ожидаетъ! Уже всѣ роды службы и должностей наполняются нынѣ людьми испытанныхъ знаній: невѣжество изгнано отъ всюду. Что же послѣдуетъ, когда сіи юноши, подъ благодѣтельною сѣнію правительства возрастающіе, возрастутъ и содѣлаются гражданами? Тогда сколько церковь будетъ

---

b 1804 года Декабря 9 дня положеніе объ Евреяхъ.

имѣть пастырей просвѣщенныхъ, истинныхъ служителей вѣры; судилища, судей безпристрастныхъ и прозорливыхъ; войско, воиновъ храбрыхъ, исполненныхъ познаній; купечество, купцовъ разчетливыхъ и дальновидныхъ. Нравственность и добродѣтель поселятся въ семействахъ, въ обществахъ, посреди всѣхъ классовъ народа. Но для чего теряюсь въ подробностяхъ? Вы, милостивые государи, изъ которыхъ многіе АЛЕКСАНДРУ воспитаніемъ своимъ обязаны, вы лучше меня знаете колико щедротъ излилъ онъ на просвѣщеніе, коликія даровалъ ему права и преимущества? Вами свидѣтельствуюсь, сколь нетщетными остались отеческія Его попеченія и сколь лестныя, по мѣрѣ сего, надежды нѣкогда предстоятъ Россіи!

Быстрый переходъ отечества нашего отъ младенческаго его состоянія къ возмужалости, разкрытіе вдругъ многихъ, до сего неизвѣстныхъ случаевъ и предметовъ къ постановленію законовъ, было естественною причиною, что законы наши хотя премудры и обширны, но еще не совершенно опредѣлены, очищены. Уже нѣсколько лѣтъ тщетно трудятся надъ составленіемъ оныхъ. Нынѣ же, когда царствуетъ надъ нами Монархъ,

столь просвѣщенный и правосудный, столь кроткій и человѣколюбивый, наученный опытами и примѣрами другихъ Государствъ, нынѣ мы можемъ надѣяться, что скоро будемъ имѣть уложеніе, сообразное съ физическимъ, нравственнымъ и политическимъ состояніемъ Россіи; тѣмъ паче, что ни одинъ изъ предшественниковъ АЛЕКСАНДРА, не обращалъ таковаго, какъ онъ, вниманія на важную часть сію. Онъ все употребилъ къ успѣшному окончанію достохвальнаго предпріятія своихъ вѣнценосныхъ предковъ (a).

Но, внутреннее благоденствіе не прочно, если не ограждено безопасностію извнѣ. Хотя АЛЕКСАНДРЪ наслѣдовалъ Отеческій престолъ въ такое время, когда Европа наслаждалась всеобщимъ спокойствіемъ, однакожъ спокойствіе подобилось тишинѣ свирѣпаго моря: сильный вѣтръ могъ въ одну минуту взволновать обманчивую поверхность его и воздвигнуть опаснѣйшую бурю. Вѣнценосецъ Россіи ясно видѣлъ сіе сомнительное положеніе дѣлъ и потому немѣдленно объявилъ свѣту, что Онъ, какъ обладатель

(a) 1804 года Февраля 28 дня, 1809 года Марта 4 дня: объ образованіи Коммисіи составленія законовъ.

Государства, первенствующаго въ великомъ семействѣ Европейскихъ державъ, употребитъ всѣ мѣры къ сохраненію мира, толико всѣмъ вожделеннаго, въ противномъ же случаѣ будетъ защитникомъ притѣсненныхъ. Обнаруживъ такимъ образомъ великія и утѣшительныя для человѣчества свои намѣренія, АЛЕКСАНДРЪ обратилъ все вниманіе на часть военную: ибо вѣдалъ что честолюбіе, возникнувшее изъ подъ развалинъ Французской Революціи не долго пребудетъ въ положенныхъ ему предѣлахъ, и что одна сила можетъ остановить бурное его разлитіе. О сколь вѣрно предугадалъ ты Монархъ прозорливый! Если бы войско, крѣпость и защита Государства, не было заблаговременно тобою умножено; Если бы Ты не вдушилъ ему сего мужества, ни чемъ непреоборимаго, сего духа порядка и дисциплины, повсюду прославляемаго, сей любви къ Себѣ и приверженности; то Россія, можетъ быть, пала бы подъ бременемъ браней на нее устремленныхъ, и Европа въ заревѣ Москвы узрѣла бы послѣдній ужасный день своей свободы!

Сильныя потрясенія въ Государствахъ почти всегда производятъ людей необыкновенныхъ. Никогда добродѣтели и таланты не являются въ такомъ блескѣ.

Древность представляетъ намъ многія сему примѣры; и мы донынѣ съ благоговѣніемъ повторяемъ имена Ѳемистокловъ, Брутовъ, Пожарскихъ. Въ наше время на западѣ Европы произошелъ великой переворотъ; но потомство напрасно будетъ искать въ немъ мужей, достойныхъ удивленія. Они были: но грядущія поколѣнія удивятся въ нихъ преступленіямъ, злобѣ и лютости, превосходящимъ всякое вѣроятіе. Таковъ и послѣдній, славнѣйшій изъ героевъ революціи Наполеонъ Бонапарте. Можетъ быть при лучшемъ направленіи обширнаго ума своего и рѣдкихъ дарованій, чего конечно отрицать не можемъ, онъ превзошелъ бы героевъ всѣхъ вѣковъ; но пылая духомъ преобладанія, онъ выбралъ совсѣмъ иной путь и справедливо привлекъ на главу свою проклятія народовъ. Вмѣсто того, что бы освободивъ отечество отъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ его вручить правленіе законному государю, онъ самъ облекся въ порфиру; вмѣсто того, что бы уврачевать раны, недавно минувшими бѣдствіями Франціи нанесенныя, онъ замышлялъ порабощеніе цѣлому свѣту. Тщетно миролюбивый АЛЕКСАНДРЪ истощалъ всѣ средства остановить въ самомъ началѣ пагубныя намѣренія алчна-

го завоевателя: Наполеонъ вторгся въ Германію, и минута, въ которую возгорѣлъ огнь брани, неугасимо десять лѣтъ пылавшій, обошедшій всю Европу, съ одного конца до другаго, роковая минута сія настала.

АЛЕКСАНДРЪ летитъ на помощь Своему союзнику, и ослабивъ въ Австріи силы Галловъ, является вскорѣ защитникомъ другаго, еще болѣе злобнымъ врагомъ утѣсненнаго Государя. Величественные берега Дуная, поля Пультуския, Эйлавскія, Гейльбергскія! Вы пребудете вѣчными памятниками славы Россійскаго оружія! Не ты, Великодушный поборникъ обиженныхъ и угнѣтенныхъ, не Ты виною, что еще тогда не сокрушено могущество Наполеона. Ты былъ токмо участникомъ тогдашнихъ произшествій, Ты не располагалъ ими. Ваша слабость союзники, корыстолюбіе и неискуство вашихъ Генераловъ: вотъ почему сіе могущество еще семь тяжкихъ лѣтъ продолжалось! Вы учинились достойными того наказанія, которое въ послѣдствіи васъ постигло! Герой сѣвера, сражаясь за ваши выгоды, имѣлъ покрайней мѣрѣ славу удержать колеблющійся тронъ Фридерика Великаго и успѣшнымъ миромъ увеличить свои земли (a).

(a) Тильзитскимъ

Не правда ли, слушатели, мы роптали на заключеніе сего мира? признаемся; минута раскаянія настала, а раскаяніе есть добродѣтель. Намъ казалось, что надлежало продолжать войну и новыми побѣдами стяжать миръ болѣе выгодный, болѣе для Россіи славный. Но я изложилъ уже причины, которые тому воспрепятствовали. Малодушіе и своекорыстіе союзниковъ, какая то покорность всѣхъ почти кабинетовъ повелителю Франціи ясно показали АЛЕКСАНДРУ, что время рѣшительной брани за свободу человѣчества еще не приспѣло. Онъ видѣлъ, что иго, подъ которымъ стенала Европа, еще не столь тяжко, что бы возбудить всеобщій, единый духъ мщенія народовъ; могъ конечно пріобрѣсти миръ болѣе выгодный; но изъ пустой, непродолжительной славы не хотѣлъ безвременно проливать драгоцѣнной ему Руской крови. Ропотъ нашъ былъ не справедливъ, слушатели, подобно ропоту дитяти, который жалуется на то, что такъ долго не дѣлается совершеннымъ человѣкомъ.

Едва грозная буря сія утихла на западѣ, какъ новая на югѣ и сѣверѣ возстала. Дѣла неимовѣрныя! И за непроходимые хребты Кавказскіе и въ предѣлы древней Ѳракіи, и въ страны незахо-

дящаго солнца пронесено оружіе Россійское. Ни мужественное сопротивленіе враговъ нашихъ, ни сугубое ополченіе силъ ихъ, тлетворное дыханіе палящаго зноя, громады льдовъ и снѣговъ, ничто не остановило побѣдоносныхъ легіоновъ АЛЕКСАНДРА: онъ всюду поразилъ враговъ своихъ, и что всего удивительнѣе, принудилъ къ миру сильнѣйшаго и опаснѣйшаго изъ нихъ въ такое время, когда никто не смѣлъ сего надѣяться. Потомокъ Готфовъ, житель хладной Скандинавіи! ты постигнутъ справедливымъ мщеніемъ: взгляни, какое пространство лежитъ между тобою и величавою столицею Россіи, предмѣтомъ столѣтнихъ твоихъ покушеній! Побѣдитель востока, Оттоманъ неукротимый! Отброшенный за берега Прута и Дуная, ты долго не дерзнешъ нарушить нашего спокойствія! И ты недостойный преемникъ знаменитой державы Кира! Сколь дорого заплатилъ ты за покорность свою наущеніямъ Корсиканца! Для чего будили вы льва, котораго спокойствіе мнили зрѣть изнеможеніемъ! Страшное для васъ пробужденіе!

Между тѣмъ година освобожденія человѣчества приближалась. Уже орелъ Французской, подобно орлу древняго Рима, раз-

простеръ крылѣ свои надъ всею почти Европою, и стиснувъ въ ужасныхъ когтяхъ своихъ нещастную жертву, точилъ кровь населяющихъ ее народовъ. Все покорялось могуществу обладателя запада; токмо страна, самою природою отъ чуждаго владычества защищенная и Россія, любезное наше отечество, не признавали его законовъ. Величіе и благоденствіе сей Имперіи терзало злобное сердце его, алчбою всеобщаго разрушенія снѣдаемое. Опровергнувъ ее, онъ могъ проникнуть до Индіи. Еще одинъ шагъ, - и онъ сдѣлался бы царемъ вселенныя. Но исполнилась мѣра Божія терпѣнія. О АЛЕКСАНДРЪ! Сколь опасная и вмѣстѣ священная брань предстоитъ Тебѣ! О Россія! Какія бѣдствія и какая слава тебя ожидаютъ! Двадесять народовъ на погибель твою ополчились. Вождь непобѣдимый, искуствомъ Цезарю, жестокостію Аттилѣ подобный, предводитъ несмѣтныя силы ихъ. Мужайся! Онъ поклялся свѣту въ твоемъ паденіи.

Предугадывая издавна замыслы Наполеона, АЛЕКСАНДРЪ уже три года собиралъ войска свои на предѣлахъ Государства. Наученный прошедшими опытами, Онъ отказался отъ всѣхъ вспоможеній, нѣкоторыми дворами ему предлагаемыхъ; имѣлъ время предупредить нападеніе и

встрѣтить врага еще на берегахъ Вислы; но чуждый всякихъ непріязненныхъ начинаній, и вѣдая, что ударъ, который бы Онъ тамъ нанесъ ему, не могъ быть такъ рѣшителенъ и ужасенъ, какъ тотъ, который ожидалъ Его внутри столь пространной сѣверной державы, рѣшился сразиться съ нимъ на поляхъ отеческихъ. Слѣпобуйный завоеватель устремился въ разставленныя ему сѣти. АЛЕКСАНДРЪ обнажилъ побѣдоносный мечь свой и произнесъ священный обѣтъ дотолѣ не полагать его, доколѣ ни единаго непріятеля не останется на землѣ Руской (a).

Время тяжкое, но во вѣки незабвенное, дни сладостные для воспоминанія! Къ Вамъ любезные сограждане, восхищенною мыслію обращаюсь. Сколько великихъ дѣяній, знаменитыхъ событій, безпримѣрныхъ въ лѣтописяхъ міра, совершилось! Помните ли Вы, помните ли тѣ слезы, которые проливали, внимая гласу обожаемаго Вами Монарха, на защиту отечества васъ призывающаго! Помните ли, какъ самъ Монархъ вашъ проливалъ ихъ, взирая на ваше усердіе (b)! Помните ли,

(a) Смотри Рескриптъ Государя Императора къ Графу Салтыкову по случаю вторженія Французовъ отъ 13 Іюня 1812 года.

(b) На примѣръ въ Москвѣ.

какъ Вы несли за него и жизнь вашу и имущество! О мое отечество! Какія опасности тогда окружали тебя! Хотя съ одной стороны, всеобщее противу врага возстаніе и обѣщало щастливое окончаніе брани; но съ другой, быстрое приближеніе непріятеля приводило сердца въ безпокойное недоумѣніе. Съ Бородинскою битвою вторично блеснулъ въ душахъ нашихъ лучь надѣжды; но новое, неожиданное нещастіе совершенно насъ оной лишило. Такъ, сограждане, при всемъ рвеніи и готовности умереть за родину, мужество наше поколебалось, когда узнали мы, что Москва, древній первопрестольный градъ Россіи, занята была врагомъ неистовымъ. И не возможно: драгоцѣннѣйшій перлъ выкатился изъ короны Монарха! Вся Европа уныла съ нами: Одинъ АЛЕКСАНДРЪ пребылъ твердъ и непоколебимъ. *Изольемъ*, вѣщалъ Онъ, *изольемъ всю чашу бѣдствій, но не покоримся!* (а).

Заключить дружественный союзъ съ тѣмъ сѣвернымъ народомъ, который имѣлъ теперь самый благопріятный случай къ отмщенію и симъ обезопасить

(а) Смотри объявленіе по случаю предосторожностей, взятыхъ правительствомъ въ Петербургѣ 1812 года.

столицу; приуготовить повсюду новыя силы, которыя въ надлежащую пору могли бы присоединиться къ арміи, и тогда, когда врагъ воображалъ ее уже истребленною, противо поставить ему новые полки героевъ; твердо продолжать принятое намѣреніе вести до наступленія зимы войну оборонительную, не смотря на могущій отъ того произойти ропотъ; подать собою народу примѣръ мужества и терпѣнія; утѣшать его надѣждою на Бога и на храбрость воинства; молиться и неусыпнымъ окомъ наблюдать произшествія: таковымъ АЛЕКСАНДРЪ явилъ себя въ сіе смутное время, когда всякой другой на его мѣстѣ палъ бы подъ бременемъ сомнѣній.

Напрасно, почтенные слушатели, буду изчислять Вамъ тѣ блистательныя послѣдствія, которыя произвели столь мудрыя мѣры нашего правительства. Вы которыхъ сердца летѣли на поле брани, во слѣдъ вашимъ собратіямъ, Вы знаете, какою славою увѣнчалось чело Россіи, какія бѣдствія постигли враговъ нашихъ? Герой, доселѣ съ побѣдою неразлучный, вождь безчисленныхъ полчищъ, владыка Европы, съ ужасомъ побѣгъ передъ лицемъ защитниковъ Отечества. *Огнь пожралъ стѣны Московскія; но въ немъ сгорѣ-*

ло чудовищное намѣреніе всесвѣтнаго обладанія (а); лучшая часть государства превратилась въ пустыню, но необозримое пространство сіе усплано трупами тѣхъ шести сотъ тысячь воиновъ, съ коими новой Ксерксъ на погибель Россіи устремился, и трофей, изъ отъятыхъ у него орудій воздвигнутый, возвышаясь посреди разрушеннаго имъ града, возвѣститъ потомству славу царствованія АЛЕКСАНДРА.

Сбылись пророческія слова Твои, Монархъ свыше благословенный! Уже ни единаго непріятеля не осталось на землѣ Руской; но не опущенъ еще мечь Твой. Исторгнувъ отечество изъ бездны погибели, Ты спасеніе цѣлой Европы предпріемлешъ. И мысль поразить врага въ самомъ его убѣжищѣ, мысль, которая величайшему изъ героевъ казалась ужасною; токмо что укрѣпляетъ Твое мужество, умножаетъ душевныя силы. Иди великодушный защитникъ угнѣтеннаго человѣчества! Да благословитъ Господь Твои начинанія! А вы, игомъ чуждаго владычества порабощенные, Цари и народы, разторгните узы ваши! Пріобщите знамена свои къ знаменамъ Россіянъ! Се гря-

(а) Смотри Рескриптъ Государя Императора къ Графу Ростопчину по случаю освобожденія Москвы.

детъ Царь кротокъ и смиренъ сердцемъ! Се грядетъ избавитель вашъ! —

Уже АЛЕКСАНДРЪ оставляетъ за собою Неманъ, уже освобожденная Имъ Пруссія возстаетъ изъ праха уничиженія и Фридерикъ подаетъ руку своему Избавителю, уже соединенные легіоны ихъ пожинаютъ лавры на берегахъ Эльбы, какъ отдохнувшій врагъ, собравъ новыя, страшныя силы летитъ положить предѣлъ ихъ побѣдамъ. Нерѣшительныя битвы остановливаютъ на время кровопролитіе. Вотще Наполеонъ истощаетъ коварство свое, дабы воспользоваться симъ непродолжительнымъ спокойствіемъ. Мудрость АЛЕКСАНДРА преуспѣваетъ и Австрія, не смотря на угрозы и льстивыя обѣщанія прежняго своего побѣдителя, не смотря на родственный съ нимъ союзъ свой, спѣшитъ умножить число освободителей Германіи.

Подобно уязвленному стрѣлою свирѣпому тигру, во глубину логовища своего укрывшемуся, сидѣлъ Наполеонъ въ укрѣпленіяхъ Дрездена, ожидая нападенія и мня его быть опаснымъ для союзниковъ. АЛЕКСАНДРА ли могло устрашить сіе? Вождь царей и храбрыхъ ихъ ополченій, Онъ повелѣваетъ окружить врага въ его убѣжищѣ и лично идетъ извѣдать сопро-

тивныя силы. О неслыханное мужество! Смерть вокругъ Тебя, Монархъ нашъ, градомъ сыплются ядры, и Ты не трепещешь! Лучшій изъ подвижниковъ Твоихъ, герой, преплывшій моря, что бы умереть за отечество, падаетъ къ стопамъ Твоимъ, и Ты, забывая собственную опасность, скорбишъ токмо о его потерѣ! Сама природа противу насъ ополчается: возстаетъ буря, дождь цѣлый день льется рѣкою, и Ты, какъ простой воинъ, съ утра до глубокой ночи не оставляешъ поля сраженія. Торжествующій на минуту непріятель устрояетъ Тебѣ погибель; но Ты быстрѣе молніи летишъ на помощь своему Леониду, и ущелія Кульмскія, новыя Термопилы, прославлены побѣдою незабвенною во вѣки!

Наконецъ всѣ усилія Наполеона удержаться на берегахъ Эльбы и съ высотъ Богемскихъ грозить еще свѣту оковами рабства, изчезаютъ. АЛЕКСАНДРЪ отовсюду его стѣсняетъ. Бѣги сынъ злобы! На равнинахъ Лейпцигскихъ ожидаетъ тебя достойное наказаніе!

Для чего не имѣю я дарованій витіи, гремѣвшаго краснорѣчіемъ во дни Петровы, или сего еще славнѣйшаго, который съ лирою поэта и трубою оратора услаждалъ слухъ Елисаветы! Я предста-

вилъ бы вамъ картину брани, превосходящей всѣ доселѣ бывшія. Вы бы увидѣли то кровавое поле, гдѣ всѣ народы Европы, одни подъ хоругвію свободы, другіе подъ знаменами тиранства, стеклись, одушевленные мщеніемъ на взаимное пораженіе. Вы бы увидѣли, съ какимъ хладнокровіемъ Герой сѣвера, принеся въ сонмѣ царей и военачальниковъ теплую Богу молитву, устремляется противу Наполеона, съ какимъ искуствомъ предупреждаетъ всѣ его намѣренія, движетъ громадою многочисленнаго воинства. Три дни восходящее солнце заставало сражающихся; три дни соединенные удары двухъ тысячь орудій не переставали; побѣда колебалась; но четвертое утро озарило союзниковъ на стогнахъ Лейпцига, а врага ихъ въ отчаянномъ, постыдномъ бѣгствѣ.

Громъ Лейпцигской битвы пробудилъ остальную часть Европы; всѣ народы устремили слезящій взоръ свой на АЛЕКСАНДРА и Онъ указалъ имъ путь къ Рейну.

Если бѣгство Наполеона можно хотя въ нѣкоторомъ отношеніи уподобить прошедшему бѣгству его отъ Москвы до Вильны, то съ чемъ сравню шествіе АЛЕКСАНДРА къ предѣламъ Франціи! По-

ражая на каждомъ шагѣ остальныя силы враговъ, разторгая узы чуждаго владычества, воздвигая разрушенныя троны, Онъ встрѣчаемъ былъ повсюду какъ посланникъ Божій, ангелъ утѣшитель. Старцы, юноши, дѣвы, всѣ съ торжественными клики спѣшили зрѣть освободителя человѣчества. Сего мало, спасенная имъ Европа подноситъ ему титло *Великаго*, и Онъ, съ неподражаемою кротостію отрицаясь его, *одинъ токмо Богъ великъ*, вѣщаетъ.

Ничто не воспящаетъ побѣдоносному шествію АЛЕКСАНДРА. Рейнъ, почитаемый доселѣ преградою необоримою, подобно Іордану предъ нимъ разступается; самыя твердыни, природою и искуствомъ въ три ряда взгроможденныя, Его не останавливаютъ: Онъ втоpгается въ нѣдра Франціи. Бріенна, Фонъ — Шампенуазъ, Монмартръ вѣнчаютъ Его новою славою, и Парижъ, гордая, нѣсколько вѣковъ неприкосновенная столица, отверзаетъ Ему врата свои. Событія чудесныя! Не прошло еще двухъ лѣтъ отъ разрушенія Москвы и мстители ея уже на берегахъ Сены; тотъ народъ, который пылалъ противу Россіи злобою непримиримою, тотъ самый народъ съ восторгомъ летитъ во срѣтеніе царю

вя; въ прахъ низвергается коллосъ, грозившій подавить Европу; Монархъ изгнанникъ пріемлетъ тронъ Людовика, и миръ, который, казалось, на вѣки утратили, благословенный миръ низходитъ съ неба! О АЛЕКСАНДРЪ! Тебѣ единому обязаны мы за сіе благодѣяніе! Что бы послѣдовало, если бы въ ту минуту, когда отчаянный врагъ бросился пресѣчь Тебѣ обратный выходъ и когда знаменитѣйшіе изъ полководцевъ, что начать не доумѣвали, если бы въ сію рѣшительную минуту, Одинъ присутствіе духа сохранившій, Ты не устремился къ Парижу; тогда можетъ быть кровопролитіе продолжалось бы доселѣ, половина Франціи возстала бы за своего повелителя и Наполеонъ, можетъ быть, удержалъ бы на главѣ своей Императорскую корону (а). Но теперь, гдѣ „онъ?„ Видѣхъ нечестиваго превозносящася и высящася, яко кедры ливанскія. И мимо идохъ, и се не бѣ, и взыскахъ его, и не обрѣтеся мѣсто его.“

(а) Сказываютъ, что движеніе Наполеона отъ Парижа къ крѣпостямъ, привело въ большое недоумѣніе союзныхъ Генераловъ; уже арміи двинулись было его преслѣдовать, какъ получено словесное Государя Императора повелѣніе идти всѣмъ къ Парижу, изключая корпуса Винцегероде.

Такъ окончилась священная брань за свободу человѣчества. Вселенная восписуетъ славу АЛЕКСАНДРУ, но АЛЕКСАНДРЪ воздаетъ ее Богу; Цари и народы въ тріумфахъ и торжествахъ спѣшатъ изъявить Ему свою благодарность, но Онъ сего устраняется. Возвеличенная Имъ Россія нарицаетъ Его Благословеннымъ, и предпріемлетъ воздвигнуть Ему памятникъ; но Онъ смиренно уклоняясь сего, тако на умоляющій гласъ ея отвѣтствуетъ:,, *Да соорудится мнѣ памятникъ въ чувствахъ вашихъ, какъ оный сооруженъ въ чувствахъ Моихъ къ вамъ! Да благословляетъ меня въ сердцахъ своихъ народъ Мой, какъ Я въ сердцѣ Моемъ благословляю оный! Да благоденствуетъ Россія! да будетъ надо Мною и надъ нею благословеніе Божіе!*

О величайшій изъ владыкъ земныхъ! Монархъ несравненно кроткій и милосердый! Благодѣтель и Просвѣтитель Отечества! О ты, Который воздвигъ Россію на степень толикія славы, исторгъ Европу изъ бездны погибели, поразилъ тирана ея, утѣшилъ человѣчество! Желаніе твое исполнено: мы уже благословляемъ Тебя, будемъ благословлять до послѣдняго вздоха, въ роды и роды передадимъ нашу любовь къ Тебѣ; самыя дѣла Твои не упредятъ ее, и потомство восхищенное АЛЕКСАНДРОМЪ падетъ предъ нимъ благоговѣя!

X.

ОДА

на

ВСЕРАДОСТНЫЙ ДЕНЬ РОЖДЕНІЯ
ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА
АЛЕКСАНДРА ПЕРВАГО.

Пади, Европа восхищенна
Съ Россіей, дщерію твоей,
Пади предъ Вышнимъ на колѣна,
И благодарны слезы лей!
Въ сей день, отъ вѣкъ постановленной
Во избавленіе Вселенной
Даръ неба, АЛЕКСАНДРЪ рожденъ
Твои разторгнуть тяжки узы,
И адски разорвать союзы,
Утѣхой быть земныхъ племенъ.

*

Въ восторгѣ мыслію взлетаю
Я горнихъ мѣстъ на высоту,
Откуда взоры простираю
На всю земную широту.
Красно, величественно, стройно,
Воззрѣнія небесъ достойно,
Плѣняетъ зрѣлище мой взоръ:
На сѣверѣ, востокѣ, югѣ,
На западѣ, въ подлунномъ кругѣ
Торжествъ различныхъ зрю соборъ.

*

Се вижу, отъ валовъ Балтійскихъ
До мѣстъ, Амуръ гдѣ воды льетъ,
Отъ водъ Евксинскихъ до Каспійскихъ
И гдѣ волна Курильска бьетъ,
Полна Россія ликованій,
Полна сердечныхъ восклицаній:
„Въ сей день Хранитель мой рожденъ,
Кѣмъ я спокойна и блаженна,
Кѣмъ нынѣ я превознесенна
Превыше всѣхъ земныхъ племенъ.“

*

И се Богиня полвселенной,
Владычица седьми морей
На АЛЕКСАНДРОВЪ зракъ священной,
На незабвенной зракъ для ней,
Со умиленіемъ взираетъ:
„Что я воздамъ *Тебѣ*? — вѣщаетъ,
Ты жертвъ не требуешъ моихъ!
Такъ въ сердцѣ я поставлю вѣчный,
Не времянный, нерукосѣчный
Дѣяній памятникъ *Твоихъ*!“

*

Се АЛЕКСАНДРОВЪ зракъ сіяетъ,
Въ сей день, какъ солнце въ небесахъ,
Утѣху, радость разливаетъ
Во всѣхъ Вселенныя концахъ.
Се не одна Ему Россія,
Европа, Африка, Азія,
Америка плетутъ вѣнецъ,
Чело божественно вѣнчаютъ

И велегласно восклицаютъ:
Прими и нашихъ дань сердецъ!

* *

И сей глаголъ, подобно грому,
Концы вселенныя сотрясъ;
На крыльяхъ радости несомый
Я слышу сей Европы гласъ:
„На высотѣ бы горъ Алпiйскихъ,
Превыше пирамидъ Мемфiйскихъ
Я *Твой* поставила колоссъ,
Куда орлы *Твои* летали,
На Галла бранный громъ бросали,
Гдѣ славою покрылся Россъ;

*

„Но гдѣ Колоссъ, что многи вѣки
Въ числѣ чудесъ всемiрныхъ былъ,
Въ мѣстахъ, гдѣ жили древни Греки,
Чело до облакъ возносилъ? —
Мои цари, мои народы
Изъ вѣка въ вѣкъ, отъ рода въ роды
Превознесутъ *Тебя* хвалой,
И громогласными волнами
Мой Рейнъ восплещетъ предъ вѣками,
Что *Ты* спаситель, Генiй мой!“

*

Восторгъ Европы раздѣляетъ
И черный житель знойныхъ странъ:
„О добрый бѣлыхъ царь! — Вѣщаетъ,
Тебѣ бъ воздвигъ я истуканъ
Превыше пирамидъ надмѣнныхъ,

До облакъ суетой взнесенныхъ,
Чѣмъ древле мой гордился край;
Но зрю *Тебя* въ подобьи Нила,
Твоя бъ душа преобратила
Мои пустыни въ красный рай."

*

Поклонникъ солнца, Перуанецъ,
Въ восторгѣ сердца произрекъ:
„О естьлибъ въ златѣ, что Испанецъ
„Изъ нѣдръ земли моей извлекъ,
„Моею кровью обагрился,
„О естьлибы *Твой* зракъ явился,
„Какъ Инка возсіялъ бы мнѣ;
„Какъ Инка, вижу, *Ты* сіяешъ,
„Златый доброты лучь пускаешъ
„Въ *Твоей* блаженнѣйшей странѣ."

*

Рекли — и Барды ударяютъ
По звонкимъ, по златымъ струнамъ,
Глаголъ всемірный отглашаютъ
Грядущимъ позднимъ въ слухъ вѣкамъ.
И юному сему парнассу,
Его младенческому гласу
Внемли, Отечества Отецъ!
И онъ богатымъ словомъ Росскимъ,
Пріятнымъ, нѣжнымъ, сильнымъ, громкимъ
Дѣла *Твои* превознесетъ.

XI.

Почтеннѣйшіе Посѣтители!

Общество Россійской словесности, удостоенное благосклоннымъ посѣщеніемъ толь знаменитыхъ особъ, священнымъ себѣ долгомъ поставляетъ устами моими, яко избраннаго имъ Перваго члена, торжественно изъявить общія наши благодарныя чувствованія. Они напечатлѣны въ сердцахъ нашихъ и послужатъ къ усугубленію силъ для достиженія хотя и трудной, но славной цѣли, содѣйствовать обработыванію Россійской словесности. Поле пространное; но тамъ трудъ легокъ, гдѣ совокупное рвеніе, всевозможная ревность къ пользѣ общественной движутъ сердцами.

СПИСОКЪ

Членовъ Общества.

Въ началѣ 1817 года.

По старшинству вступленія.

I. *Дѣйствительные члены.*

1. Илья Федоровичь Яковкинъ — Предсѣдательствующій Старшій членъ, Коллежскій Совѣтникъ, Заслуженный Профессоръ, Императорской Казанской Гимназіи Директоръ, Комитета для испытанія чиновниковъ членъ и Ордена Св. Владиміра 4 степени Кавалеръ.

2. Петръ Сергѣевичь Кондыревъ — Секретарь Общества, Экстраординарный Профессоръ Историческихъ наукъ и Политической Экономіи, Отправляющій должность Библіотекаря Университета, Санктпетербургскаго Общества Соревнователей просвѣщенія и благотворенія членъ — корреспондентъ.

3. Николай Мисаиловичь Ибрагимовъ — Издатель, Императорской Казанской Гимназіи Инспекторъ и старшій учитель высшихъ классовъ Россійскаго и Математики, Титулярный Совѣтникъ.

4. Василій Матвѣевичь Перевощиковъ — Издатель, Экстраодинарный Профессоръ Краснорѣчія, Стихотворства и языка Россійскаго, Обществъ Санктпетербургскаго вольнаго Любителей наукъ, Словесности и художествъ и Московскаго Любителей Россійской словесности членъ.

5. Григорій Борисовичь Никольскій — Казначей, Экстраординарный Профессоръ прикладной Математики, Правленія Университетскаго Безсмѣнный Засѣдатель.

---

6. Іизраиль — Архимандритъ Свіяжскаго первокласнаго Богородицкаго монастыря, Казанской духовной Академіи Инспекторъ, Консисторіи Присутствующій и ордена Св. Анны 2-ой степени кавалеръ.

7. Карлъ Федоровичь Фуксъ — Ординарный Профессоръ Естественной исторіи и Ботаники, Докторъ Медицины и Хирургіи, Казанскаго Попечительнаго комитета о бѣдныхъ Попечитель, Обществъ Императорскаго испытателей природы въ Москвѣ и другихъ многихъ и училищнаго при Университетѣ комитета членъ.

8. Григорій Николаевичь Городчаниновъ — Надворный Совѣтникъ, Ординарный Профессоръ Красноръчія, Стихотворства и языка Россійскаго, Отдѣленія Словесныхъ наукъ Деканъ.

9. Петръ Андреевичь Бужениновъ — Капитанъ, Чистопольскаго уѣзднаго училища Почетный Смотритель, Чистопольскаго уѣзда дворянства Предводитель.

10. Федоръ Михайловичь Рындовскій — Штабъ-лѣкарь.

11. Борисъ Герасимовичь Поликарповъ — Протоіерей Каѳедральнаго въ Казани собора, Казанской Академіи Префектъ и Философіи учитель, Консисторіи Присутствующій и ордена Св. Анны 2-ой степени кавалеръ.

12. Гурій Іевлевичь Ласточкинъ — Протоіерей Петропавловскаго собора, духовной Академіи учи-

тель Церковной исторіи и чистой Математики, Консисторіи Присутствующій.

13. Степанъ Сергѣевичь Петровскій — Адъюнктъ военной и гражданской Архитектуры, Гимназіи Учитель Артиллеріи и Фортификаціи и Библіотекарь оной.

14. Савва Андреевичь Москотильниковъ — Надворный Совѣтникъ, Губернскаго Правленія Совѣтникъ.

15. Петръ Ивановичь Таліевъ — Протоіерей Богоявленской церкви, Консисторіи присутствующій, духовной Академіи высшихъ классовъ Французскаго и Географическаго учитель.

16. Іосифъ Евсевьевичь Срезневскій — Адъюнктъ философіи, Секретарь отдѣленія Нравственно — Политическихъ наукъ.

17. Гавріилъ Ильичь Солнцевъ — Экстраординарный Профессоръ правъ знатнѣйшихъ народовъ, Докторъ правъ, Училищнаго при Университетѣ Комитета членъ.

18. Михаилъ Алексѣевичь Юнаковъ — Адъюнктъ Историческихъ наукъ, Секретарь отдѣленія Словесныхъ наукъ, Редакторъ Казанскихъ извѣстій и Комитета ученыхъ записокъ членъ.

19. Доримедонтъ Петровичь Самсоновъ — Магистръ Словесныхъ наукъ.

20. Владиміръ Яковлевичь Булыгинъ — Магистръ историческихъ наукъ и Политической Экономіи, Помощникъ Инспектора студентовъ.

21. Януарій Осиповичь Ярцовъ — Магистръ Восточныхъ языковъ *(нынѣ находится въ Персіи.)*

22. Василій Осиповичь Шишацкій — Профессоръ.

Иногородные члены.

1. Александръ Ивановичь Васильевъ — 8-го класса, служащій въ Экспедиціи о Государственныхъ доходахъ, ордена Св. Владиміра 4-й степени кавалеръ — въ Шкловѣ.

2. Порфирій Васильевичь Безобразовъ — Коллежскій Асессоръ, служащій въ Совѣтѣ путей сообщенія и ордена Св. Владиміра 4-ой степени кавалеръ — въ Санктпетербургѣ.

3. Дмитрій Максимовичь Княжевичь — Коллежскій Ассессоръ, служащій въ Экспедиціи о Государственныхъ доходахъ, С. п. б. вольнаго Общества Любителей наукъ, Словесности и художествъ членъ, ордена Св. Владиміра 4-ой степени кавалеръ — въ Вѣнѣ.

4. Александръ Ивановичь Панаевъ — Лейбгвардіи Уланскаго полка Штабсъ-Ротмистръ.

5. Иванъ Ивановичь Кужелевъ — Коллежскій Асессоръ — въ Горбатовѣ.

6. Дмитрій Матвѣевичь Перевощиковъ — Титулярный Совѣтникъ — въ Симбирскѣ.

7. Епифаній — Епископъ Воронежскій и Черкаскій и орд. Св. Анны 2-ой степени кавалеръ — въ Воронежѣ.

8. Афонасій Григорьевичь Пятницкій — Надворный Совѣтникъ, дивизіонный Докторъ, ордена Св. Владиміра 4-ой степени кавалеръ — въ Оренбургѣ.

9. Василій Григорьевичь Анастасевичь — Коллежскій Совѣтникъ, служащій въ Коммисіи о составленіи законовъ и при Попечителѣ Императорскаго Виленскаго Университета — въ С. п. бургѣ.

10. Сергѣй Тимофѣевичь Аксаковъ — Коллежскій Секретарь — въ Бугурусланѣ.

11. Николай Ильичь Федоровъ — Коллежскій Ассессоръ, служащій въ Департаментѣ Министерства юстиціи, С. П. бургскаго вольнаго общества Любителей наукъ, Словесности и художествъ членъ — въ Санктпетербургѣ.

12. Дмитрій Михайловичь Соколовъ — Коллежскій Совѣтникъ, Императорской Россійской Академіи членъ и Казначей — въ Санктпетербургѣ.

13. Александръ Васильевичь Карсунскій — Оберъ-Аудиторъ 7 го класса, ордена Св. Владиміра 4-ой степени кавалеръ — въ Оренбургѣ.

14. Николай Сергѣевичь Арцыбышевъ — Титулярный Совѣтникъ, Почетный Смотритель Ядринскаго училища, Обществъ Исторіи и древностей Россійскихъ и С. п. б. вольнаго Любителей наукъ, Словесности и художествъ членъ — въ Цывильскѣ.

15. Патрикій Симоновичь Политковскій — Коллежскій Ассессоръ, служащій въ Департаментѣ Государственныхъ податей и сборовъ, С. п. б. вольнаго общества любителей наукъ, Словесности и художествъ членъ — въ Санктпетербургѣ.

17. Иванъ Евсевьевичь Срезневскій — Надворный Совѣтникъ, Императорскаго Харьковскаго Университета Ординарный Профессоръ Краснорѣчія, Стихотворства и языка Россійскаго, Инспекторъ студентовъ, Коммитетовъ училищнаго и для испытанія чиновниковъ и Харьковскаго общества наукъ членъ, Общества любителей Россійской Словесности въ Ярославлѣ Почетный членъ — въ Харьковѣ.

17. Никита Саввичь Поповъ — Надворный Совѣтникъ, Директоръ Пермскихъ училищъ — въ Перми.

18. Степанъ Васильевичь Руссовъ — Надворный Совѣтникъ и ордена Св. Владиміра 4-ой степени кавалеръ — въ Москвѣ.

19. Діонисій — Архимандритъ второкласнаго въ Астрахани Спасопреображенскаго монастыря, Семинаріи Ректоръ и Герменевтики учитель, монастырей благочинный — въ Астрахани.

20. Александръ Федоровичь Воейковъ — Императорскаго Дерптскаго Университета Ординарный Профессоръ Краснорѣчія, Стихотворства и языка Россійскаго, Общества Любителей Россійской Словесности въ Москвѣ членъ — въ Дерптѣ.

21. Владиміръ Ивановичь Панаевъ — Коллежскій Секретарь, служащій въ Департаментѣ Министерства юстиціи, С. п. б. вольнаго Общества наукъ, Словесности и художествъ членъ — въ С. п. б.

22. Николай Аммосовичь Менделѣевъ — Титулярный Совѣтникъ, — въ Москвѣ.

23. Яковъ Васильевичь Орловъ — Армейской семинаріи Инспекторъ, Профессоръ Исторіи и Статистики, Надворный Совѣтникъ, ордена Св. Владиміра 4-ой степени кавалеръ — въ Санктпетербургѣ.

24. Владиміръ Васильевичь Измайловъ — Маіоръ, Обществъ: Императорскаго испытателей природы Почетный членъ и Любителей Россійской Словесности въ Москвѣ членъ — въ Москвѣ.

25. Антоній — Епископъ Калужской и Боровской, ордена Св. Анны 1-ой степени кавалеръ — въ Калугѣ.

26. Михаилъ Трофимовичь Каченовскій — Докторъ философіи, Императорскаго Московскаго Университета Ординарный Профессоръ изящныхъ наукъ и Археологіи, Обществъ: Московскихъ Исторіи и древностей Россійскихъ членъ, Любителей Россійской Словесности членъ и Секретарь, Ярославскаго Любителей Россійской Словесности Почетный членъ — въ Москвѣ.

27. Алексѣй Ѳедоровичь Мерзляковъ — Императорскаго Московскаго Университета Ординарный Профессоръ Краснорѣчія, Стихотворства и языка Россійскаго, Обществъ С. п. б. вольнаго Любителей наукъ, Словесности и художествъ, Московскихъ: Исторіи и древностей Россійскихъ и Любителей Россійской Словесности членъ, Ярославскаго Любителей Россійской Словесности Почетный членъ — въ Москвѣ.

28. Александръ Ивановичь Красовскій — Коллежскій Совѣтникъ, Императорской публичной Библіотеки Библіотекарь и ордена Св. Владиміра 4-ой степени кавалеръ — въ Санктпетербургѣ.

29. Иванъ Ивановичь Чернявскій — Коллежскій Совѣтникъ, Императорскаго Виленскаго Университета Ординарный Профессоръ языка Россійскаго и Исторіи Россійской, Докторъ Философіи и С. п. б. вольнаго Общества Любителей наукъ, Словесности и художествъ членъ — въ Вильнѣ.

30. Гавріилъ Петровичь Успѣнскій — Императорскаго Харьковскаго Университета Ординарный Профессоръ Исторіи, Географіи и Статистики Россійской имперіи, Обществъ Харьковскаго наукъ и Московскаго Исторіи и древностей Россійскихъ членъ — въ Харьковѣ.

31. Семенъ Михайловичь Броневскій — Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ и орденовъ Св. Анны 2-ой степени и Св. Владиміра 4-ой степени кавалеръ.

32. Александръ Ивановичь Тургеневъ — Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ, Совѣта Коммисіи составленія законовъ членъ, въ Государственномъ совѣтѣ Статсъ-Секретаря помощникъ, Департа-

мента духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій Директоръ, Коммитета Россійскаго Библейскаго общества Секретарь, Патріотическаго женскаго Общества Правитель дѣлъ, Обществъ Московскаго Исторіи и древностей Россійскихъ членъ соревнователь, Ярославскаго Любителей Россійской Словесности Почетный членъ, орденовъ Св. Анны 2-ой степени и Св. Владиміра 4-ой степени кавалеръ — въ Санктпетербургѣ.

33. Петръ Андреевичь Словцовъ — Коллежскій Совѣтникъ, Иркутскихъ училищъ Директоръ, Совѣстный судья и ордена Св. Влад 4-ой степени кавалеръ — въ Иркутскѣ.

34. Андрей Михайловичь Соловьевъ — Старшій учитель Симбирской Гимназіи историческихъ наукъ — въ Симбирскѣ.

35. Петръ Ивановичь Соколовъ — Статскій Совѣтникъ, Императорской Россійской Академіи Секретарь и членъ, Бесѣды Любителей Россійскаго слова членъ и Секретарь, С. п. б. вольнаго Любителей наукъ, Словесности и художествъ и Московскаго Любителей Россійской Словесности членъ — въ С. п. бургѣ.

36. Василій Андреевичь Жуковскій — Штабсъ-Капитанъ — въ Дерптѣ.

37. Константинъ Батюшковъ — въ Москвѣ.

38. Князь Петръ Андреевичь Вяземскій — тамъ же.

39. Павелъ Михайловичь Строевъ — Коммисіи печатанія Государственныхъ граммагпъ и договоровъ главный смотритель. — ва Москвѣ.

II. Почетные члены въ 1815 году (*).

1. Графъ Алексѣй Кириловичь Разумовскій — Дѣйствительный Тайный Совѣтникъ, Дѣйствительный Камергеръ, Императорскихъ Университетовъ Московскаго и Казанскаго и Медико-Хирургической Академіи, Обществъ Московскихъ: Любителей Россійской Словесности и врачебныхъ и физическихъ наукъ, Ярославскаго Любителей Россійской Словесности, С. п. б. вольнаго Любителей наукъ, Словесности и художествъ — Почетный членъ, Императорской Академіи художествъ Почетный Любитель, Бесѣды Любителей Россійскаго слова Попечитель, Императорскаго Общества испытателей природы Президентъ, Московскаго Исторіи и древностей Россійскихъ Благотворитель, учрежденныхъ при Воспитательномъ обществѣ благородныхъ дѣвицъ и при училищѣ ордена Св. Екатерины Совѣтахъ членъ, — Орденовъ Св. Александра Невскаго и Св. Владиміра 1-ой степени большаго креста кавалеръ.

2. Михаилъ Александровичь Салтыковъ — Двора Его Императорскаго Величества Дѣйствительный Камергеръ, Императорскаго Казанскаго Университета и учебнаго его округа Попечитель, Императорскаго Казанскаго Университета Почетный членъ.

3. Гавріилъ Романовичь Державинъ. — *Умеръ.*

4. Иванъ Ивановичь Дмитріевъ — Тайный Совѣтникъ, Императорскихъ Университетовъ Московскаго, Казанскаго и Харьковскаго, Обществъ Московскихъ: Любителей Россійской Словесности и Испытателей природы, С. п. б. вольнаго Люби-

(* Состояніе званій, должностей и чиновъ въ Февралѣ 1817 года.

телей наукъ, Словесности и художествъ, Ярославскаго Любителей Россійской Словесности Почетный членъ, Россійской Академіи членъ, Бесѣды Любителей Россійскаго слова Попечитель, Ордена Св. Анны 1-ой степени Кавалеръ.

5. Александръ Семеновичь Шишковъ — Вицеадмиралъ, Государственнаго совѣта членъ, Сенаторъ, Адмиралтейскаго Департамента членъ, Императорскихъ: Академіи наукъ и Университетовъ Московскаго, Казанскаго и Харьковскаго, Обществъ С. п. б. вольнаго Любителей наукъ, Словесности и художествъ и Московскаго Любителей Россійской словесности Почетный членъ, Императорской Россійской Академіи Президентъ, Бесѣды Любителей Россійскаго слова перваго разряда Предсѣдатель, Орденовъ Св. Александра Невскаго, Св. Владиміра 1-й степени большаго креста и Св. Анны 1-го класса Кавалеръ.

6. Графъ Дмитрій Ивановичь Хвостовъ — Тайный Совѣтникъ, Сенаторъ, Императорской Россійскій Академіи членъ, Императорскихъ Университетовъ Московскаго, Виленскаго, Харьковскаго и Казанскаго, Обществъ Императорскаго Испытателей природы и Любителей Россійской словесности въ Москвѣ, Любителей Россійской Словесности въ Ярославлѣ, вольнаго Любителей наукъ, Словесности и художествъ въ С. п. бургѣ Почетный членъ, Бесѣды Любителей Россійскаго слова и Общества Соревнователей благотворенія и просвѣщенія членъ, Ордена Св. Анны 1-го класса Кавалеръ.

7. Николай Михайловичь Карамзинъ — Статскій Совѣтникъ, Императорскій Россійскій Исторіографъ, Императорскихъ Университетовъ Московскаго и Казанскаго, Обществъ Московскихъ:

Испытателей природы и Любителей Россійской словесности, Санктпетербургскаго вольнаго Любителей наукъ, Словесности и художествъ, Ярославскаго Любителей Россійской словесности, Бесѣды Любителей Россійскаго слова, Мастерской и Оружейной въ Москвѣ палаты Почетный членъ, Общества Исторіи и древностей Россійскихъ членъ, Орденовъ: Св. Анны 1-ой степени и Св. Владиміра 3-й степени Кавалеръ.

8. Иванъ Ивановичь Мартыновъ — Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ, Департамента Министерства Народнаго Просвѣщенія Директоръ, Главнаго училищъ Правленія Правитель дѣлъ, Императорской Россійской Академіи членъ, Императорскихъ Университетовъ Московскаго, Казанскаго, Харьковскаго и Виленскаго и Медикохирургической Академіи, Обществъ любителей Россійской Словесности въ Москвѣ, вольнаго любителей наукъ, Словесности и художествъ въ С. п. бургѣ, Любителей Россійской словесности въ Ярославлѣ Почетный членъ, Императорскаго вольнаго Экономическаго въ С.п. бургѣ членъ, Орденовъ Св. Анны 2-й степени и Св. Владиміра 3-й степени Кавалеръ.

9. Павелъ Ивановичь Голенищевъ-Кутузовъ — Тайный Совѣтникъ, Сенаторъ, Академіи наукъ и Московскаго Университета, Бесѣды Любителей Россійскаго слова, Обществъ Московскаго Врачебныхъ и Физическихъ наукъ, Ярославскаго любителей Россійской Словесности Почетный членъ, Императорской Россійской Академіи, Обществъ Московскихъ: Любителей Россійской словесности, Исторіи и древностей Россійскихъ членъ, Императорскаго общества Испытателей природы Вицепрезидентъ, Ордена Св. Анны 1-й степени Кавалеръ.

10. Евгеній — Архіепископъ Псковскій, Лифляндскій и Эстляндскій, Императорской Россійской Академіи членъ, Императорскихъ Университетовъ Московскаго, Казанскаго и Виленскаго и Медико-хирургической Академіи, Обществъ Московскаго любителей Россійской словесности и С. п. бургскаго вольнаго любителей наукъ, Словесности и художествъ, Бесѣды любителей Россійскаго слова Почетный членъ, Московскаго общества Исторіи и древностей Россійскихъ соревнователь, Ордена Св. Анны 1-й степени и Св. Владиміра 2-й степени большаго креста Кавалеръ.

11. Алексѣй Николаевичь Оленинъ — Тайный Совѣтникъ, въ Государственномъ Совѣтѣ Статсъ-Секретарь, Императорской публичной Библіотеки Директоръ, Департамента удѣловъ Присутствующій, Императорской Россійской Академіи и Бесѣды Любителей Россійскаго слова членъ, Императорской Академіи наукъ, Академіи художествъ, Санкпетербургскаго вольнаго общества любителей наукъ, Словесности и художествъ, Мастерской и Оружейной въ Москвѣ палаты Почетный членъ, Орденовъ св. Анны 1-го класса, св. Владиміра 2-й степени большаго креста кавалеръ и Іоанна Іерусалимскаго Командоръ.

12. Василій Васильевичь Капнистъ — Статскій Совѣтникъ, служащій при Министерствѣ народнаго Просвѣщенія, Императорской Россійской Академіи и Харьковскаго Общества наукъ членъ, Бесѣды Любителей Россійскаго слова, Обществъ Московскаго Любителей Россійской Словесности и С. п. бургскаго вольнаго Любителей наукъ, Словесности и художествъ Почетный членъ.
